

САМАРОВАНИЙ МИР

ТАЙНЫЕ ИСКУССТВА

Зачарованный мир
ТАЙНЫЕ ИСКУССТВА

Зачарованный мир
ТАЙНЫЕ ИСКУССТВА

Содержание

Глава первая

СИЛА СЛОВА • 6

- Тайные записи египетских жрецов • 8
 - Надписи, обладающие магической силой • 15
 - Древнее очарование магического утра • 17
 - Магическое заклинание для лечения желудочных колик • 22
-

Глава вторая

ПРЕДСКАЗАНИЕ СУДЬБЫ • 24

- Откровение, написанное кровью • 27
- Арифметический талисман • 36
- Мать всех триад • 37
- Двойники, предсказывающие судьбу • 39

Эзотерическое число • 40

Глава третья

ГАРМОНИИ ТАЙН • 44

- Музыка, очаровывающая волков • 46
 - Армия демонов отправлена в полет • 54
-

Глава четвертая

КУХНЯ ВЕДЬМЫ • 61

- Смертельное противоядие • 72
- Окна в таинственный мир • 73

Глава пятая

МАГИЧЕСКАЯ СИЛА КАМНЕЙ • 80

Космические связи • 87

Эликсир жизни, превращенный в камень • 89

Мудрецы в поисках золота • 94

Глава шестая

ЗЕРКАЛА И МЕТАЛЛЫ • 101

Жертва паутины волшебника • 109

Цыганский способ поимки вора • 110

Глава седьмая

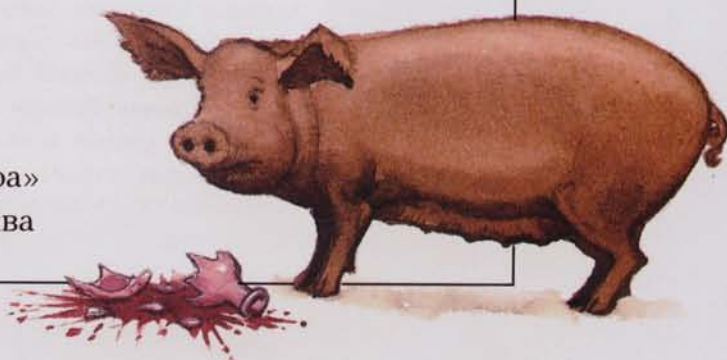
АРСЕНАЛ ЧАРОДЕЯ • 114

Способы защиты от злых духов • 125

Война света и мрака • 133

«Терра»
Москва

Глава первая

Сила слова

Ненасытные в своей жажде знаний люди, занимавшиеся магией, стремились заглянуть за границы реального мира, изучить тайные законы, управляющие судьбами людей и народов. Во все века ученые стремились собрать вместе разрозненные элементы этих скрытых истин и обеспечить себе бессмертие, сохраняя с величайшим трудом завоеванные открытия для будущих ученых, которые еще не родились.

Их послания принимали самые разнообразные формы. Клинопись наносилась на глиняные таблички, пока глина оставалась свежей и мягкой, а затем эти таблички обжигались и становились твердыми. Магические иероглифы, вырезанные на камне, сохранялись в подземных гробницах фараонов, где воздух веками оставался сух и недвижим. Свитки папирусов лежали глубоко под горячими песками, которые через много веков с тихим шелестом открывали их взорам испуганных и озадаченных скотоводов. Высокие сторожевые камни с нанесенными на них тонкими, как паучьи лапы, руническими знаками стояли на холмах и омывались дождями, стекавшими по склонам. Тяжелые тома, страницы которых были покрыты черными буквами, приковывались цепями и скрывались от глаз людей в монастырских библиотеках. Заключение в оболочку

Тайные записи египетских жрецов

Для жителей древнего Египта любая надпись, независимо от того, нарисована она на папирусе или выбита на камне, была даром богов. Но иероглифы были больше чем просто абстрактными символами. Каждый из них отображал самую сущность предмета, который изображал. Умея правильно использовать эти фигурки, можно было достичь вечной жизни или погубить душу врага.

Наиболее могущественным из всех иероглифов был анх, крест с петлей, символизирующий саму жизнь. Фараон, который заботился о том, чтобы не стать после смерти жертвой жестокости грабителей могил или зависти властолюбивых родственников, и стремился спасти свою душу, приказывал художнику, расписывающему его гробницу, изобразить себя со священным иероглифом «анх» под носом, хранилищем всех жизненных сил человека. До тех пор, пока это изображение оставалось неповрежденным, его душа оставалась живой, имея возможность вдыхать само дыхание жизни.

из молчаливых букв слова, заряженные колдовской силой, ждали. Летописцы предостерегали тех, кто пытался расшифровать эти коды. Тайны вселенной раскрывались не так легко; недостойного человека, попытавшегося слишком глубоко в них проникнуть, ждала судьба, которую трудно выразить словами. Однако соблазн обрести знания зачастую преобладал над осторожностью.

Одним из таких людей, не сумевшим отказаться от поисков, несмотря на цену, которую предстояло за это заплатить, был принц Нефрекептах, сын фараона восемнадцатой династии, высокообразованный чародей. Посвятив себя поискам оккультной мудрости, он проводил дни за изучением текстов, выбитых на стенах храмов и внутри пирамид давно умерших правителей Египта.

Случилось так, что однажды в старинной усыпальнице в Мемфисе, когда принц углубился в исследования, грубый смех прервал его размышления. Он отвлекся от иероглифов, которые переписывал, оглянулся и увидел, что за ним наблюдает жрец храма. Этот человек спросил Нефрекептах, зачем он напрасно тратит время, занимаясь такими тривиальными вещами, когда может, если захочет, непосредственно припасть к первоисточнику всех знаний.

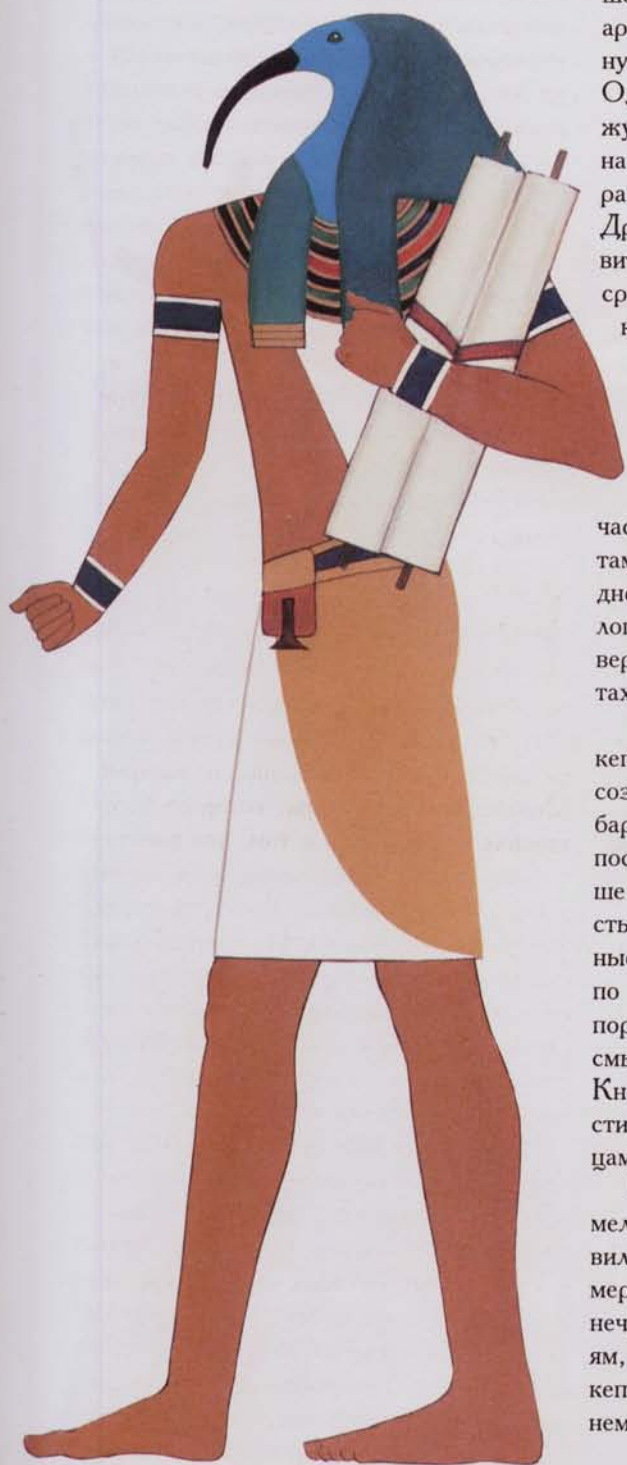
У Нефрекептах учашенно забилось сердце. Он понял, что жрец имеет в виду Книгу Тота, написанную божеством, покровителем мудрости и летописцем богов, изобретателем письменности. Книга, насчитывавшая сорок два свитка, содержала всю мудрость мира. Самые первые строки книги давали читателю знание языков всех живых существ, следующий раздел открывал секреты божественных созданий и всего того, что скрыто на небесах. Далее страницы содержали откро-

вения, выходившие далеко за пределы понимания большинства людей, за исключением немногих посвященных в тайны. Многие ученые упоминали эту книгу, но никто никогда не видел ее.

Нефрекептах немедленно предложил любую цену за сведения о том, где находится книга. Жрец потребовал плату в сто слитков серебра и похороны с привилегиями, предоставлявшимися только правителям. Когда это было ему обещано, жрец сказал сыну фараона, что Книга лежит в сундуке, находящемся внутри других, вложенных один в другой и покоящихся на дне Нила возле города Копта. Окружают их пресмыкающиеся и скорпионы, а стережет бессмертная змея.

Нефрекептах рассказал эту новость своей жене Ахуре, которая по обычаям фараонов была его сестрой. Она была искренней помощницей принца во всех его начинаниях и матерью Мераба, их юного сына, которого боготворила. Убежденная в том, что фанатическим стремлением мужа к знаниям воспользуется дьявол, Ахура умоляла его прекратить поиски. Но Нефрекептах отверг мольбы. У фараона — их отца — он испросил разрешения воспользоваться царским кораблем и с Ахурой и Мерабом отправился на парусном судне к городу Копту на поиски Книги.

В Копте он поселил жену и сына во дворце неподалеку от реки, а сам в одиночестве отправился на берег Нила, чтобы подготовиться к поискам. Оторвись рыбаки от своих сетей, а крестьяне — от своих полей, они могли бы увидеть нечто удивительное и странное. Нефрекептах заклинаниями вызвал из пустоты небольшой домик, не больше внутренней камеры усыпальницы. Про-

шептав заклинания, он создал целую армию миниатюрных человечков, вдохнул в них жизнь и отправил на работу. Одним было приказано нагружать баржу песком, что они делали с рвением, на которое не способны люди, во много раз превосходившие их размерами. Другим Нефрекептах приказал отправиться в маленький домик, который посредством заклинаний и с помощью крепкой веревки он дюйм за дюймом начал опускать на дно Нила. С помощью заклинаний принц-ученый приказал этим созданиям обследовать дно реки до тех пор, пока они не найдут Книгу Тота. И они тотчас же исчезли в воде, чувствуя себя там не хуже, чем на суше. После трех дней и трех ночей кропотливого и тяжелого труда один из них всплыл на поверхность, чтобы сообщить Нефрекептаху о том, что Книга найдена.

Довольный своей хитростью Нефрекептах снова отдал приказ, и маленькие создания принялись сбрасывать песок с баржи в реку, образуя отмель, которая постепенно поднималась все выше и выше и наконец выступила над поверхностью воды. Шаг за шагом миниатюрные рабы толкали свою находку вверх по подводному песчаному холму до тех пор, пока в конце концов кишачий пресмыкающимся и скорпионами сундук с Книгой Тота не появился на поверхности. Бессмертная змея свернулась кольцами вокруг него.

Нефрекептах шагнул с берега на отмель. Громогласные заклинания заставили пресмыкающихся и скорпионов замереть на месте. Однако змея оказалась нечувствительна не только к заклинаниям, но и к действиям, и когда Нефрекептах разрубил ее пополам, обе части немедленно двинулись друг к другу. Но

Древние египтяне почитали бога Тота с головой ибиса, изобретателя искусства письма, который записал на свитках все тайны вселенной.

Узнав, что Книга Тота покоится на дне Нила, некий неустранимый
искатель истины использовал свою магическую силу, чтобы создать
армию человечков, которые могли работать в водных глубинах. Они искали
до тех пор, пока не нашли таинственный сундук, где хранилась драгоценная книга.

принц был не только весьма сведущ в магических искусствах, но и достаточно сообразителен, и, посыпав разрубленные части и голову змеи песком, он не позволил им соединиться. Оказавшись в конце концов совершенно беспомощной, змея, верный страж сундуков, осталась неподвижной, ее кольца лежали вяло и безжизненно, хотя победитель собирался похитить сокровище, которое она охраняла с незапамятных времен.

Как и описал жрец, каждый сундук contained в себе еще один. Наружный сундук был железным, следующий — бронзовым, третий — из древесины платана. Внутри него находился драгоценный ларец искусной ручной работы из слоновой кости и эбенового дерева, а в нем — серебряная шкатулка, в свою очередь содержащая ковчег из золота.

Открыв все их дрожащими руками, Нефрекептах наконец увидел свое сокровище: сорок два свитка, составляющих Книгу Тота. Он взял в руки первый свиток, развернул его, поднял голову — и тотчас же начал понимать крики птиц и язык зверей. Даже шипение змей имело свое значение. Он прочел еще несколько строк, взглянул на небо и понял тайны звезд.

Схватив свой трофей, Нефрекептах поспешил к Ахуре. Подав ей свиток, он попросил прочитать первые строки. Она с ужасом отпрянула, словно змеи и скорпионы все еще кишели вокруг свитков. Но потом уступила просьбам мужа. И в тот же миг тоже стала обладать чудесным знанием.

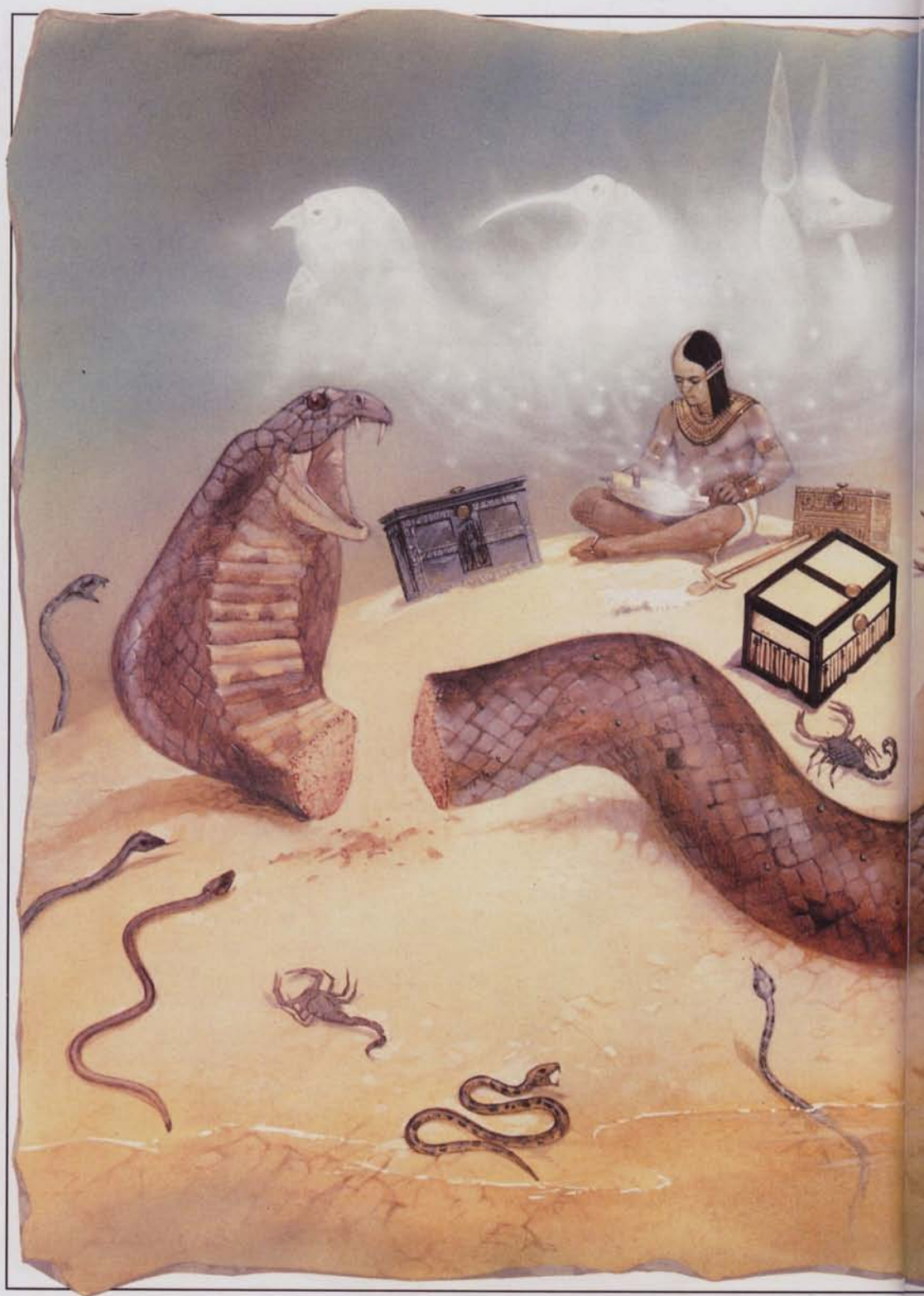
Но это не принесло ей большой пользы, ведь Нефрекептах совершил святотатство, которое навлекло гнев на

их головы. Чтобы овладеть заклинаниями, он скопировал их на листы папируса, затем вылил на написанный текст ячменное пиво, так что влажные еще чернила смешались с ним и стекли с листов папируса в чашу. Приложив чашу к губам, он опорожнил ее и тем самым магические слова проникли в его тело. Празднуя победу, он протянул чашу Ахуре, но та плотно сжала губы и в знак отказа сердито замотала головой.

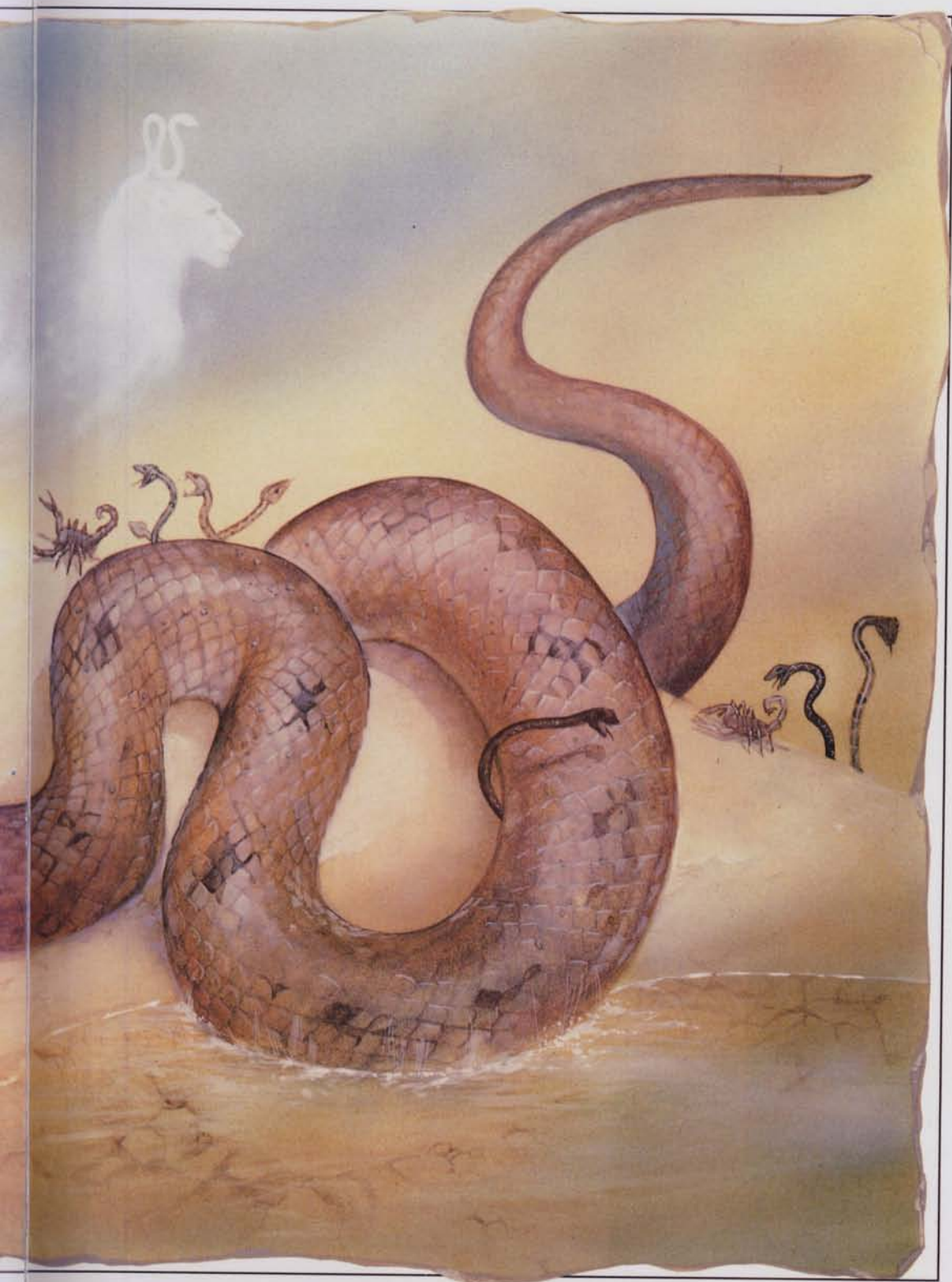
Наказание пришло очень скоро. Вся семья отправилась в Мемфис, но царскому судну, на котором они плыли, предстояло проплыть то место, где прежде находилась Книга. Когда они оказались там, маленький Мераб вскочил со своего места словно во сне, шагнул с палубы прямо в воду и тотчас исчез. Дрожащими руками Нефрекептах нашел в Книге Тота заклинание, которое позволило ему вернуть тело сына на поверхность. Но магического заклинания, чтобы вернуть ему жизнь, не существовало.

Потрясенные Нефрекептах и Ахура сошли на берег и похоронили малыша по древнему обряду. Затем они снова отправились в путь, чтобы сообщить отцу о постигшем их несчастье. Но когда они достигли того места, где утонул Мераб, Ахуру тоже подхватила какая-то неведомая сила, и, будучи не в состоянии сопротивляться ей, она шагнула с палубы и утонула. Второй раз Нефрекептах использовал свои чары, чтобы извлечь тело из воды, но оказался не в состоянии вернуть свою возлюбленную. Он вновь вернулся в Копт, изнывая от горя, чтобы похоронить жену рядом с сыном.

В третий раз Нефрекептах отправился в Мемфис. Когда судно плыло по реке, многие крестьяне и рыбаки, плотники и писцы, повара и жрецы бросали работу, чтобы взглянуть на проплывав-

Победив змей и скорпионов, охранявших Книгу, ученый пожирал
глазами свитки. И сразу обнаружил, что может видеть
бессмертных богов и понимать язык животных.

шего мимо потомка египетского правящего дома. Но Нефрекептах не выходил на палубу, знамена не развевались и гребцы не пели, а судно беззвучно скользило мимо поросших тростником отмелей. Спустя немало времени некоторые утверждали, что слышали нечеловеческие звуки, издававшиеся командой: шипение, свист, причитания, стоны и вопли. Наконец после длительного путешествия судно прибыло в столицу Египта и фараон поднялся на борт, чтобы поздороваться с сыном. Но всюду стояла тишина. В каюте находилось тело Нефрекептаха, его безжизненные глаза были широко открыты, а на груди лежали свитки Книги Тота.

Так погиб Нефрекептах из-за своего желания завладеть книгой всех книг, содержавшей основу всех знаний, дающую власть над всем сущим в мире. Но его судьба отпугнула очень немногих. В любом веке появлялись люди, жаждавшие власти, которые были готовы рисковать всем на свете, чтобы добиться обладания бесценными открытиями великих ученых, готовые верить любым слухам, которые могли бы привести их к секретам минувших веков.

Вслед за Нефрекептахом постичь вселенскую мудрость пытались ассирийские мудрецы с негнувшимися бородами, обращающие свои взоры к небесам; высохшие колдуны в священных лесах, качающиеся от наркотических благовоний и пытающиеся удержать истины, выскальзывающие сквозь прорехи в их сознании. Кельтские пророки долгими ночами распевали песни в дымном мраке лачуг. Ученые в мантиях просиживали до полуночи перед высокими окнами средневековых замков, испуганные, но не сдающиеся в своем одержимом желании продолжать поиски. Мавритан-

ские философы трудились в тиши мраморных дворцов Кордовы.

Одним из величайших исследователей этих тайн был ученый-универсал времен Возрождения, которого звали Генрих Корнелий Агриппа фон Неттесхайм. Всю свою жизнь он провел в неустанных исследованиях работ древних и современных ему ученых, пока не создал собственную систему оккультной философии. Если кто-либо и заслуживал права приобщиться к мистическому знанию, так это он, ведь его знания были безграничны, а его уважение к незримым силам — неисчерпаемо.

Но, как рассказывают, в его доме жил студент, который ни в коей мере не обладал мудростью своего учителя. Однажды, когда великий ученый ушел из дома, студент сумел проскользнуть в кабинет Агриппы. Молодой непоседа прочел первые страницы книги, лежавшей на пюпитре, потом с благоговейным страхом перевернул страницы (сделанные, как шепотом рассказывали после, из кожи мертвецов). Он настолько был поглощен чтением, что поначалу не заметил, что в комнате находился еще кто-то. Когда же он поднял глаза, то чуть не умер от страха, ведь перед ним стоял демон — возможно, сам дьявол — который хотел знать, зачем его вызвали. Студент, охваченный ужасом, не мог произнести ни слова, и демон тут же задушил его, оставив тело в качестве предупреждения тем, кто захочет овладеть ужасными силами, скрытыми в книге.

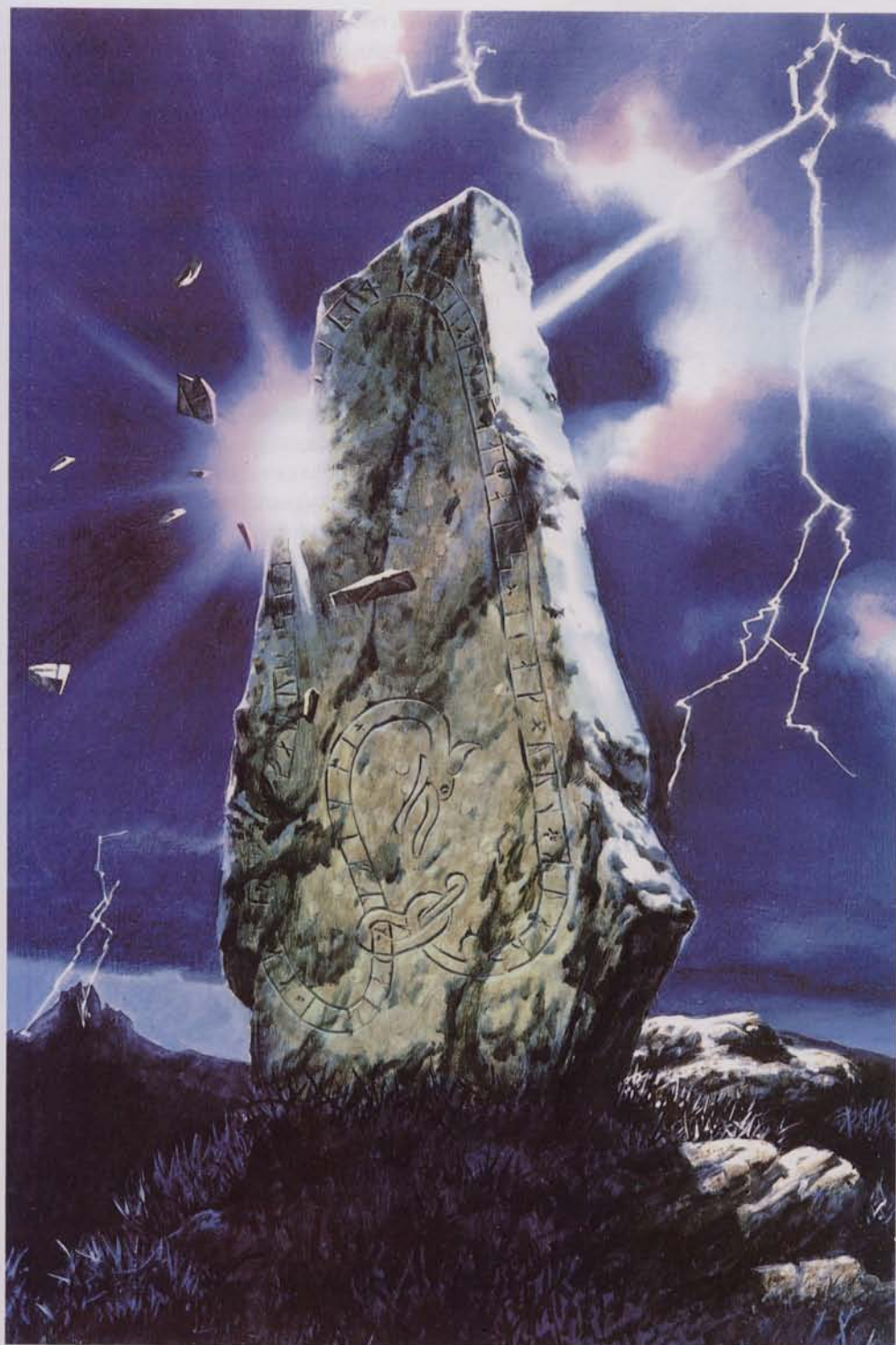
С тех пор, как рассказывали, Агриппа никогда не допускал в свой дом студентов. В стародавние времена все крестьяне в Британии прекрасно знали, какую опасность, таили книги, и стара-

Надписи, обладающие магической силой

Верховный правитель северных богов, передал свои знания магии и рунических знаков поэтам, ученым, мудрецам и другим избранным смертным. Подаренные им руны стали основой алфавита. Но они были не только простыми символами. Посвященные в тайну знали, что они являются истинным источником власти — орудием колдовства.

Те, кто понимал тайны рунических знаков, знали, какие символы нужно написать на мече, чтобы защитить его владельца в битве, или какие знаки нужно высечь на могильном камне, чтобы не подпустить нечистую силу. Могущество некоторых знатоков рунического письма простиралось так далеко, что их надписи могли даже управлять смертью, не позволяя покойникам вставать и расхаживать по земле или заставляя повешенного ходить и говорить.

Но люди, обладавшие такой громадной властью, во времена мрачного средневековья в Европе, полной соперничавших культов и воюющих племен, вызывали скорее страх, чем восхищение. Короли и священнослужители смотрели на них с подозрением. В некоторых странах само владение табличками с нанесенными на них руническими знаками, обладающими чудодейственной силой, считалось преступлением. Сторонников этого учения приговаривали к мучительной смерти на кострах и их знание исчезало вместе с ними. В глухих и труднодоступных местах камни с вырезанными на них знаками сохранились как таинственные и несущие угрозу предметы. Но истинная мощь рунических знаков была утеряна навсегда.

лись не иметь ничего общего с этими коварными предметами. Но помимо своей воли эти люди оказывались хранителями некоторых древних томов, обладавших силой, ставшей известной благодаря такому знаменитому философу как Агриппа. Первоначально Агриппа доверил книги священнослужителям, к которым крестьяне обращались за защитой. Пока книги находились в безопасности под замком в монастырских библиотеках, священный ореол церкви был достаточен, чтобы сдерживать демонические силы, таящиеся в них.

Но в смутные времена, когда церковь была охвачена раздорами, а ее священнослужители рассеяны по свету, некоторые книги, принадлежавшие Агриппе, попали в обычные семьи, и простые люди оказались не в силах справиться со знаниями прошлых веков.

Могущество книг Агриппы происте-

кало из того, что они были написаны самим дьяволом. В них содержался список демонов и указывалось, как они могут служить человечеству: удовлетворение желаний, предоставление знаний, получение которых иным путем было запрещено, и несметных богатств. И, что куда опаснее, там были сведения о том, как вызывать этих слуг ада. Поэтому можно утверждать, что если кто-то и обнаруживал одну из книг Агриппы, то старался сохранить это в тайне. Пахнущее серой дыхание дьяволов и дым ада оседали на его волосах и одежде.

Складывалось впечатление, что и сам Агриппа был демоном. Его книга была огромных размеров, высотой с человека. Это было создание преисподней с волей и упрямым характером. Она яростно сопротивлялась попыткам советовать с ней, обижалась и сдавалась только после длительной и изматывающей борьбы. И даже если ее владелец воздерживался от того, чтобы открывать ее, ее непредсказуемая ярость означала, что существует постоянная опасность. Она могла разрушить здание, в котором находилась, или свести своего владельца с ума, ведь на ее страницах сохранился весь жар и неистовство адского пламени. Мудрые люди считали, что единственный способ уберечься от ее влияния заключается в том, чтобы запираить ее в пустом помещении на цепь с висячим замком, прикрепленную к потолочной балке. Но лишь немногие из тех, кто обладал книгой Агриппы, были в состоянии противиться любопытству, толкавшему их к книге.

Обладание книгой Агриппы, со всеми теми бедами, которые она приносила, означало пожизненный приговор — или даже нечто худшее. Когда ее владелец умирал, книга Агриппы, чувствуя

приближающееся одиночество, устраивала страшный шум и беспорядки, доводила до безумия домашних животных, сотрясала каменные стены дома и окружающих строений. Единственным способом остановить это было ритуальное изгнание нечистой силы приходским священником, получавшим инструкции от церковного руководства, а семье следовало развести огонь и бросить в него книгу. Великая книга вскоре превращалась в золу. Эту золу священник тщательно собирал в мешочек, который вешал потом на шею умирающему; его вместе с ней и хоронили, чтобы оградить оставшихся в живых от всевозможных бедствий и освободить их на все времена от проклятия, связанного с таким опасным наследством.

В Пенвенане, местечке на побережье, где бушевали штормы, жил смелый человек. Однажды он попытался избавиться от упрямой книги Агриппы, которая переходила в его семье из поколения в поколение. Однако единственное, чего он смог добиться, — это лишний раз убедиться в неумолимом могуществе книги.

Лойзо-гоз был молчаливым бретонцем, обладавшим недюжинной физической силой. Книга Агриппы, хранившаяся в доме, вызывала у него такое раздражение, что он больше не мог выносить ее присутствия. Он позвал жившего неподалеку фермера, который, по слухам, немного занимался магией. Лойзо-гоз осторожно завел разговор о книге. Обнаружив, что фермера она заинтериговала и тот даже несколько завидует тому, что Лойзо-гоз обладает такой вещью и вовсе не испытывает никакого страха перед связанными с нею общез-

АБРАКАДАБРА
АБРАКАДАБР
АБРАКАДАБ
АБРАКАДА
АБРАКАД
АБРАКА
АБРАК
АБРА
АБР
АБ
А

Древнее очарование магического утра

Лекари, странствовавшие с римскими легионами, использовали слово Абракадабра — древнееврейский символ могущества — как средство борьбы с лихорадкой. Они писали его на пергаменте в особом порядке: буквы выстраивались в виде треугольника, опрокинутого вершиной вниз, в первой строке выписывалось полное слово, а кончался треугольник одной буквой. В каждой строке слово сокращалось на несколько букв так, что в последней строчке оставалась только буква «А». Предполагалось, что недуг будет ослабевать по мере сокращения количества букв в строке и в конце концов исчезнет.

Для эффективности лечения врачи прикрепляли написанное на пергаменте заклинание на девять дней к шее больного. В конце этого срока пергамент снимали и бросали через плечо больного в поток, текущий на восток. Вода уносила жар пациента и возвращала его восходящему солнцу, источнику тепла на земле. Этим лечение и завершалось.

Священники в минувшие века брали на себя заботу о некоторых книгах, в которых описывалось поведение вызываемых демонов. Эти книги имели склонность яростно набрасываться на любого, если их не приковывали цепью к прочной балке.

вестными ужасами, Лойзо-гоз предложил книгу фермеру и с облегчением обнаружил, что его дар принят.

Несколько следующих ночей все окрестные жители слышали ужасный грохот. Это Лойзо-гоз тащил на цепи упирающуюся и причитающую книгу Агриппы на ферму соседа. Он умудрился вручную дотащить сопротивляющийся груз до дома фермера, и вдвоем мужчины сумели поднять ее на чердак.

Когда дверь была заперта, они спустились по лестнице в просторную кухню с низким потолком, где фермер налил две рюмки бренди, которые были им так нужны, чтобы восстановить силы. Они немного поболтали, и Лойзо-гоз не стал долго засиживаться. Когда дверь фермерского дома наконец за ним закрылась и он услышал, как упал тяжелый засов, легкая усмешка искривила его обычно мрачное лицо и он принялся насвистывать старинную бретонскую мелодию.

Однако когда он вернулся домой, его настроение испортилось. Он подошел к двери той комнаты, где раньше в заточении хранилась книга Агриппы, и чуть приоткрыл ее, уже заранее зная, что увидит внутри. Большая черная книга опять свисала с балки, медленно вращаясь на прочной цепи.

Лойзо-гоз почувствовал, как его охватывает отчаяние. Он развел большой огонь и бросил книгу в этот погребальный костер. Но языки пламени, столь же яркие, как обычно, не приближались к книге и не касались ее. Когда огонь погас, переплет книги Агриппы оказался на ощупь чуть теплым.

Тогда Лойзо-гоз решил попробовать воду. Он вытащил книгу на берег и там

привязал к ней несколько камней, таких больших, что он с трудом мог их поднять. Каким-то образом он затащил все это в свою лодку и вышел в открытое море. Достигнув глубокого места, он поднял книгу с прикрепленным к ней грузом и выбросил ее в море. Раздался всплеск, вода над ней сомкнулась.

Вернувшись к берегу, он оглянулся и кровь застыла в его жилах. Книга опять всплыла. С невероятной скоростью она неслась к берегу. Цепь скрежетала по булыжникам, когда на берегу она обогнала его и помчалась к дому. Как и следовало ожидать, когда он вернулся домой, книга Агриппы вновь висела на своей цепи. Переплет ее был совершенно сухой, а страницы даже не пахли морем. Хотя он и не верил в Бога, но в конце концов обратился за помощью к церкви. Но каждый раз, когда он пытался призвать священника, оказывалось, что какое-то несчастье мешало его посланию дойти до адресата. В первый раз он послал со своей просьбой рабочего с фермы, но на полпути к церкви тот упал с лошади и сломал себе шею. В следующий раз Лойзо-гоз отправился сам, но оказалось, что священник умер прошлой ночью. Он попытался договориться с новым священником, но его парализовало прежде, чем он успел высказать свою просьбу. Вскоре он умер, но присутствие книги Агриппы сделало его дом таким мрачным, что с тех пор больше никто в нем не жил.

В то время как обладание книгой Агриппы означало неизбежное несчастье для мирянина и тяжелые заботы даже для священника, многие магические надписи в ней являлись ценными союзниками в борьбе Бога против дьявола. В ней были записаны формулы, позволявшие управлять темными сила-

Бретонский фермер, имевший несчастье владеть одной из дьявольских книг, попытался избавиться от тяготившей его ноши. Но когда он попробовал ее утопить, она всплыла и помчалась вслед за ним к берегу.

ми, а сами буквы пульсировали от заключенной в них добродетельной силы.

Исландские барды рассказывали о добром волшебнике, которого звали Эйрикур, владевшем одной такой книгой и пользовавшимся ею, чтобы помогать соотечественникам, когда тем начинали угрожать темные силы. Одним из его подопечных был молодой фермер с островов Вестманна. Через семь недель после венчания его молодая жена встала рано утром и, как обычно, отправилась набрать дров. Больше она не вернулась. Фермер обыскал все вокруг, но не нашел ее. Вообразив, что она утонула в ледяном море, он впал в такое отчаяние, что друзья начали всерьез опасаться за его жизнь. Они посоветовали ему не терять надежду и поговорить с Эйрикуром.

Когда фермер подошел к дому волшебника, то понял, что его там уже ждали. Мудрец прежде всего спросил о пропавшей женщине. Потом пообещал предоставить все свое искусство в распоряжение несчастного мужа.

Три дня Эйрикур изучал книгу и ничего не предпринимал. Однажды утром в отвратительную погоду он посадил фермера на лошадь и повез его к груде больших камней на склоне одиноко стоящего холма. Там он положил книгу на камень, и, хотя над ними бушевала буря, книга оставалась сухой и ее страницы даже не шелохнулись.

Эйрикур пристально смотрел на книгу, словно пытаясь впитать ее содержание. Затем он обошел скалу, двигаясь, согласно освященному временем манере колдунов, против часовой стрелки, и произнес заклинание.

Пока волшебник колдовал, из камней появились какие-то фигуры и со-

брались на траве. Это были, пояснил Эйрикур, смертные, которых похитили тролли и увели в потусторонний мир. Он попросил фермера внимательно посмотреть, нет ли среди них его жены. Фермер обошел молчаливые фигуры с безучастными лицами. Его жены среди них не было. Мудрец печально поблагодарил пришедших за то, что они откликнулись на его призыв, и они снова исчезли в скале.

Эйрикур вернулся к книге, нашел в ней новое место, затем снова обошел вокруг скалы, что-то бормоча. Из скалы появилась новая группа людей, но жены фермера не было и среди них. Эйрикур предпринял еще одну попытку и снова потерпел неудачу. Бледный и уставший чародей признался, что он вызвал всех троллей Исландии, и теперь не знает что делать. Внезапно глаза его загорелись.

Эйрикур решил вызвать еще пару троллей, чьи имена до сих пор не упоминались в его заклинаниях, и извлек из-под одеяния страничку с древней надписью. Развернув пергамент, он положил его на открытую книгу и тихо прочитал заклинание. Из скалы выступила пара ужасных созданий, несущих стеклянную клетку. Внутри находилась фигурка женщины высотой всего в несколько дюймов. Фермер вскрикнул. Маленькое создание было его женой.

Эйрикур отправил троллей обратно в их мрачный мир. Когда они исчезли, стеклянная клетка упала на землю и разбилась вдребезги, а Эйрикур освободил пленницу. Сначала она оставалась все такой же неестественно маленькой, словно видимой с большой высоты, но Эйрикур прочел заклинание, и она, приняв свой прежний облик, бросилась в объятия мужа.

Прошептав заклинание, мудрец из Исландии вызвал пару троллей, которые похитили жену фермера. Те вышли из скалы, неся молодую женщину, которая была еще жива, но сильно уменьшилась и была заключена в стеклянную клетку.

Магическое заклинание для лечения желудочных колик

В те века, когда читать умели только немногие, считалось, что написанный текст обладает сверхъестественной силой. Написанное заклинание, особенно если оно находилось непосредственно у больного, предназначалось для того, чтобы преодолеть болезнь, действовало эффективнее, чем произнесенные слова.

Жители средневековой Англии бережно хранили магическое заклинание, с помощью которого лечили желудочные колики. Заклинание состояло из элементов древних языков — иврита, арамейского, латинского и греческого. Традиция требовала, чтобы чудеса приносились ангелом. Заклинание начиналось фразой: «Господь, ты моя защита», — и заканчивалось возгласом: «Аллилуйя, Аллилуйя». В промежутке произносился набор слов, которые не имели ни смысла, ни значения.

Древние слова, написанные на длинной узкой полоске пергамента и повязанные вокруг больной головы, обладали большой силой. Считалось, что бумажка с магической надписью способна излечить больного.

Для безопасности волшебник проводил их до острова. Тролли, которых лишили их добычи, могли оказаться мстительными. Он оставался в доме фермера три дня, причем каждый вечер укладывался возле двери, подложив под голову книгу вместо подушки и прислушиваясь к звукам, доносившимся снаружи. То, что он слышал, было не ударами волн о берег и не криками чаек, а колдовским шепотом нечеловеческой ненависти. Тролли, не желавшие смириться с поражением, приходили требовать свою рабыню.

Они прятались снаружи за дверью, заглядывали в окна красными злобными глазами, бормотали угрозы и проклятия сквозь щели в стене. Но Эйрикур черпал силы из книги, служившей ему подушкой. Он поднимался, и с губ его срывались заклинания настолько ужасные, что ночное небо белело, а похитители людей — тролли — с испуганным визгом скрывались в нижнем мире. Услышав эту историю, женщины в Исландии стали гулять очень осторожно, понимая, что где-то поблизости на пустынном берегу или у подножия черного вулкана скрывается парочка разгневанных троллей, охотящихся за новой жертвой.

Книга Эйрикура передавала большую часть своей магической силы через непосредственный контакт, как и заклинания из Книги Тота вошли в Нефрекептах вместе с выпитым им пивом. Многие другие надписи обладали такой же силой. Магические надписи, выбитые на камнях в древнем Египте, иногда снабжались канавками для сбора воды, стекавшей по тексту и поглощавшей его силу; эту воду добавляли в сильнодействующие лекарства. В Китае многие носили талисманы из слоновой кости или жадеита с идеограммами, вы-

ражавшими пожелания счастья, долгой жизни, мира и процветания. В Англии, когда обращались к целителю за помощью, то получали заклинание, написанное на полоске пергамента, которое прикладывали к больному месту.

Однако для большинства целей сказанное слово обладало куда большей силой, чем написанное. Однажды произнесенное имя пробуждало его владельца; каждый, кто был настолько глуп, что бормотал имя недавно умершего человека, мог ожидать, что ему нанесет визит его или ее душа.

Можно было вызвать и богов, если повторять их имена, но так как боги часто бывали весьма раздражены, если их вызывали по пустячному поводу, многие почтительно сохраняли имена существ, которым поклонялись, в глубокой тайне. Проклятия и благословения также использовались для усиления действия произносимых слов. Когда произносилось проклятие, оно высвобождало сверхъестественные силы, направленные против тех, чьи имена назывались, а благословение вызывало благожелательность богов.

В большинстве случаев заклинания следовало произносить громко. В Англии сельские жители обращались с заклинаниями к роящимся пчелам, чтобы те не покидали ульи, а в средневековой Европе чтение молитвы «Отче наш» слыло надежным средством от бородавок.

Некоторые заклинания следовало петь, другие, такие, как приглашение Эйрикура троллям, нужно было произносить тихо, чтобы формулу нельзя было подслушать. Более того, в большинстве заклинаний слова следовало произносить в определенном ритме и опреде-

ленным тоном. Для чародея было мало толку в том, что он знал тайные слова, обладающие чудодейственной силой, если, произнося их, он не мог верно воспроизвести нужные звуки.

Если волшебник хотел летать, как сокол, и, следуя букве инструкции, записанной в его руководстве по магии, выполнил все, что необходимо, а именно: вскипятил смешанные вместе снег и масло на костре, разожженном из двух сортов дров, выдержал эту смесь в течение полутора месяцев в мочевом пузыре ягненка, смешал ее с древесным углем, затем размельчил уголь и положил щепотку порошка между страницами книги, взял книгу в руки и сосредоточил все внимание на ней, то какой все это имело смысл, если он не знал, как произнести самые главные слова — СИСПИ СИСПИ. И если это оказывалось достаточно просто и он обнаруживал, что действительно очутился очень далеко, как он мог быть уверен, что когда будет читать слова, требующие осуществления обратного чуда, — ИТТСС ИТТСС, то сможет произнести их правильно и не приговорит себя к вечной ссылке?

Действительно, слова обладали могучей силой, иногда даже опасной. Они могли быть обычной разменной монетой в человеческих отношениях, но они могли стать ключами, открывавшими двери к оккультной мудрости. Чем глубже постигал человек их могущество, тем осторожнее он становился. Рассказчики, пересказывающие истории о чудесах, могут вызвать ярость своей болтливостью. Но мудрец, творящий чудеса, сохраняет молчание, иначе его секреты попадут в недостойные руки, в результате чего вырвутся на свободу все силы ада.

Надежный способ предотвратить отлет роящихся пчел из их улья —

• посыпать их песком и произнести заклинание, начинающееся словами:

«Сядьте, женщины-победительницы, опуститесь на землю.

Вы никогда не должны улетать в лес и жить там».

Глава вторая

Предсказание судьбы

Армия должна была выступить на рассвете. Все было решено. Повозки с продовольствием загружены и пересчитаны квартирмейстерами, легаты каждого легиона уже обратились к командирам своих когорт, и каждый центурион получил приказ. Декурионы проследили за последней раздачей кислого вина и осмотрели доспехи и оружие каждого из своих людей, а поеживающиеся от предрассветной прохлады кавалеристы стояли рядом с лошадьми.

Но они ждали не только восхода солнца. Римская армия никогда не начинала похода, заручившись поддержкой лишь дневного светила. Прежде всего следовало знать волю богов. Найти знак и понять его значение мог один из тех, кто обладал таинственными знаниями. И сейчас перед построенными для похода войсками этот ритуал достигал своей кульминации. Пылали и чадили факелы, отбрасывая мрачный отсвет на позолоченные крылья эмблем легионов — орлов, шлемы и панцири их предводителей. Гаруспик (*haruspex* (лат.) — предсказатель по внутренностям животных. — Примеч. пер.) начал свою работу. Из темноты, окружавшей ярко освещенный факелами круг, слуги принесли овцу. Животное в страхе блеяло, но гаруспик умело ударил ее, и она замерла. Это было очень важно: жертва, принесенная помимо ее

желания, не позволит познать откровения богов.

Гаруспик сунул руку в свои одежды. Стоявшие в ожидании солдаты едва успели заметить блеск ножа, мелькнувшего у горла животного. Овца со вздохом рухнула, и гаруспик опустил ее возле нее на колени. Снова блеснул нож. Все тело животного напряглось и вздрогнуло.

Теперь люди, державшие факелы, придвинулись к предсказателю, замкнув его в желтом круге света. Не произнося ни слова, он погрузил руки по локоть в рассеченный живот животного. Какое-то время его пальцы что-то там искали. Затем он резко их вытащил. Клубок внутренностей выскользнул на землю, в ночном воздухе от них поднимался легкий пар.

Гаруспик сделал знак слуге, и тот опустил факел ниже. Он умело рассмотрел петли и распределение жилок на кишках. Его пальцы вытащили теплую вздрагивающую печень и столь же внимательно он рассмотрел ее доли. Затем предсказатель встал, вытер окровавленные руки об одежду и кивнул командиру. Тот, в свою очередь, сделал знак чиновнику, ответственному за финансы. Гаруспику полагалось вознаграждение. Все происходило так, как и должно быть. На востоке в небе постепенно занималась заря. Заревели трубы. Часть за частью огромная вооруженная масса покатила навстречу своей судьбе.

Искусство предсказания будущего по внутренностям и печени принесенного в жертву животного — гарусписия и гепатоскопия — были известны еще задолго до основания Рима. Этому искусству римляне научились от этрусков, чья исчезнувшая цивилизация существовала между рекой Тибр и Альпами, защищавшими их цветущие города от варварской Европы. Возможно, знание

Для человека, обладающего магическими знаниями, колебания струйки дыма открывали скрытую суть вещей и предвещали те или иные события.

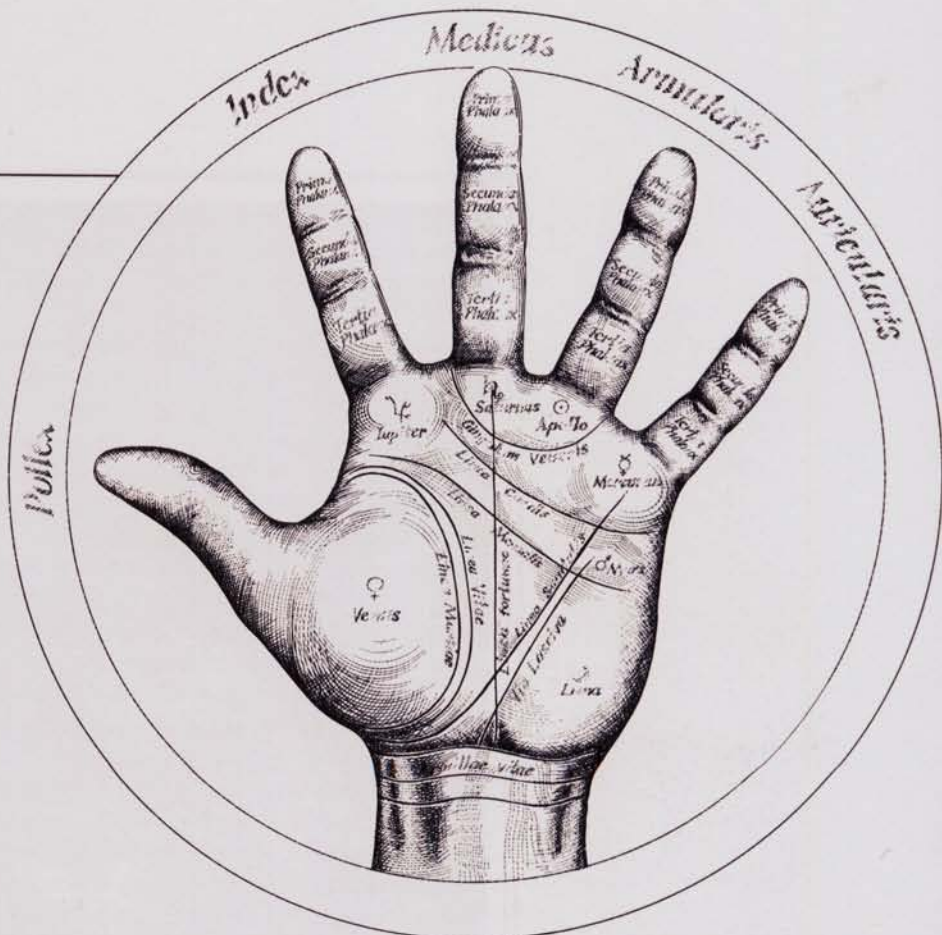
этрусков было подарком их давно скрывшихся во мраке и забытых богов; возможно, что оно пришло к ним из Месопотамии, где возникла первая цивилизация. В Вавилоне, окруженном многочисленными башнями, великие мудрецы использовали вылепленную из глины модель печени, чтобы научить секретах предсказания своих помощников.

Слово «пророчество» отражает происхождение знаний предсказателей от самих богов, управляющих всем на свете. И теми, кто обладает талантом и способны учиться, это знание может быть обнаружено буквально во всех вещах. Древние были убеждены, что природа едина и ничто не происходит случайно. На самом деле нет никаких причин, что все — прошлое, настоящее и будущее — связано в единое целое. И изучая малую частицу этого целого, можно постичь всю великую сложность мира. Гарусписия всего лишь один из способов предсказания. Тот, кто внимательно наблюдает за кольцами дыма, поднимающимися над костром, или за рисунком, который образует в воде расплавленный воск, или за движением звезд по небосводу, или за полетом птиц, может всюду найти знаки и предзнаменования. Боги великодушно предоставляют множество ключей.

Однако редко кому удастся понять значение этих знаков. Методы для этого весьма многочисленны и непосвященным могут показаться очень странными. Даже имена образуют молитву, обладающую скрытым смыслом. Те, кто занимается гидромантией, бросают камешки в бассейн и предсказывают будущее по кругам, которые образуются на воде. Электромантия требует от своих приверженцев, чтобы они изучали движения белого петушка, когда он склевывает зерна из магического круга, начерченного на земле. Те, кто хорошо вла-

деет искусством амниомантии (амнион — одна из зародышевых оболочек у пресмыкающихся, птиц, млекопитающих. — *Примеч. пер.*), могут предсказывать будущее по «сорочке» новорожденного; провидцы, разбирающиеся в искусстве гелоскопии, очень многое могут узнать из высоты и ритма человеческого смеха.

Те, кто занимаются хиромантией — чтением по руке — раскрывают книгу судьбы, интерпретируя линии, завитки и бугорки человеческой ладони. Для хироманта эти данные представляют информацию о прошлом человека, настоящим и будущем, написанную на языке, который посвященные изучают по всему миру в течение тысячелетий. Астрогоманты занимаются бросанием самых разных предметов — бабок (бабка — надкопытный сустав животного, чаще овцы. — *Примеч. пер.*), палочек, камешков, игральные кости. Будучи пе-

Откровение, написанное кровью

Будет ли жизнь счастливой и продолжительной? Будет ли любящий человек верен вам до самой смерти? Будет ли счастье сопутствовать новому предприятию? Опытный хиромант может найти ответы на эти и многие другие вопросы, рассматривая *linea vitae*, *linea cordis* и *linea fortunae* — линию жизни, линию сердца и линию судьбы — и другие линии, образующие рисунок на ладони. Следует изучать рисунки на обеих руках, так как левая рука рассказывает о первоначальной судьбе, а правая говорит о реакции человека на свою судьбу.

Чтение по руке является искусством столь же древним, как и сама цивилизация. Древние египтяне прятали учебник по хиромантии в одной из своих пирамид. Говорят, что мудрецы признали Будду своим долгожданным пророком при его рождении, изучив линии на ладонях ребенка и на подошвах его маленьких ног.

ремешаны и выброшены на землю, они образуют случайный с виду узор, интерпретируя который можно узнать волю богов.

Но боги могут сообщить свою волю и с помощью человека, которого выбирают своим глашатаям. По всему миру пилигримы разыскивали священные места, где скрывались избранные божествами оракулы. Самым известным был дельфийский оракул в Греции, считавшейся центром мира. Много лет назад здесь был построен храм над вулканической трещиной в скале. Жрица, которую звали Пифией по имени легендарного змея (Пифон. — *Примеч. пер.*), охранявшего святыню, садилась на треножник возле дымящейся трещины и давала волю своим видениям. Святость места, а также лавровые листья, которые она жевала, и подземные пары, которые она вдыхала, — все это способствовало тому, что она впадала в транс. Первоначально Пифии непосредственно отвечали на задаваемые им вопросы, но затем сложилась традиция, согласно которой жрецы-посредники, получившие вопрос, прислушивались к неразборчивому бормотанию оракула и готовили ответ на заданный вопрос, зачастую в письменной форме и в стихах.

Позднее жрецы часто стали сами интерпретировать предсказания так, как им было выгодно, что зачастую приводило к неблагоприятным последствиям для спрашивающего. Даже если они честно выполняли свои обязанности, их высказывания все равно оставались туманными.

Например, перед войной с персами греческие военачальники обратились за помощью к дельфийскому оракулу, чтобы узнать свои шансы на победу. В ответ они получили следующий куплет: «Время сева и сбора урожая, отцы оплакивают тысячи тех, кто сражался у Саламина (остров в Эгейском море, где

греческий флот во время греко-персидской войны разгромил персов (480 г. до н. э.) — *Примеч. пер.*) и погиб». Накануне войны было сделано и такое предсказание: «Вы пойдете вы вернетесь никогда вы погибнете в этой войне». И каждый волен был расставлять знаки препинания и толковать эту запутанную фразу по своему усмотрению.

Несмотря на это, оракулы, а особенно дельфийский оракул, пользовались большим уважением и служили эпицентрами всех греческих политических неурядиц. Когда знатные горожане отправлялись в Дельфы, чтобы пообщаться с богами хотя бы посредством запутанных и ненадежных предсказаний впаавшей в священный транс жрицы, они оставляли свою гордость дома, и даже если совет приносил им мало пользы, на этом опыте они учились покорности.

Многие прорицатели считали, что намерения богов могут стать известны людям. С приходом ночи приходил сон, а со сном приходили сновидения. Искусство онейромантии (oneiros (греч.) — сон. — *Примеч. пер.*) — толкования снов — было древним уже в те времена, когда в Египте правили фараоны. Иероглифы на крошащемся папирусе, написанные толкователями снов времен египетского Среднего царства, устанавливали основные правила для изучавших эту науку. «Если человек видит во сне змею, то это хорошо. Это означает изобилие пищи». Но «если человек видит во сне свою горящую постель, это плохо. Это значит, что его жена будет изнасилована».

Многие толкователи снов были убеждены, что полезность или содержательность сновидений может быть преднамеренно усилена, если спящий проведет ночь в соответствующем месте. Гре-

Окутанные вводящими в транс испарениями и окруженные священными змеями оракулы древней Греции передавали послания богов. Предупреждения, обещания и пророчества облекались в витиеватые, подающие ложные надежды двусмысленные фразы.

ки, посещавшие дельфийского оракула, часто надеялись, что получают послание во время сна. Культ Асклепия, древнегреческого бога врачевания, был основан на прямых сновидениях — инкубации. Питавшие надежду больные отправлялись в Эпидавр, где находился храм бога врачевания Асклепия, в надежде, что если они переночуют в общей спальне храма, бог явится во сне и излечит их.

Греки различали два вида сновидений: фантастические — обманные сновидения, насылавшиеся на человека по капризу богов, и сновидения, которые служили как бы источником истины. Говорили, что существует двое ворот, ведущих из мира теней к уму спящего: ворота из слоновой кости, которые открывают путь только химерам, и ворота из рога, через которые проходят точные подоби́я событий, которые должны произойти. Именно через вторые ворота пришло видение к Пенелопе, жене Одиссея, предводителя греческих войск

в войне с Троей. За время долгого отсутствия мужа ее буквально осаждали толпы соискателей, которые требовали, чтобы она вышла за кого-нибудь из них замуж.

Они настаивали, что она стала вдовой, так как уже много лет не получала ни единой весточки от своего повелителя. Они ежедневно навещали ее, напились ее вином и объедались богатыми яствами, выставляя которые от нее требовали законы гостеприимства. Распожившись как у себя дома, они льстили ей, губы их были влажными от нескрываемого вожделения, их глаза скользили по драгоценным камням на ее груди и тучным стадам на ее лугах.

Однажды их пир прервал чужестранец. Он был одет так же бедно, как каждый нищий, но его осанка и манеры выдавали высокое происхождение. Гость утверждал, что он старый знакомый Одиссея, принц с острова Крит, который подружился с героем и предоставил ему приют во время странствий. Сейчас он сам стал странником и хотя не имеет ни малейшего понятия, где сейчас Одиссей, но заверяет Пенелопу, что ее муж жив и здоров. Согретая этими заверениями, Пенелопа попросила гостей объяснить ее сон, приснившийся накануне и весьма ее взволновавший. Она гнала стадо в двадцать гусей, больше для собственного удовольствия, чем для того, чтобы отправить их на кухню. Но в ее сне на них напал гигантский орел и убил всех. Оставив добычу на земле, он взлетел на конек

крыши и обратился к ней, заговорив человеческим языком. Гуси, сказал орел, были ее мнимыми любовниками, а орел — самым явившимся инкогнито Одиссеем, вернувшимся, чтобы потребовать свое.

«Здесь же нет ничего неясного, — сказал чужестранец. — То, что обещал орел, обязательно сбудется». Пенелопа напомнила гостю, что боги часто посылают ложные сновидения через ворота из слоновой кости. Только позже, когда оборванный гость перебил всех соперников и открылся, что он и есть ее долгожданный супруг, она согласилась, что предсказание пришло к ней через ворота правды.

Мудрецы считали, что сновидения лучше всего толковать в противоположном их явному смыслу значении. Так предписывало старинное индийское руководство по толкованию снов. Ночные кошмары, в которых человек лишался ног или половых органов, означали появление большого богатства, и, напротив, сновидения, в которых спящий играл с цветком лотоса, предвещали ампутацию руки или ноги в реальной жизни. Мужчина, которому снилось, что он был закован в железные цепи, мог быть уверен, что он женится на девственнице. Авторы трактата также отмечали, что сны, которые появляются в начале

Пенелопе, жене долго странствовавшего Одиссея, приснилось, что хищник перебил ее гусей. Чужестранец истолковал ее сон как предупреждение о том, что муж вернется и убьет всех досаждавших ей искателей богатого приданого.

ночи, сбываются последними, тогда как те сновидения, которые снятся перед самым восходом солнца, начинают сбываться еще тогда, когда спящий их видит.

Но из всех способов предсказаний, ни одно не было столь действенным и столь ужасным, как разгадывание тайн прошлого и будущего по плотно сжатым губам умершего человека. Те, кто занимались этим, назывались некромантами и были самыми бесстрашными и вызывавшими наибольший страх предсказателями.

Их метод был самым эффективным и самым опасным и использовался только тогда, когда все остальные методы терпели неудачу. Один из ранних рассказов об успешном применении некромантии пришел к нам из Старого завета, когда Саул, царь Израиля, отчаяв-

шийся справиться с могуществом филистимлян, послал за ведьмой из Эндора, и та вызвала для него дух пророка Самуила, который обещал царю, что тот добьется победы в битве. Но этот опыт оказался крайне болезненным. Саул «тотчас рухнул, вытянувшись во весь рост, на землю, охваченный ужасом».

Римский историк Луканий рассказал еще более душераздирающую историю о вызове духа во времена гражданских войн. Секст Помпей накануне битвы с Цезарем попросил совета у самой знаменитой ведьмы Эрихто. Та была ужасной женщиной, «которая никогда не остановилась бы перед убийством, понадобись ей для заклинаний теплая живая кровь из перерезанного горла». Но она согласилась помочь при условии, что ей доставят «свежий труп с чистым голосом» из груди убитых во время последней схватки. Колдунья выбрала относительно неповрежденный труп, осушила его вены и наполнила их теплой

В колоде карт содержится судьба. Рука сдающего может вытащить несчастье, радость или смерть.

менструальной кровью, смешанной с «пенной с губ бешеных собак, кишками рыси, выделениями поедающей трупы гиены» и другими экстраординарными составляющими. И когда Секст и его свита вздрогнули от ужаса, она презрительно усмехнулась: «Глупцы, это мертвый должен бояться меня!»

Несчастливая жертва была подготовлена для того, чтобы в нужное время заговорить. Но, несмотря на все труды, пророчество не доставило Сексту радости. «Скажи своей семье, чтобы они не уклонялись от смерти», — мрачно произнес мертвец, и на следующий день армия Секста была разбита Цезарем у Фарсала.

Обитатели царства мертвых, поощряемые богами оракулы, сновидения — все они повествовали о своих тайнах. Но с Востока во времена войн и крестовых походов пришла еще одна группа посланников, которые многие могли сказать, но хранили молчание. Этими посланниками, могущественными в своем всеведении и ужасными в своей замкнутости, были фигурки на ярко разрисованных картах: символы Таро.

Независимо от того, происходило дело в доме известного мага и волшебника или в убогой хижине обычного цыгана, чтение карт Таро превращалось в торжественную церемонию. После того как карты извлекались из шелкового футляра, предназначенного охранять их силу, колоду тасовал человек, задающий вопрос. Под руководством посвященного он вытаскивал из колоды определенные карты и раскладывал их в предписываемом ритуалом порядке, а затем толкователь карт Таро объяснял получившуюся картину, следуя выверенной годами системе.

Всего в большинстве колод было семьдесят восемь карт. Минор аркана

Тринадцать всегда было несчастливым числом. Дьявольская репутация этого числа находила живое подтверждение в колоде карт Таро, где тринадцатой была карта Преступный Жнец, Смерть.

(колода минимальной тайны) содержал пятьдесят шесть карт, разделенных на четыре таинственные масти, которые назывались Палочки, Чаши, Мечи и Монеты. Но настоящей силой обладал мажор аркана, колода, содержащая по двадцать две карты в каждой масти, отличавшихся уникальным рисунком. Каждая из них обладала определенным значением. Дурак, Волшебник, Башня, Повешенный, Колесница — даже их названия поднимали рябь в пруду тайны. Прочитанные обладающим соответствующими знаниями предсказателем, карты Таро открывали новый путь к пониманию и предсказанию.

Например, Повешенный — карта, на которой был изображен молодой человек, свисавший вниз головой с виселицы, причем ноги его были перекрещены, а на окруженных ореолом чертах лица читалась спокойная мудрость, которая могла являться символом самопо-

жертвования. Однако человек с чутким разумом мог, изучая символику карт, увидеть их более глубокое значение, раскрывающееся, как цветок на заре. Виселица была Деревом Жизни, узел, которым привязан повешенный, означал Веру, само повешение откликалось эхом в языческих временах. Разве Один, бог мрачного севера, не висел повешенным на дереве девять дней, пока ему не открылись тайны рунических надписей? И что означает сам акт подвешивания между небом и землей? Для посвященных существовало бесконечное множество оттенков, в известной мере в результате того, что многие из них непрерывно совершенствовались, долгие часы находясь в состоянии, близком к трансу, и стараясь проникнуть в смысл каждого символа.

Французский чародей Элифас Леви считал карты Таро нечто большим, чем средством, помогающим в предсказаниях. В их замысловатом рисунке он видел «универсальный ключ ко всем магическим действиям», с помощью которого мог «открыть гробницы древнего мира, заставить говорить мертвых, созерцать памятники прошлого во всем их великолепии, понять загадки каждого сфинкса и проникнуть во все святилища». В двадцати двух картах мажор арканы (колоды самой большой тайны) он усматривал тесную связь с двадцатью двумя буквами иврита, древнееврейского языка, в четырех мастях минор арканы он видел не только четыре стихии, но также и четыре буквы иудейского Тетраграмматона: одно истинное имя одного истинного Бога, которое никогда не должно произноситься.

Опытные предсказатели судьбы наряду с картами Таро могли использовать и вещий потенциал обычных игральных карт. Системы, которые они

использовали в разных странах и в разные века, отличались друг от друга, но все они пользовались стандартной колодой для предсказаний и анализа характера человека. Предполагалось, что четыре масти управляют различными человеческими типами и темпераментами. Черви были признаком светлогожего, влюбчивого и благородного по рождению человека, трефы характеризовали темнокожих людей со склонностью к тяжелой работе и выгодным сделкам, бубны управляли жизнью мягких и мелочных людей, а пики определяли жизнь должностных лиц, управлявших государствами и командовавших армиями.

Каждая карта имела свой собственный смысл. Например, четверка бубен предсказывала получение наследства, девятка той же масти означала потерю. Однако это не означало, что число, которое было благоприятным в одной масти, будет счастливым и в другой. В червях девятка означала исполнение желания, тогда как в пиках она предсказывала прежде всего страдания. Значения, придаваемые этим знакам, имели более глубокие основания — однако искаженные или испорченные — в совершенно другой области секретных искусств, вероятно, в самой чистой из них, и уж безусловно дальше всех продвинувшейся, — в нумерологии, или науке о числах.

Люди открыли устрашающий смысл блистательной ясности чисел с тех самых пор, как научились считать. Для тех, кто был посвящен в их таинства, они были чистыми и абстрактными символами, более прозрачными и несравненно более точными, чем грубые земные предметы, для измерения которых они использовались. Числа можно было комбинировать, получая новые числа, соотношения между ними могли быть выражены с помощью других чисел. С

ними можно было обращаться с утонченным интеллектуальным изяществом. Короче говоря, числа были тем ближайшим, чего могли достигнуть смертные на пути к божественному совершенству.

Их обаяние захватывало мыслителей каждой цивилизации — и, пожалуй, никого оно так не очаровало, как греческого мистика и математика Пифагора. Говорили, что своей просвещенностью он обязан был занятиям музыкой. Он обнаружил арифметические отношения, управляющие октавами, квартами и квинтами: 2:1, 3:2 и 4:3. Но Пифагор не удовлетворился простым объяснением гармонии при помощи чисел. Он понял, что гармония представляет число, а число представляет гармонию.

Пифагор и его последователи далеко продвинули эту блестящую идею и к своему полному удовлетворению доказали, что «все вещи есть числа». Из представления о четном и нечетном они вывели идею об ограниченном и бесконечном и объявили вне закона любые возражения, стремившиеся ограничить магическую силу их любимых чисел. Мужское и женское, покой и движение, свет и мрак, добро и зло — эти и другие дихотомии были выявлены и в определенном смысле определены первыми представителями науки о числах.

Еще Пифагор посвятил немало времени созданию таинственной религии, основой которой было представление о перемещении душ. Спустя несколько столетий эта религия исчезла, оставив после себя только ряд ставящих в тупик догм типа: «Воздерживайся от фасоли», «Не касайся белого петуха» и «Не гуляй по большой дороге». Но предвидения в области чисел стали основой новой оккультной науки. После его смерти целые поколения ученых, занимав-

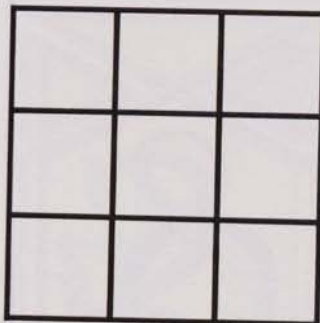
шихся наукой о числах, шлифовали и уточняли ее, разрабатывая идеи, происхождение которых было весьма удалено во времени и пространстве от Древней Греции. Нумерология по-прежнему продолжала блистать той же замечательной простотой, которая так восхитила Пифагора.

Сторонники этой науки утверждали, что каждое число имеет свое значение и число один является прочной и единственной основой, на которой покоится все остальное. Оно представляет священный принцип, добро, иногда его рассматривают как признак мужского начала, считают «отцом чисел», и оно выражает такие качества, как смелость и уверенность в своих силах, упорство и строгость.

Двойка является противоположностью числа один. Она является «матерью чисел» и ассоциируется с самоуверенностью и борьбой. Христианские ученые, занимавшиеся наукой о числах, связывали это число с дьяволом, отмечая, что в Библии говорится, «И увидел Бог, что это хорошо» после каждого дня творения, кроме второго. Но за предложенными Пифагором основаниями гармонии лежала темная магия, которая уходила своими корнями в глубины истории человечества.

Пары всегда были чем-то неестественным и пугающим. Рождение близнецов становилось большим потрясением в естественном ходе вещей. Обычно близнецы означали опасность, и часто их убивали при рождении. Иногда они приносили и добро. Рим был основан двумя братьями-близнецами Ромулом и Ремом. Иногда они становились богами. Боги-близнецы входили в пантеон, иногда символизируя солнце и луну. Число два также породило пугающую мысль о повторении, о существовании невидимого двойника человека, чье появление, как правило, предвещало неизбежную смерть. Менее сверхъестественное пов-

Арифметический Талисман

Мудрецы самым остроумным способом заставляли числа работать на них. Одним из наиболее замечательных способов являлась диаграмма, известная под названием магического квадрата — подобие шахматной доски с числами, расположенными так, что суммы чисел каждого ряда и каждой диагонали были равны. Согласно правилам нумерологии каждое число можно было использовать только один раз, и магический квадрат содержал всю последовательность чисел, начиная от единицы до тех пор, пока он не будет заполнен.

Создание таких квадратов было весьма трудоемким процессом, далеко превосходившим искусство или терпение простых смертных. Но для посвященных затраты труда вполне окупались. Магические квадраты обладали делительной силой и служили талисманами, назначение которых менялось в зависимости от набора чисел.

Маленький квадрат, показанный на рисунке, в котором сумма чисел каждого ряда и каждой диагонали равна пятнадцати, гравировался на свинцовых пластинках и носился как амулет. Он помогал переносить боли при родах и приносил успех в сделках с сильными мира сего. Но, как и с любым мощным средством, с ним следовало обращаться с осторожностью. Если этот амулет надевать в те дни, когда астрологи предсказывали неблагоприятное положение планеты Сатурн, это могло помешать работе и посеять семена раздора.

торение типа отражения в зеркале или в бассейне с водой или просто появление теней также порождало страх.

Тройка именовалась «идеальным числом», объединяющим мужское и женское начала и содержащим в себе начало, середину и конец. Она являлась олицетворением христианской Троицы, прошлого, настоящего и будущего, а также трех измерений пространства. Это число означало духовное начало и завершенность, первое по-настоящему мужское число. Четверка представлялась числом, характеризующим суть вещей. Единица давала точку, двойка позволяла провести линию, тройка давала возможность получить плоскость, а четверка гарантировала твердость. Она была связана с земными вещами, с тяжелым трудом и часто с несчастьем.

Пятерка рассматривалась как сумма двух и трех, женского и мужского начал, следовательно, для мужчины это число символизировало брак. Расположенное посередине между единицей и девяткой число пять расценивалось как живое и противоречивое, связанное с пятью чувствами. Число шесть являлось произведением двух и трех и поэтому служило свадебным символом для женщин. Оно являлось более совершенным, чем число три, и означало $1 + 2 + 3$ и $1 \times 2 \times 3$. Следовательно, это было число любви, сбалансированное и гармоничное.

Число семь было, по-видимому, самым мистическим из всех чисел, сплавом духовной тройки и материальной четверки. Существовало семь «планет», известных древним астрологам (Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн), семь дней недели и семь дней творения. Существовал целый легион связанных с числом семь священных атрибутов.

Число восемь для пифагорейцев представлялось числом справедливости и полноты. Так как оно дважды содер-

жало число четыре, то рассматривалось как в высшей степени материалистическое число, хотя иногда несло на своих плечах двойную тяжесть связанных с четверкой несчастий. Кроме того, в полный аккорд входило восемь нот, что служило мерой Пифагора для человека.

Число девять отстояло на единицу от восьми и символизировало новую степень совершенства. Как квадрат трех, оно означало троицу троиц, могучую и полную. Девятка обладала также циклическим свойством в том смысле, что, будучи умноженной на любое другое число, вновь давала себя. Ведь $5 \times 9 = 45$, $4 + 5 = 9$.

Это число было также самым высоким в основном ряду, так как в науке о числах десять, одиннадцать, двенадцать и все последующие числа сводились к их простейшим формам. Число десять представлялось как единица и нуль и начинало новую последовательность чисел. Но некоторые большие числа сами по себе обладали известной силой. Например, сорок пифагорейцы считали имеющим особую жизненную силу и очень важным при беременности, которая, как они считали, продолжается семь раз по сорок дней; в Вавилоне оно оценивалось как «блестательное качество», а в Старом и Новом заветах встречается множество ссылок на промежутки времени длительностью в сорок дней или сорок лет.

Числом, отбрасывающим самую длинную тень, всегда было число тринадцать. Система пифагорейцев не придавала ему пугающего значения, но уже во времена Рима оно всегда ассоциировалось с несчастьем. Это число считалось несчастливым и у жителей Севера. Однажды, когда двенадцать богов пировали в Вальхалле (чертог мертвых (сканд.) — дворец Одина, куда попадают, по древне-

Мать всех триад

В Древней Греции число три было неразрывно связано с богиней Гекатой. Она обладала тремя обликами — кобылы, собаки и льва — и имела три головы, чтобы видеть во всех направлениях. Геката правила триадой человеческого существования — рождением, жизнью и смертью — и тремя мирами — подземным миром, землей и воздухом. Ее власть распространялась на состоящую из трех частей временную сферу — прошлое, настоящее и будущее. Верили, что богиня черпает свою колдовскую силу от Луны, обладающей тремя фазами — новой, полной и старой.

Три кнута власти, которыми она управляла человечеством, временем и пространством, делали ее незаменимым союзником волшебников, которые стремились найти средства изменения кажущегося неизменным физического мира. Те, кто был достаточно смел, чтобы произносить в своих заклинаниях ее имя, получали в вознаграждение часть ее жуткого сверхъестественного могущества.

скандинавской мифологии, души умерших воинов. — *Примеч. пер.*), то туда незваным пришел злой дух Локи. Своим коварством он смог погубить любимого всеми Бальдера, бога света. Окончательным итогом этого стал Рагнарок, падение самой Вальхаллы. Едва ли тринадцатый номер Локи мог иметь более катастрофические последствия.

В христианской нумерологии число тринадцать было числом участников Последней Вечери, необходимым числом ведьм для шабаша, в картах Таро такой номер носила самая зловеющая карта, означавшая Смерть. Число три-

надцать всегда было со злым роком, легенда о нем распространялась по миру, не требуя никаких дополнительных разъяснений.

Большинство объяснений могущества чисел вскоре стало циклически замкнутым. Действительно ли Локи сделал число тринадцать несчастливым? Или он просто превратил врожденную недоброжелательность этого числа в своего союзника при осуществлении задуманного плана? Изящные системы нумерологов обеспечивали им доступ к могуществу и гарантировали определенные права при манипуляции с числами, но

источник их могущества оставался глубоко скрытым. Подобно неизвестной планете, вращающейся во мраке, он мог быть обнаружен только по тому воздействию, которое оказывал.

Завершенность и честолюбивые претензии нумерологии достигли своего зенита в работах средневековой Каббалы — великолепной системы метафизической теологии, разработанной братством еврейских ученых. Будучи объектом необоснованных подозрений, они много работали над расшифровкой древних надписей на иврите, используя свои обширные знания в области астрологии и оккультных наук. В древнем иврите каждая буква имела как буквенное, так и числовое значение; adeпты учения Каббалы в системе, которую они называли Гематрией — еврейской версией всемирной геометрии, — старались приписать численное значение многим ключевым словам священных текстов на иврите. Разыскивая другие слова, имеющие такое же численное значение, они обнаружили мистическое соответствие, которого до них никто не замечал.

Тщательное стремление сторонников учения Каббалы свести слова к числам не является оригинальным; нумерологи всегда возились с этим, и так как греческий алфавит также использовал буквы в виде численных знаков, то сам Пифагор экспериментировал с ними. Но никто до последователей учения Каббалы не решал эту задачу с таким упорством и тщательностью, и их понятны только посвященным труды сделали анализ предсказаний доступным всякому, кто мог овладеть основами арифметики.

Мудрецы на Западе приспособили их код к своим собственным языкам и алфавитам, приписав каждой букве чи-

сленный эквивалент. В так называемом халдейском алфавите каждой букве присваивалось значение от единицы до восьми. Буквам А, I, J, Q и Y соответствовала единица; В, К и R — двойка; С, G, L и S — тройка; D, M, T — четверка; E, H, N, X — пятерка; U, V, W — шестерка; O, Z — семерка; буквам F, P — восьмерка. Таким образом, путем простого сложения каждое имя могло быть сведено к одному из элементарных чисел от единицы до девяти. Арифметическая сумма составляющих каждого имени, в свою очередь, была символом, раскрывающим истинные сведения о человеке, городе или даже стране. Ученые во многих странах писали целые труды, которые должны были помогать такому объяснению, но были и другие сторонники этого учения, предпочитавшие сохранять в тайне знание и передавать его, только когда наступит соответствующее время, молодым волшебникам, заслуживающим, по их мнению, доверия.

Наиболее честолюбивые нумерологи не ограничивались простым сопоставлением имени и числа того объекта, о котором их спрашивали. Они предпочитали сопоставлять его с другими числами, полученными на основе астрологических вычислений, построенных вокруг даты рождения или знаков зодиака. Но в центре исследований всегда было имя, и вооруженный только им специалист в данной области, обладающий знанием оттенков значений, мог проникнуть в тайны сердца и человеческой судьбы.

Для тех ученых, которые обладали этим даром, сочетания цифр были бесконечными, возможности — опьяняющими. Захваченные этой страстью люди засиживались допоздна, когда все остальные спали, и блуждали в лабиринтах своих собственных построений, возникавших там, где встречались математика с магией.

Двойники, предсказывающие судьбу

Горе любому смертному, встретившему собственного двойника — это предрекало смерть. Собственно, никто не знал наверняка, откуда берутся двойники. Некоторые верили, что это случается, когда бессмертная душа обретает телесную форму. Другие считали, что двойник появляется в мире в момент рождения человека и исчезает, когда тот умирает. Не имело значения, кто был прав, но известно было, что они собираются вместе с себе подобными. В полночь в канун Дня Поминовения Всех Душ двойники всех местных жителей, которым предстояло умереть в этом году, собирались в деревенских церквах.

Только глупец мог отважиться на то, чтобы посмотреть на них в этот час, так как рисковал увидеть самого себя. Если подобное происходило, то ему оставалось только распрощаться с жизнью. Девушки падали в обморок, мужчины хватались за мечи, но ничто не могло спасти тех, кто увидел себя, от могилы.

Эзотерическое число

Число семь излучает могущество. Ни одна ведьма не вызывает больше страха, чем та, которая является седьмой дочерью седьмой дочери; ни один врач не лечит так искусно, как седьмой сын седьмого сына. В предсказаниях число семь появляется с жуткой периодичностью. Древние пророки, предсказывавшие конец света, предупреждали о семи печатях, которые должны быть сломаны, о семи эпидемиях чумы, от которых будет страдать человечество, о семи трубных гласах, которые прозвучат перед тем, как наступит конец света. Мудрецы древности, размышлявшие над тайнами времени и пространства, глядя на небо, видели семь планет, насчитывали семь цветов в радуге, изучали изменения Луны и видели, что каждая из ее четырех фаз существует семь дней.

Поэты и проповедники рассказывали, как во время космической битвы за души смертных чудовища с отвратительными мордами, олицетворявшие семь смертных грехов, боролись с ангельскими воплощениями семи добродетелей. И жизнь каждого человека делилась на семь возрастов, начиная с детства и заканчивая старостью.

Для философов прошлого каждое число было символом высшей правды. Семь было суммой трех, числа, олицетворявшего духовную гармонию, и четырех, представлявших земную надежность. И нельзя было найти никаких чисел, при перемножении дававших семь. Оно было одиноким, чистым и девственным, и в этом заключалась его магическая сила.

Чванство

Гнев

Зависть

Похоть

Обжорство

Алчность

Лень

Семь смертных грехов, о которых предупреждали средневековых нечестивцев, были насланы на человечество, чтобы подвергать опасности людские души. Из семи дьяволов, которые искушали людей и толкали их к греху, Люцифер олицетворял чванство, Маммона — алчность, а Вельзевул — обжорство.

Семь японских богов, приносивших благосостояние, означали безмятежность, долголетие, мудрость, работоспособность, изобилие, любовь и отвагу в бою. Внешний вид каждого говорил о его качествах. Большой живот бога безмятежности свидетельствовал о его богатых внутренних ресурсах, куполообразные брови бога мудрости — о его умственном превосходстве.

Библейская книга Откровения предупреждала о чудовище, которое должно было появиться из моря с семью головами, десятью рогами и десятью коронами на каждом из рогов. Олицетворение дьявола и обмана, это семилицое чудовище должно было вступить в борьбу с силами добра, чтобы овладеть человечеством.

Древние евреи утверждали, что радуга представляет собой небесное оружие, возложенное на землю в знак договора, заключенного между Богом и смертными. Небесный лук содержал семь цветов спектра: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий и фиолетовый.

В древнем мире насчитывалось семь чудес света: храм Артемиды, древнеегипетские пирамиды, сады Семирамиды, Мавзолей в Галикарнасе, маяк в Александрии, великолепные статуи Зевса в Олимпии и Гелиоса в Родосе.

Глава третья

Гармонии тайн

Когда первый волшебник возвысил свой голос, чтобы сочинить песню-заклинание, он обнаружил чудодейственную магию музыки. В мелодии, зачаровывавшей змей, в пульсирующем ритме танца заклинателей дожда колдуны использовали мелодию, чтобы управлять низшими созданиями на земле и могущественными небесными стихиями. Человеческие существа тоже можно было очаровать музыкой и погрузить в сон, зажечь в их сердцах пламя любви, воинственный пыл и даже вызвать жажду смерти при помощи тайных мелодий, исполняемых на определенных инструментах. Искусства магическое и музыкальное были так переплетены, что ученые, искавшие слова, чтобы описать чудовищный труд предсказания, находили их в языке музыки. Слова очарование и колдовство (речь идет, естественно, о корнях английских слов *enchantment*, *incantation*. — *Примеч. пер.*) произошли от латинского слова *cantare* — петь, тогда как слово чары (*charm* (англ.) — *Примеч. пер.*) произошло от латинского слова *carmen* — песня.

Древние считали, что мистические гармонические мелодии имеют неземное происхождение. По убеждению некоторых философов, в частности, грека Пифагора, божественная музыка звучит во

Музыка, очаровывающая волков

В те времена, когда по лесам Франции бродили волки, существовало много рассказов о людях, которые способны были влиять на этих животных. Говорили, что музыка может их очаровать и подчинить, и в каждом флейтисте подозревали человека, состоящего в дьявольской связи с рыщущей в поисках добычи стаей. Ходили даже слухи, что некоторые музыканты вообще не люди, а оборотни, у которых с полуночным боем часов появляются клыки и щетинистая шкура их хвостатых собратьев.

Собирая волков на лесной поляне с помощью призывного звука, менестрель очаровывал их звуками флейты или волынки. При звуках музыки звери становились послушными, как собаки. Если колдун-музыкант был настроен к кому-то недоброжелательно, то ему достаточно было подсказать волкам, где пасутся стада его врага. В них тотчас просыпалась кровожадность, волки вместе со своим вожаком принимались выть и танцевать вокруг горящего костра, а затем начиналась кровавая бойня. После такой ночи утром обычно обнаруживали поле, усеянное окровавленными телами убитых ягнят и овец. А вожак волков уже снова бродил среди людей.

вселенной с момента сотворения мира. Он называл ее музыкой сфер, так как звуки исходили от небесных тел по мере того, как они вращались в космосе. Семь видимых планет соответствовали семи нотам музыкального ряда, и с помощью этих семи нот пели небеса. Смертные были глухи к этой небесной музыке, так как никогда не подозревали о ее существовании. Если бы она прекратилась, человечество осознало бы, какое совершенство утрачено.

Среди бессмертных было много музыкантов, например, бог Пан, вырезавший первые дудочки из стеблей тростника, и Аполлон, игравший на первой лире. Когда боги веселились, Аполлон играл для них, а девять Муз составляли хор. Божественные покровительницы всех искусств, Музы пели так очаровательно, что даже великий Зевс смотрел на них с благосклонностью.

Те из людей, кто мог назвать богов среди своих предков, тоже часто обладали божественным музыкальным даром. Одним из таких героев был финский патриарх Вяйнямейнен, рожденный богиней из ветра и волн. Однажды он под парусом с большой группой мужчин и женщин пересекал широкое озеро Похья. Их судно было сильно перегружено продовольствием и оружием, шатрами и лошадьми, поэтому Вяйнямейнен вел его очень осторожно. Вдруг судно неожиданно качнулось, вздрогнуло и замерло, при этом на палубе все попадали. Когда они поднялись, то молодой человек, которого звали Лемминкяйнен, схватил рулевое весло. Его друг Ильмаринен выхватил бревно из рангута. Погружая в воду свои шесты, они почувствовали, что под судном что-то

есть, тверже, чем песчаная отмель, но податливее, чем скала. Вглядываясь в волны, Лемминкяйнен увидел внизу что-то серое, извивающееся.

Лемминкяйнен отпрянул от борта судна. «Мы налетели не на скалу и не на бревно, — закричал он, — а на огромную щуку». Старый Вяйнямейнен приказал ему разрубить щуку мечом пополам.

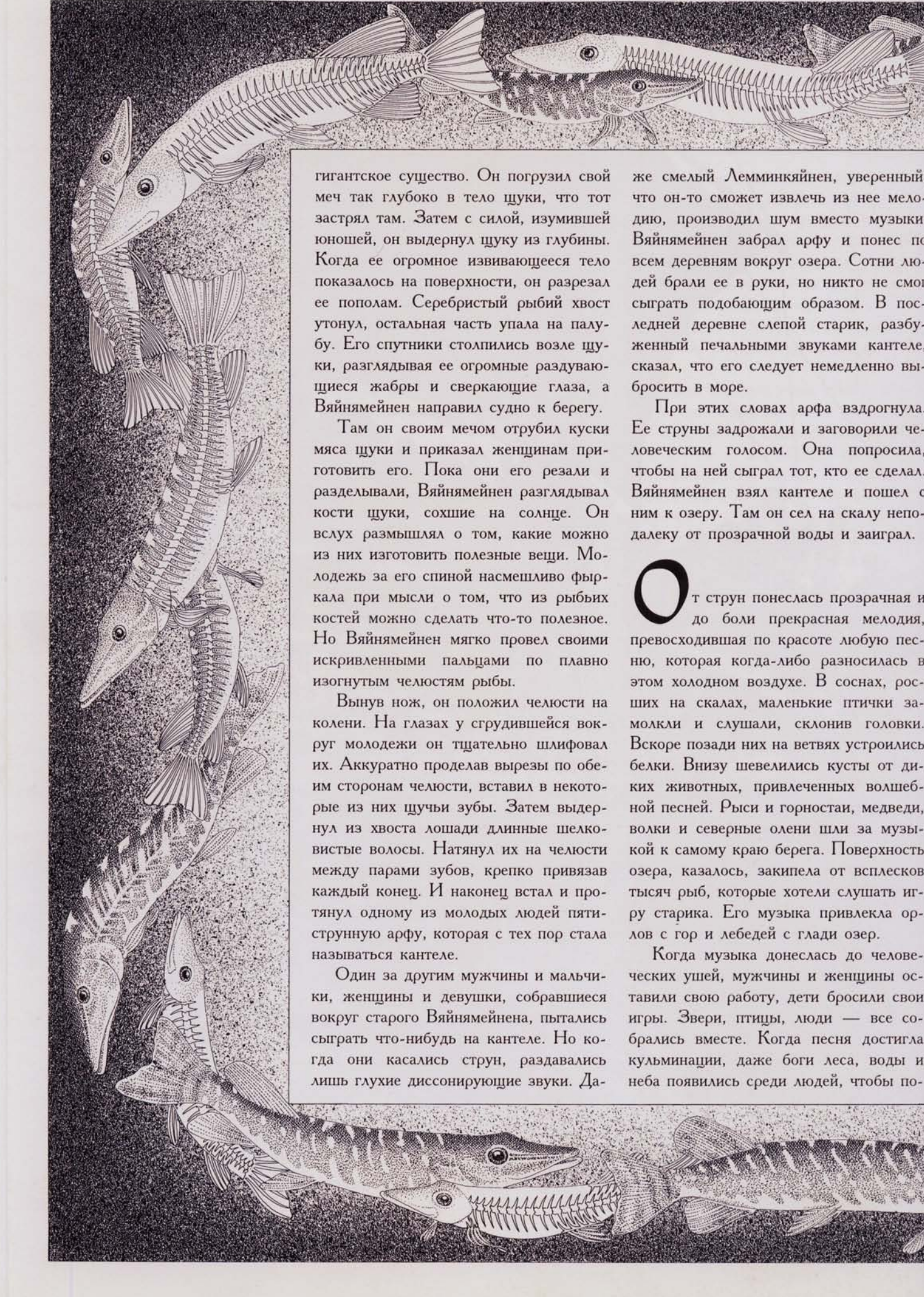
Стремясь показать свою отвагу, молодой человек выхватил меч и погрузил его в воду, но тот оказался настолько тяжел, что он и сам полетел вслед за мечом. Ильмаринен, смеясь, наклонился и поймал друга за волосы. Он втащил его обратно на судно, а потом выхватил собственный меч и вонзил его в спину щуки. Резким рывком могучая рыба сломала лезвие.

Тогда поднялся Вяйнямейнен и стал позади молодых людей, сказав, что юноши должны уступить дорогу человеку, мудрость которого поможет убить

Не испугавшись ударов мечей, гигантская щука поднялась из холодных вод финского озера, угрожая судну, на котором путешествовали мудрецы и герои.

гигантское существо. Он погрузил свой меч так глубоко в тело щуки, что тот застрял там. Затем с силой, изумившей юношей, он выдернул щуку из глубины. Когда ее огромное извивающееся тело показалось на поверхности, он разрезал ее пополам. Серебристый рыбий хвост утонул, остальная часть упала на палубу. Его спутники столпились возле щуки, разглядывая ее огромные раздувающиеся жабры и сверкающие глаза, а Вяйнямейнен направил судно к берегу.

Там он своим мечом отрубил куски мяса щуки и приказал женщинам приготовить его. Пока они его резали и разделявали, Вяйнямейнен разглядывал кости щуки, сохшие на солнце. Он вслух размышлял о том, какие можно из них изготовить полезные вещи. Молодежь за его спиной насмешливо фыркала при мысли о том, что из рыбьих костей можно сделать что-то полезное. Но Вяйнямейнен мягко провел своими искривленными пальцами по плавню изогнутым челюстям рыбы.

Вынув нож, он положил челюсти на колени. На глазах у сгрудившейся вокруг молодежи он тщательно шлифовал их. Аккуратно проделав вырезы по обеим сторонам челюсти, вставил в некоторые из них щучьи зубы. Затем выдернул из хвоста лошади длинные шелковистые волосы. Натянул их на челюсти между парами зубов, крепко привязав каждый конец. И наконец встал и протянул одному из молодых людей пятиструнную арфу, которая с тех пор стала называться кантеле.

Один за другим мужчины и мальчики, женщины и девушки, собравшиеся вокруг старого Вяйнямейнена, пытались сыграть что-нибудь на кантеле. Но когда они касались струн, раздавались лишь глухие диссонирующие звуки. Да-

же смелый Лемминкяйнен, уверенный, что он-то сможет извлечь из нее мелодию, производил шум вместо музыки. Вяйнямейнен забрал арфу и понес по всем деревням вокруг озера. Сотни людей брали ее в руки, но никто не смог сыграть подобающим образом. В последней деревне слепой старик, разбуженный печальными звуками кантеле, сказал, что его следует немедленно выбросить в море.

При этих словах арфа вздрогнула. Ее струны задрожали и заговорили человеческим голосом. Она попросила, чтобы на ней сыграл тот, кто ее сделал. Вяйнямейнен взял кантеле и пошел с ним к озеру. Там он сел на скалу неподалеку от прозрачной воды и заиграл.

От струн понеслась прозрачная и до боли прекрасная мелодия, превосходившая по красоте любую песню, которая когда-либо разносилась в этом холодном воздухе. В соснах, росших на скалах, маленькие птички замолкли и слушали, склонив головки. Вскоре позади них на ветвях устроились белки. Внизу шевелились кусты от диких животных, привлеченных волшебной песней. Рыси и горностаи, медведи, волки и северные олени шли за музыкой к самому краю берега. Поверхность озера, казалось, закипела от всплесков тысяч рыб, которые хотели слушать игру старика. Его музыка привлекла орлов с гор и лебедей с глади озер.

Когда музыка донеслась до человеческих ушей, мужчины и женщины оставили свою работу, дети бросили свои игры. Звери, птицы, люди — все собралось вместе. Когда песня достигла кульминации, даже боги леса, воды и неба появились среди людей, чтобы по-

слушать песню. Все, кто слушал эту мелодию, плакали. Но первым, у кого глаза наполнились слезами, был сам Вайнямейнен. Когда он играл, слезы медленно катились по камням и падали в воду.

Чувствуя, что слезы, которые он пролил, — не просто соленая вода, Вайнямейнен обратился ко всем собравшимся и попросил, чтобы кто-нибудь собрал его слезы из водных глубин. Звери молчали. Люди, перешептываясь друг с другом, говорили, что никто не сможет вернуть их обратно.

И снова старик попросил собрать его слезы, обратившись теперь к ворону, кружившему над ним. Упав, как свинцовый груз, в озеро, тот исчез под водой. Однако он не умел плавать и вскоре появился на поверхности. Затем с неба камнем вниз упала голубая утка. Она изящно нырнула в волны и, как ножом, рассекла ледяную воду, привлеченная серебристым блеском на дне озера.

На берегу толпа молча наблюдала за волнами. Неожиданно голубая утка вынырнула на поверхность и, покачиваясь на волнах, поплыла к берегу. Подковылав к Вайнямейнену, она выронила к его ногам горсть прекрасных белых жемчужин. Похожие на слезы, жемчужины сверкали на солнце вместе с последними звуками чудесной мелодии кантеле.

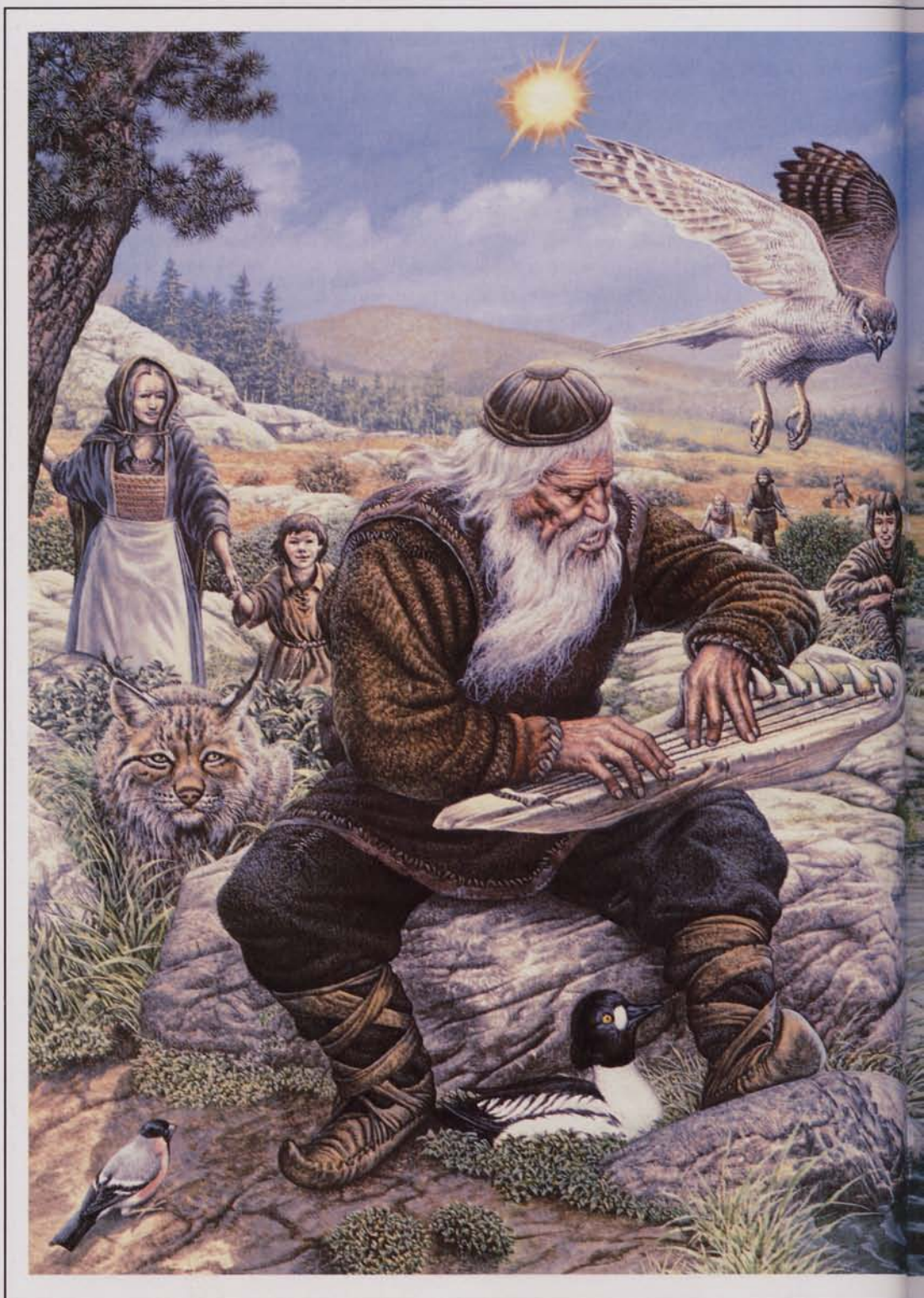
Кантеле сопровождало Вайнямейнена во всех его странствиях вплоть до того рокового дня, когда он в шторм пересек озеро, и волна смыла инструмент в мрачные воды. Вайнямейнен был потрясен до глубины души, но его увлечение музыкой продолжалось. Со временем он сделал другое кантеле из березы и с помощью этого инструмента завораживал животных и деревья и даже солнце и луну. Много лет спустя после смерти

Вайнямейнена люди столь же живо вспоминали его изумительные мелодии, как и его героические поступки.

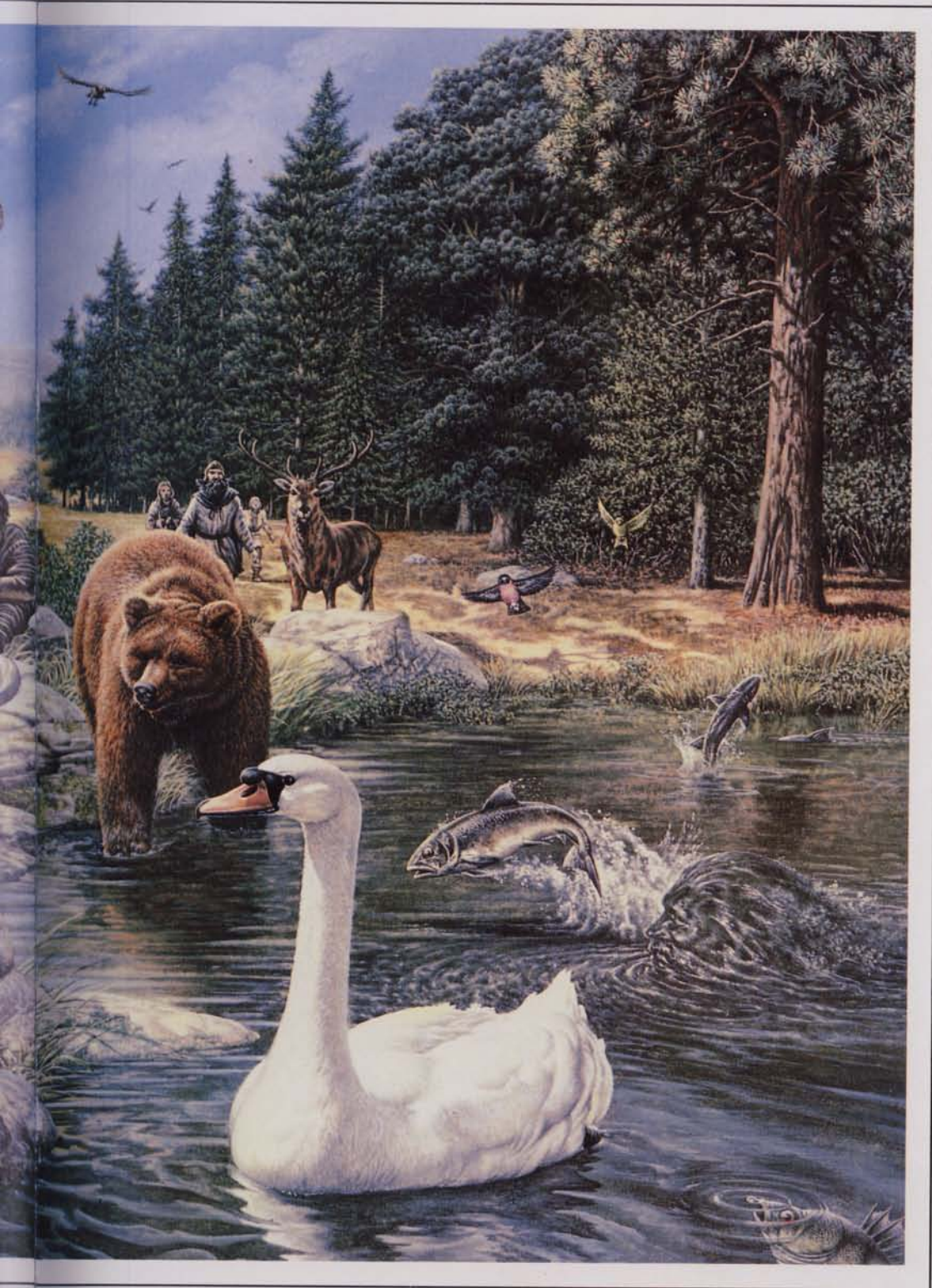
Случалось и так, что божественный музыкальный дар доставался недостойным. Рассказывают историю о том, как в горах Уэльса старый фермер, которого звали Морган, получил инструмент от эльфов. Однажды вечером, когда он сонно клевал носом у домашнего очага, его разбудил стук в дверь. Когда он открыл дверь, в дом вошли трое измученных чужестранцев и попросили накормить их. Седобородый старик, согретый огнем очага, трубкой и добрым элем, махнул им рукой на хлеб и сыр, лежавшие на столе.

Путешественники взяли все, что им было нужно, взамен пообещав выполнить любое его желание. Он рассмеялся в ответ на их бессмысленное обещание и попросил их подарить ему арфу, которая могла бы петь даже под его грубыми и неуклюжими пальцами. В тот же миг странники исчезли. Вместо них стояла прекрасная арфа, такая изящная, что ее могли сделать только очень искусные руки. Морган понял, что этот инструмент принадлежал эльфам, и запоздало сообразил, что его гостями были эльфы в человеческом обличье. Он долго смотрел на арфу, сожалея, что не попросил чего-нибудь посущественнее.

Когда он услышал за дверью шум шагов возвращавшейся домой жены и ее друзей, то решил заставить их посмеяться над его неуклюжей игрой. Когда те вошли, он ударил по струнам. Зазвучала мелодия, такая прекрасная и сложная, которую никогда бы не смог сыграть Морган. Ноги его жены начали

На инструменте, изготовленном из челюстей огромной щуки, мудрый Ваянямейнен исполнял самую прекрасную музыку в мире. Все создания, жившие в воде и лесах, мирно собирались вокруг него, чтобы послушать чудесные мелодии.

притоптывать, отбивая ритм, а друзья принялись раскачиваться, потом кружиться и притоптывать, а потом подпрыгивать в такт музыке. Однако на лицах у них не было радости, только страх и смущение. Они попросили Моргана прекратить игру, а когда он остановился, замерли, шатаясь в полном изнеможении.

Озорство вскоре превратилось в жестокость, когда Морган обнаружил, что может заставлять калек выпрыгивать из постели и танцевать, мучительно хромая, под музыку арфы. Он заставлял своих врагов танцевать до тех пор, пока у них не ломались кости. Когда эльфы увидели, как использует Морган их подарок, то однажды ночью, когда он спал, забрали арфу. Они делали ее не для того, чтобы ею пользовались во зло, и были потрясены, когда увидели, как легко ее волшебная сила может быть использована со злым умыслом.

Другим инструментом, который также мог быть использован в дурных целях, считалась скрипка, звуки которой проникали в душу слушателей. Цыгане объясняют, что ее опасность предопределена историей ее появления. Ведь первая скрипка была сделана самим дьяволом.

Согласно цыганской легенде, когда венгерская девушка, которую звали Марика, влюбилась в прекрасного и знатного охотника, каждый день проезжавшего мимо ее домика, то обратилась за помощью к дьяволу. В тот же вечер он появился перед ней, готовый выполнить любое ее желание, если девушка сможет заплатить назначенную им цену. За любовь охотника он хотел получить взамен ее четверых юных братьев.

Пока девушка ходила от постели к постели, глядя на спящих братьев, дья-

Вызванные его собственной музыкой, слезы Вайнямейнена градом катились в озеро. Птица нырнула на дно, чтобы отыскать превратившиеся в жемчужины слезинки.

вол следовал за ней. Он с жадностью смотрел на мальчиков, но взгляд девушки был рассеянным, обращенным к прекрасному охотнику, представшему перед ее мысленным взором. Она кивнула дьяволу, и тот немедленно превратил мальчиков в четыре струны.

Затем «благодетель» сказал, что ему нужен и ее отец. После короткого раздумья девушка согласилась и увидела, как он превратил старика в ящик, который затем приобрел округлые формы. Прикрепив к этому корпусу струны и ударив по ним когтистыми пальцами, дьявол болезненно поморщился при их гнусавом звуке и опять повернулся к девушке.

Теперь он потребовал ее мать. Уже почти ощущая объятия прекрасного охотника, Марика жестом показала, где спит последний член ее семьи. Из старухи дьявол изготовил тонкую деревянную палочку, к одной стороне которой он прикрепил шнурок, сплетенный из ее волос.

И наконец, дьявол ударил смычком по струнам скрипки. Марика с изумлением прислушивалась к музыке, которая звучала как человеческий голос. Ей казалось, что в этой песне она слышит смех своих братьев, ворчание матери и молитвы отца. Когда она заплакала, дьявол заиграл веселую мелодию, которая подняла ей настроение. Затем он отдал ей скрипку, сказав, что ее музыка обольстит сердце охотника.

На следующий день девушка заиграла в лесу на скрипке. Когда охотник проезжал мимо, он услышал ее призывный голос, услышал в нем все, что когда-то любил и о чем мечтал. Он галопом промчался между деревьями, радо-

стно поднял девушку в седло и направился с нею домой.

Спустя несколько дней появился дьявол. Теперь, сказал он, они принадлежат ему и должны слушать его музыку, — и забрал их с собой в ад. Когда Марика исчезала в адском мраке, скрипка выскользнула у нее из рук и упала в лесу на землю. Там лежала она, и струны ее молчали, пока среди листьев не нашел ее цыганский мальчик. Восхищенный ее красотой, он схватил скрипку и коснулся ее струн смычком. Постепенно поняв, как вести смычком по струнам, он и создал музыку, которую с тех пор играют цыгане, заставляя людей смеяться или плакать.

В руках некоторых заклинателей музыка была силой, способной бороться со злом. Было известно, что нежные мелодии некоторых струнных инструментов способны успокаивать ночное зло. Кельтский музыкант Кейлте использовал волшебное звучание своей лютни против трех оборотней, истреблявших стада его земляков. Рано утром он взбирался на вершину крутой пирамиды из камней и начинал играть. Лирическая мелодия неслась над лесами и лугами, заполняя каждую нору и поляну, проникая в самые глубокие пещеры, в которых скрывались от солнца дьявольские создания.

Кейлте играл все утро и весь день. Когда наступил вечер и солнце стало садиться, он увидел направлявшиеся к нему три темные фигуры. Это были три волчицы со сверкающими глазами, вышедшие из сумерек, чтобы улечься у его ног и послушать чарующую музыку.

Кейлте знал, что необходимо разрушить зло, заключенное в этих зверях и только на короткое время успокоенное его музыкой. Но такие создания мож-

Армия демонов отправлена в полет

Одним из музыкантов, подчинивших себе злые силы, была леди Пенгерсвик, восточная принцесса, вышедшая замуж за великого корнуоллского волшебника. Лорд Пенгерсвик женился на ней во время своего пребывания у магов Востока, где изучал магические искусства. Когда он вернулся в Корнуолл, то знал все магические науки, кроме одной. Он не мог по своему желанию спеть песню.

Жена его обладала именно тем даром, которого ему так не доставало. Когда лорд Пенгерсвик привез ее в свой замок в холодной и сырой стране, лежавшей так далеко от ее дома, она пела песни своего детства и аккомпанировала себе на арфе. Слова ее песен звучали на языке, которого не понимал муж. У нее был низкий прекрасный голос, заполнявший, казалось, все комнаты замка. Слуги прекращали работу и прислушивались, а служанки собирались внизу под аркой, чтобы послушать ее пение.

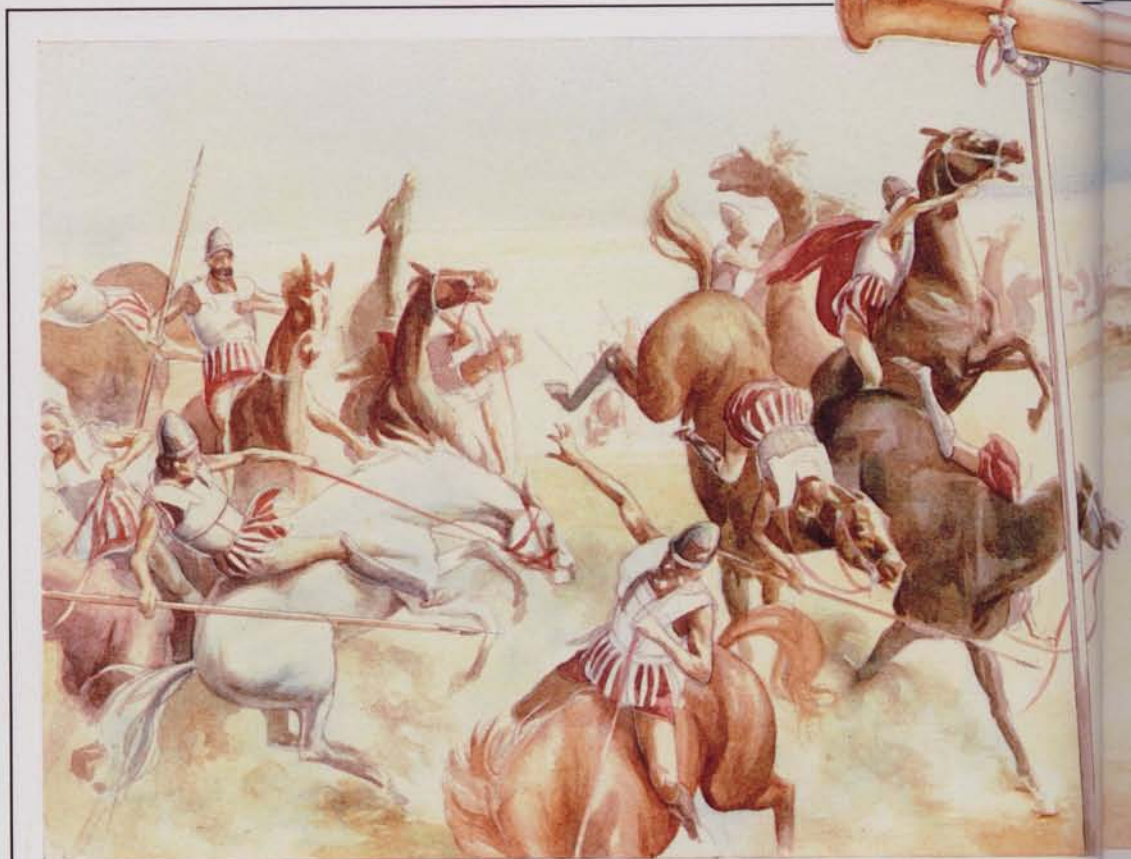

Однажды вечером, когда ее песни разносились по всему замку, муж решил проверить свои способности к волшебству. Мощным заклинанием он вызвал самых непокорных злых духов и потребовал, чтобы те подчинились его магической силе.

Они вырвались из забвения, еще более мрачного, чем мог представить лорд Пенгерсвик. Шипя и разбрызгивая серу, иссавия ада материализовались вокруг испуганного волшебника. Они кружились вокруг него до тех пор, пока и он не начал кружиться и шататься. Он выкрикивал заклинания, чтобы рассеять их, но все было тщетно. Спущенная с цепи ярость демонов оказалась сильнее, чем магическое слово.

Казалось, для безрассудно смелого мудреца все потеряно, но тут он расслышал сквозь рычание демонов и свои собственные крики звуки арфы своей жены. Демоны тоже услышали эту музыку и их яростное кружение постепенно замедлилось в мягком ритме мелодии арфы. Строгая гармония ее музыки успокоила их. В конце концов она заставила их отправиться обратно во тьму.

*Околдованные музыкой вражеских труб и рогов,
боевые лошади греческой армии начали танцевать,
и битва для их хозяев была проиграна.*

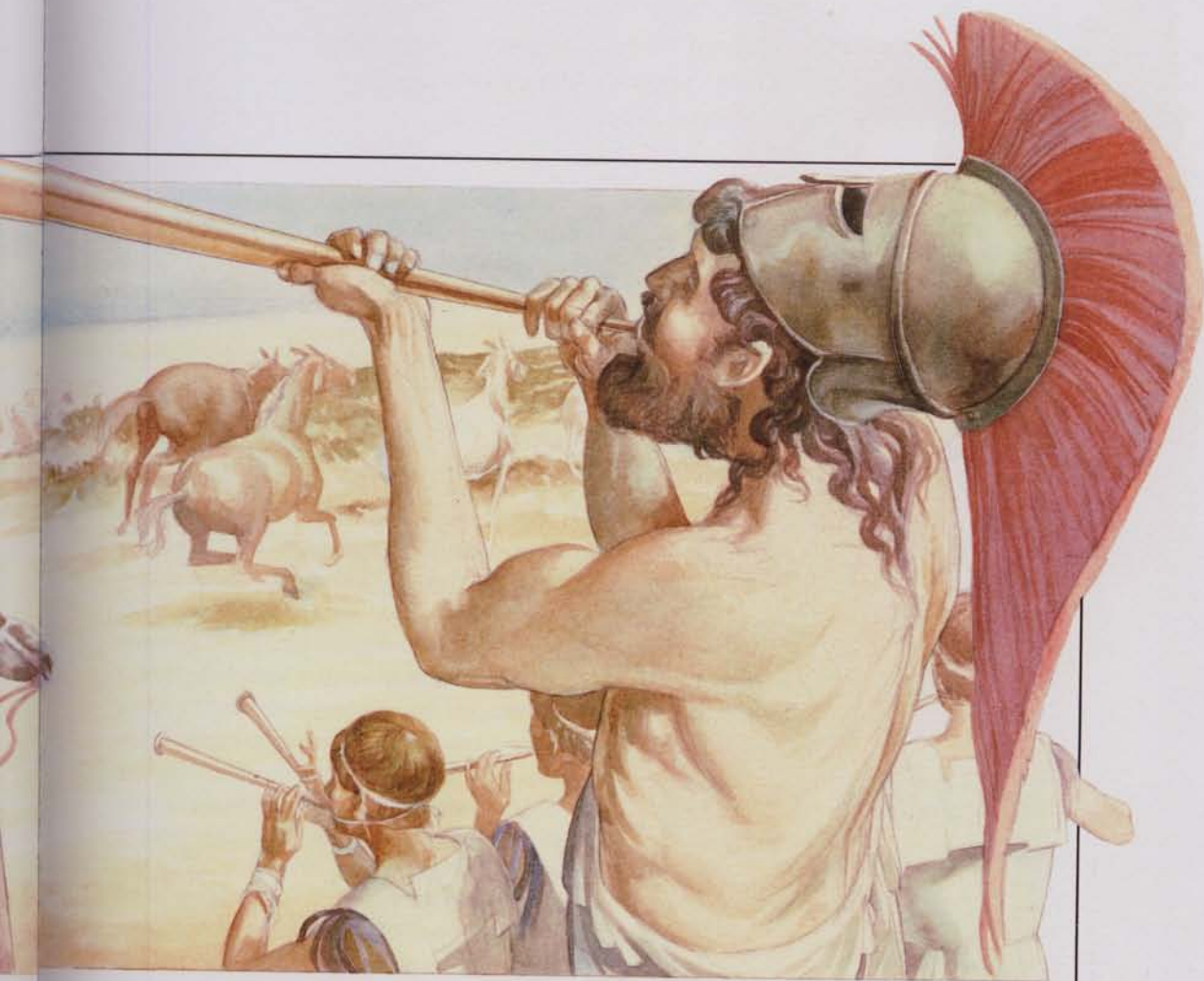
но было убить лишь тогда, когда они принимали человеческий облик. Под звуки лютни Кейлте начал говорить волкам, что музыка, исполняемая человеческими руками, звучит еще прекраснее, когда ее слушают человеческие уши. В какой-то момент звери поднялись на задние лапы и мохнатые шкуры свалились с них. Перед Кейлте стояли три женщины с бледной гладкой кожей, длинными шелковистыми волосами и сверкающими глазами. Когда они замерли, чтобы услышать еще более прекрасную музыку, как обещал Кейлте, он убил их.

Если струнные инструменты покоряли человеческие сердца и влияли даже на злых духов, духовые инструменты оказывали свое магическое действие на

поле битвы. Семью громкими звуками семи труб израильтяне разрушили до основания величественные стены Иерихона в древней Палестине. И спустя столетия другой духовой инструмент — свирель — магически изменил ход битвы во время войны между средиземноморскими городами Сибарисом и Кротонном.

В то утро звуки, издаваемые армией, готовившимися к сражению, — звуки мечей, гремевших в ножнах, шлемов, ударявшихся о нагрудные пластины, фыркание и ржание лошадей, проклятия солдат — отчетливо разносились над полем.

Воины Кротона, которых противник превосходил числом втрое, отчетливо слышали рев труб, призывавший пре-

красно вооруженную и экипированную кавалерию сибаритов к бою.

Предводитель кротонцев Милон знал, что может победить в этой битве только благодаря благосклонности богов. С мольбой подняв глаза к небу, он приказал трубить призыв к оружию. Трубач уверенно подул в трубу. Но как он ни напрягся, в воздухе не разнеслось ни звука. Он снова подул в трубу и опять не смог извлечь ни звука. А сибариты тем временем наступали. Милон в отчаянии приказал выдвинуться вперед музыкантам, игравшим на свирелях, чтобы двинуть армию в битву под их звуки вместо рева боевых труб.

Незатейливая мелодия произвела совершенно неожиданный эффект. Лошади сибаритов сломали строй. Несмотря на шпоры, которые впивались им в бока, и сыпавшиеся на их головы проклятия, они остановились посреди поля. Затем в точном соответствии с ритмом мелодии лошади начали танцевать.

Их танец был полон лихих коленец, как и мелодия свирелей, причем время от времени они поднимались на дыбы. Всадники падали на землю, другие спешивались и обращались в бегство, а войска Кротона их преследовали. В сопровождении прекрасной мелодии армия сибаритов была наголову разбита.

Богобоязненные крестьяне и могущественные волшебники в равной мере воспринимали великое волшебство не-

ожиданных ударов гонга и звуков цимбал, настойчивого боя барабанов, торжественного звона колоколов. С помощью их громких голосов смертные, казалось, приобретали возможность говорить с призраками или духами, призывать их или отгонять прочь.

В древнем Риме предсказатели знали секрет отливки специального колокола, который на семь дней закапывался в могилу вместе с умершим. Когда на восьмой день колокол выкапывали и начинали в него звонить, то вместе с его звоном мог подняться и мертвец. Римские домохозяйки, у которых возникало желание отправить домашних духов обратно в могилу, делали это с помощью звона цимбал и заклинания: «Духи моих предков, уходите прочь!»

Известно было, что колокола и барабаны помогают отогнать бурю; сила колокольного звона была так велика, что заклинатели на Западе традиционно звонили в колокола, чтобы отогнать дьявола. На Востоке китайские священнослужители, чтобы отогнать духов, били в гонг. И в момент смерти человека,

Колокола средневековых церквей звонили не только по случаю смерти, но и для того, чтобы отогнать злых духов, бродивших вокруг умершего человека.

когда его душа более всего подвержена мистическим воздействиям, в европейских церквах звонили в колокола, чтобы отогнать дьявола.

Во время таких праздников, как канун середины лета или Вальпургиева ночь, надвигавшееся зло было так велико, что в некоторых приходах звонили в церковные колокола от заката до восхода. Истинная сила колоколов зачастую зависела от тех святых, которым они посвящались. Большинство самых любимых колоколов имело собственные имена — а некоторые были даже крещены.

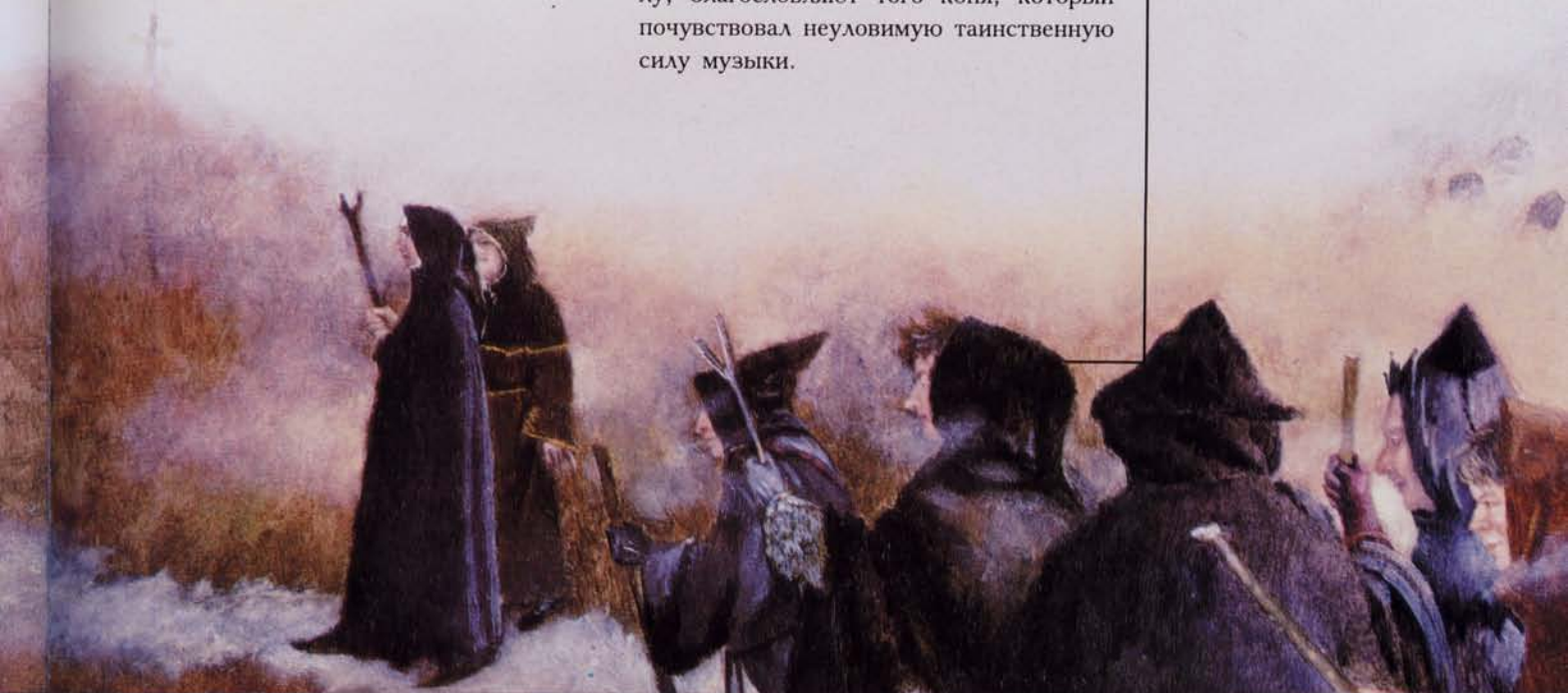
Мистические голоса таких колоколов почти невозможно было заставить замолчать. Много веков назад в Англии землетрясение разрушило одну деревню, но колокола на кладбищенской церкви продолжали звонить в канун каждого Рождества. В ночь под Рождество каждый год в одном немецком городе начинали свой благовест со дна озера три серебряных колокола, упавших туда с колокольни сгоревшей церкви.

Одним из самых замечательных колоколов средневековья был колокол церкви Святой Ильтиды в Уэльсе. Когда король Англии во время своих поездок слышал его приятный звон, он украл его с башни и поехал домой, при-

крепив на шею своего коня. Позднее, раскаявшись в своем преступлении, король решил вернуть колокол Святой Ильтиде. Но как только он привязал его снова к шее коня, тот без седока помчался галопом в Уэльс.

Чудесный колокол звонил, отмечая каждый шаг, все время, пока конь скакал по Англии, направляясь на запад. Другие лошади, услышав этот замечательный звон, были буквально очарованы и, перепрыгивая стены и изгороди, мчались следом за колоколом на запад. К тому времени, когда конь с колоколом достиг реки Северн на границе Уэльса, за ним следовал уже большой табун. Лошади не стали замедлять шаг на берегу реки, а галопом ринулись прямо в воду, увлекаемые звоном колокола. На другой стороне реки к ним присоединялось все больше и больше лошадей, пока не собрались все лошади Уэльса, которые и проводили колокол до самых ворот церкви Святой Ильтиды.

Там конь короля опустил голову и позволил священнику снять чудесную ношу со своей шеи. После того как колокол подняли на колокольню, он зазвонил снова, словно благословляя и освобождая лошадей от их заклятия. Прошли века, но до сих пор жители деревни, прислушиваясь к своему колоколу, благословляют того коня, который почувствовал неуловимую таинственную силу музыки.

Глава четвертая

Кухня ведьмы

В деревнях, расположенных на изрезанном штормами берегу Корнуолла, матери учили своих дочерей науке о цветах и растениях, точно так же, как они учили их сбивать свежее масло из густой сметаны. В их теплых, озаренных пламенем очага кухнях, где со стен свешивались пучки трав, отгонявших чуму, воздух был тяжел от пахучих целебных снадобий. Полки были заставлены мазями для лечения ран, крепкими отварами против лихорадки, а между ними прятались амулеты с более мощными средствами. Такие амулеты добрые жены из деревушки возле Фрадда вешали себе на шею в базарный день, когда по дороге в город им приходилось проходить мимо одного дома, стоявшего поодаль от остальных.

Полуразрушенный домик казался просто частью изгороди, колючие ветки кустарников скрывали его соломенную крышу, а старые корни переползли через порог. Женщины отвернувшись торопились пройти мимо, хотя в домике не было заметно никаких признаков жизни. Но иногда во время высоких приливов и полной луны из трубы домика поднимался дымок с неприятным запахом. Женщины брали детей на руки и старались побыстрее миновать это место. После этого от дома к дому несли ше-

поток: ведьма Фраддама снова появилась на своей кухне.

Отвратительный запах с каждым годом все чаще и чаще неспешно сочился из кухни, так как окрестности Фраддама стали полем битвы, где чары ведьмы — исчадия ада — столкнулись с благотворным влиянием мудрого волшебника, жившего неподалеку. Каждый раз, когда старуха превращалась в маслобойку и пила молоко фермеров, мудрец в ответ прижигал ей язык горячей кочергой. Когда она сглазила одного из деревенских детей, то волшебник с помощью заклинаний снял сглаз. Когда она насылала болезнь, он вылечивал людей.

Ведьма по ночам бродила по окрестностям, собирая травы при лунном свете и прислушиваясь под окнами домов к ссорам, которые могли оказаться ей полезными при составлении заклинаний. На фоне полуночного неба она часто видела свечу в узком, похожем на бойницу окне домика мудреца. Она знала, что там ее соперник листает хрупкие страницы книг в переплетах из слоновой кости с золотом. Ведьма сама часто протягивала руки к таким томам, надеясь овладеть скрытым в них могуществом, но из этого ничего не получалось.

Она отворачивалась от света и плевалась, бормоча при этом, что ей не нужны заклинания, взятые из книг. Она сама может создавать колдовские снадобья, как ее учили мать и бабушка, из трав и цветов, кошачьей крови и жабьей кожи.

Но ее собственные чары нуждались в поддержке и усилении, чтобы противостоять атакам благородного и искусного соперника, и однажды в лунную ночь она спустилась по каменистым скалам возле бухты Кайненс, чтобы завербовать себе союзника. Когда наступил отлив, она встала на колени возле

самой воды и прошептала в ночной тишине имя демона.

Мигом возле ее ног появилось шипящее создание с морщинистой мордой. Она опустилась рядом с ним на землю и предложила сделку. Ведьма обещала свою душу в обмен за победу над ее врагом. Но поскольку ее порочная душа не казалась слишком ценной добычей, исчадье ада на ее условия не согласилось. Вместо этого демон предложил ей секрет напитка, который обращал в рабство любого, отведавшего его.

Решив, что этого будет достаточно для ее целей, ведьма приняла предложение демона и поспешила домой. В своей пропахшей дымом кухне она смешала в котелке все составляющие адского напитка. Затем она изготовила второе снадобье — ядовитую настойку из смертельно опасного паслена и вылила все это в бадью.

На следующую ночь, сгибаясь под тяжестью ноши, она пошла по извилистой дорожке к тому перекрестку, где, как она знала, должен был проезжать мудрец. Там она поставила бадью посреди дороги, где ее ядовитое содержимое могло соблазнить разгоряченную усталую лошадь.

Держа котелок в руках, ведьма спряталась в придорожной канаве. Конь мудреца должен обязательно выпить эту одурманивающую жидкость, и прежде чем его хозяин почувствует расставленную ведьмой западню, обезумевшее животное сбросит его на землю. Тогда будет нетрудно опрокинуть на него содержимое котелка, пока он, ошеломленный и беспомощный, лежит на земле. На пустынной дороге раздался стук копыт, и ведьма еще глубже спряталась в тень. Испуганная странным предметом, стоящим на перекрестке, лошадь подня-

*Хохоха и помешивая дьявольское варево, мстительная ведьма
из Фраддама поджидала на перекрестке мудреца,
который постоянно ей мешал творить зло.*

лась на дыбы. Но предусмотрительность мудреца оказалась слишком велика. Он наклонился вперед в седле и что-то прошептал на ухо лошади. Та немедленно повернулась и ударом копыта опрокинула бадью, которая пока- тилась по дороге и стукнулась о котелок, стоявший возле ног ведьмы. Старуха закричала, так как варево выплеснулось на нее.

Мудрец выкрикнул что-то в ночное небо, и со спокойных небес немедленно налетел ураган. Верхом на этом урагане появился демон из бухты Кайненс, разразившийся яростной бранью. Когда ветры проглотили ведьму, содержимое бадьи всосал смерч и магические силы превратили его в гроб. Летающий гроб опустился к земле, подхватил старуху и унес ее в воздух. Котелок, подпрыгивая, помчался

следом. Торжествующе рассмеявшись, мудрец направился домой. В эту ночь и во все последующие, когда на побережье налетала буря, он знал, что ведьма все еще находится высоко в центре урагана и только время от времени опускается вниз, чтобы взбаламутить море под собой. Ему было достаточно произнести с крыши своей башни лишь одно слово, чтобы увидеть, как буря утихает, а побежденный противник подчиняется его воле.

Источником могущества как мудреца, так и ведьмы было не только варево демона, но и древнее знание свойств растений, которые цвели возле изгородей, в лугах и на кладбищах. Мужчины и женщины, занимавшиеся магией, знали свойства каждого растения и способы подчинить эти свойства своей воле.

Искусство повелевать силами природы являлось наследием колдунов, последователей жрецов и жриц богини Ге-

каты. Гекату, богиню колдовства, олицетворяла луна. Те, кто обращались к ней с просьбами, знали, что когда в ночном небе появляется ее холодная и белая полная сфера, то на все живое на Земле изливается влияние богини. Растения, выросшие под воздействием заклинаний Гекаты, будут обладать чарами зла.

Потому ведьма из Фраддама подчинялась стародавнему принципу своего рода, собирая свой смертоносный урожай при свете полной луны. Как она, так и ее соперники, занимавшиеся магией, разработали целый календарь, в котором было указано, в какие дни и часы следует собирать растения, предназначенные как для добра, так и для зла. Этот магический календарь учитывал как естественные события вроде смены времен года, так и церковные праздники и священные дни как моменты особо сильного духовного воздействия, ко-

торые следовало использовать. Когда ведьма хотела раздуть ссору между влюбленными во Фраддаме, она на заре майским утром собирала вербену, чтобы разбросать ее на дороге. Если ей было нужно совершить колдовство, чтобы открыть запертые двери, она ждала дня Святого Джеймса, приходившегося на разгар лета. Листья цикория срезались золотым ножом в полдень, а затем еще раз в полночь того дня, когда должно было действовать заклинание. Старинные предания говорили, что буквицу следует собирать в праздник Первого мая. Во время сбора ее урожая молитва, обращенная к Святой Троице, приводила к тому, что растение приобретало целебные свойства, а обращение к Сатане делало его пригодным для злодеяний.

Большая часть растений, использовавшихся в фармакопее заклинателей, была в одинаковой степени пригодна

Побежденная более могущественной магической силой, ведьма была навсегда осуждена носиться по облакам и волнам, поднимая вслед за собой бурю.

как для добра, так и для зла. Посвятив всю жизнь внимательному изучению трав, человек, занимающийся магией, получал возможность правильно использовать их свойства для получения необходимого результата. Так, например, опасные свойства вербены проявлялись только в том случае, если она собрана человеком. Для того чтобы ее обезвредить, многие чародеи, руководствовавшиеся добрыми намерениями, привязывали стебли к ноге собаки. Когда собака бросалась бежать, растения выдерживались с корнем без прикосновения человеческих рук и таким образом становились пригодными для колдовства. У друидов священнослужители применяли для срезания листьев железные ножницы, так как иначе, приходя в соприкосновение с кожей, они приобретали дьявольские свойства.

Сам по себе момент сбора растений представлял большую опасность, так как он был первым неизбежным шагом в ритуале заклинания. Как для того, чтобы заклинание обладало необходимой силой, так и для безопасности колдуна, этот начальный шаг, временами благополучный, временами смертельный, надлежало выполнять осторожно и правильно.

Греческие маги перед сбором трав ели чеснок, так как было известно, что его сильный запах вызывает отвращение у злых духов, и намазывали себя маслом. Они подходили к каждому отдельному растению с определенной стороны. Для того, чтобы вдохнуть силу в живительные соки растения в момент его созревания, древние медики обмывали растение с помощью лстивых увещаний.

Однако чародеи, стремившиеся совершать зло, пытались усилить болезнетворную силу растений, по-

ливая саженцы ядом. Чтобы добиться максимальной отрицательной силы растения, они собирали его при луне, колдовская сила которой еще более увеличивалась благодаря мерцающему свету факела, укрепленного в руках мертвеца. После сбора урожая трав как черные, так и белые ведьмы часто совершали благодарственные возлияния, выливая мед на землю, чтобы ублагодарить Мать-Землю, из чьей груди растения набирали свою силу.

Травы, которые они собирали с такими предосторожностями, обладали магической родословной, восходившей к началу времен. Свойства некоторых растений были открыты животными задолго до того, как человек воцарился на Земле. Так, например, фенхель (сладкий укроп. — *Примеч. пер.*) был известен своими целебными свойствами еще змеям, сбрасывающим кожу. Люди же, занимавшиеся волшебством и заклинаниями, ценили его куда больше за его борьбу с дьяволом, особенно в канун праздника середины лета, когда запертая дверь представляла слишком хрупкую защиту от двойников и высвобождались злые духи. В такие ночи мудрая хозяйка вешала фенхель над дверью, чтобы отогнать ведьм, и вставляла в замочную скважину, чтобы не впустить духов.

В те времена, когда бессмертные боги спускались на землю и жили среди людей, кентавр Хирон, обучавшийся медицинскому искусству у Аполлона, обнаружил невероятные секреты многих трав. Одна из них, ставшая после него известной под названием растения кентавра, в руках подобных ему целителей обладала способностью предотвращать адские чары. Однако погруженная в кровь чибиса и смешанная с маслом, эта трава могла обладать волшебными свойствами. Чародеи ут-

Клевер и ползучая лапчатка, растение кентавра и горлец

занимали свое место в гирлянде трав и диких цветов, использовавшихся для того, чтобы отгонять ведьм и злых духов.

верждали, что если дозу такого яда сжечь в пламени лампы, то все, кто попадут в круг ее света, будут считать себя ведьмами.

Имя, данное мудрыми людьми другому растению, анжелика (*Angelica archangelika*), среди ученых мужей означало его связь со Святым Михаилом, архангелом, ведущим небесное сражение с Сатаной. Благодаря способности своего тезки отгонять дьявола анжелика также служила мощным средством против демонов и других опасностей. Если ее собирали в строгом соответствии со старинными предписаниями точно в тот момент, когда Солнце находилось в созвездии Льва, то она обладала способностью отгонять чуму и бури. Еще одним обязательным составляющим многих защитных амулетов был розмарин, обладавший способностью защитить как от телесных, так и от душевных страданий. Его ценность была настолько велика, что выращивать его могли только праведные люди. Пахнущая хвоей травинка защищала того, кто ее носил, от злых духов днем и от кошмаров ночью. У любого человека, опасавшегося, что среди гостей за его столом может оказаться отравитель, хватало ума есть ложкой, вырезанной из черенка розмарина, так как его древесина очищала отравленную пищу. Многие

травы и цветы могли защищать добродетельных людей от злосчастий, насылаемых ведьмами и феями. Фермеры и пастухи, пасшие овец, считали, что особую защиту обеспечивают им пионы, так как еще в Древней Греции полагали, что эти цветы могут отгонять ночных духов благодаря тому, что светятся в темноте. Пастухи вешали на рога коров гирлянды из болотных лютиков, чтобы защитить их от колдовства, а родители надевали венки из маргариток на шею детям, чтобы эльфы, похищающие детей, оставили их в покое.

Не все растения оказывали благотворное действие. Некоторые из них можно было использовать скорее для того, чтобы усилить волшебство, а не защититься от него. Так, говорили, что петрушка кудрявая цветет только в садах преступников или грешников. И даже там она росла очень медленно: ее корни должны были девять раз опуститься в подземный мир перед тем, как растение даст побеги, наполненные дьявольским злом. Дурное влияние базилика было настолько сильным, что его листья источали смертоносный запах. Щитовник и папоротник также были весьма полезны людям, занимающимся магией. Проклятый Святым Патриком, он не мог цвести, но зато его тонкие стебли обладали способностью делать чародея невидимым.

Однако сами по себе такие травы обладали сравнительно небольшой силой. Чародеи увеличивали их магический эффект с помощью других веществ. Отвару из трав часто передавали свою силу кровь, кожа или кости животных.

Во время процесса над одним колдуном,

суда над которым потребовали испуганные горожане, вещественным доказательством служил его ведьмин мешок, содержащий когти медведя, кошачьи уши, щетину дикобраза, зубы крота и кости мышей. Некоторые из самых сильных мазей и притираний должны были содержать компоненты, взятые из могил, — человеческую кровь, мозг и плоть. Эффективность этих составляющих особо увеличивалась в том случае, если они были взяты от некрещеных детей, на которых еще лежала вина за грехопадение Адама, и от повешенных преступников из-за запятнавшего их позора. Для своих грязных целей ведьмы разыскивали одинокие деревенские виселицы и незащищенные детские кроватки.

Жир, взятый с тела преступника, использовался в самых различных целях. После длительного кипячения ведьма могла превратить его в сало для свечей. Свечи, изготовленные из него, обладали способностью помогать в поиске спрятых сокровищ.

В фармакопее чародеев существовало множество мазей, которые воздействовали на человеческий глаз, окно души человека. С течением времени на земле появилось больше живых созданий, чем способен был увидеть глаз, но определенные тайные целебные мази обостряли зрение и позволяли человеку проникнуть в царство волшебства. Одной из девушек, непроизвольно заглянувшей в это царство, стала Черри Зеннор из Корнуолла.

Отец Черри был простым рыбаком, единственное достояние которого составлял целый выводок прекрасных детишек. Черри была самой юной, прелестным ребенком, бегавшим по берегу босиком и в платьях, из которых выросли ее старшие сестры. По мере взросления

она начала замечать, что у других девушек появляются новые платья и ленточки для волос, и ей стало мало тех простых радостей жизни, которые мог предоставить ей домик отца на берегу моря. Мать умоляла ее остаться, но гордая Черри решила отправиться туда, где жили богатые фермеры, у которых на ужин вместо ракушек готовили бифштексы.

Однажды утром она пошла в местечко, известное под названием Леди Даунс. Первые шаги ее были легкими и быстрыми, но после долгих часов пути она устала и присела на перекрестке отдохнуть. Вокруг, насколько видел глаз, простиралась равнина. Только она прикрыла глаза, как из пустоты раздался голос, обращавшийся к ней. Черри вскочила на ноги. На нее добрыми глазами смотрел мужчина; Черри сразу поняла по блестящим башмакам и дорогому плащу, что это джентльмен. Она в почтительном молчании сделала реверанс, хотя ей очень хотелось спросить, как он смог появиться так неожиданно. Джентльмен поинтересовался, куда Черри направляется, и, когда она ему рассказала, улыбнулся. Именно сегодня он отправился в путь, чтобы найти девушку, которая могла бы присматривать за домом, — сам он был вдовцом, и его юный сын нуждался в уходе. Обязанности Черри в его удобном доме с теплым очагом и богатой кладовой будут весьма просты. Выслушав все это, девушка кивнула и сказала: «Да, сэр», — как учила ее мать. Они шли и шли, пока не остановились перед воротами в высокой каменной стене. Странно, но Черри чувствовала себя совершенно неуставшей.

Они вместе вошли в ворота и оказались в саду, чудеснее которого Черри никогда не видела и даже не могла себе представить. Словно шелковый ковер, у ее ног распускались цветы все-

По ночам ведьмы бродили по дорогам в поисках виселиц, так как плоть висельников была важной составляющей различных злодейских снадобий.

возможных оттенков. Вдоль стены шпалерами стояли фруктовые деревья, протягивая ветки, тяжелые от спелых яблок, груш и слив. Казалось, что растения в этом саду не знают времен года, весенние цветы и фрукты росли рядом с летними и осенними плодами.

Джентльмен, который теперь стал хозяином Черри, открыл перед ней дверь, и она даже покраснела, пораженная его любезностью. Войдя в прекрасный холл, он позвал своего сына. Мальчику было не более трех лет, и тем не менее он встретил дружескую улыбку Черри холодным пронзительным взглядом.

Хозяин описал ей ее обязанности и доступные для нее удовольствия. Она должна была спать в комнате ребенка, готовить еду и присматривать за ним, а также ухаживать за садом, пока он будет играть. Как сказал хозяин, правил будет немного, но их следует строго соблюдать. Ночью она никогда не должна открывать глаз. Она никогда не должна заглядывать в другие комнаты, двери которых будут всегда закрыты. И что самое главное, каждое утро ей предстоит смазывать мальчику глаза специальной мазью, но эта мазь никогда не должна касаться ее собственных глаз.

На следующий день Черри приступила к работе. Она купала мальчика

в ручье, протекавшем в нижней части сада. Неподалеку в расщелине скалы, там, где подсказал хозяин, она нашла ларец, высеченный из прозрачного, как лед, кристалла. Когда она открыла ларец, от находившейся там ярко-зеленой мази исходил слабый горьковатый запах. Мальчик крутился и извивался у нее в руках, пока она не коснулась мазью его глаз. Тут он тотчас затих и уставился куда-то в пустоту. Всю оставшуюся часть дня он ее практически не замечал, погруженный в свои игры, а она работала в саду.

Спустя несколько недель Черри освоилась с работой по дому и все больше времени проводила в саду. Хозяин тоже часто выходил туда, пользуясь случаем, чтобы вознаградить свою прелестную служанку поцелуем. Каждый день она купала мальчика и касалась его глаз мазью, а затем с изумлением наблюдала, какой сильный эффект это производило. Ее начинало мучить любопытство.

Наконец она не смогла его больше сдерживать. Мальчик после купания куда-то ушел. Черри намеренно замешкалась перед тем, как спрятать ящичек на место. Убедившись, что осталась од-

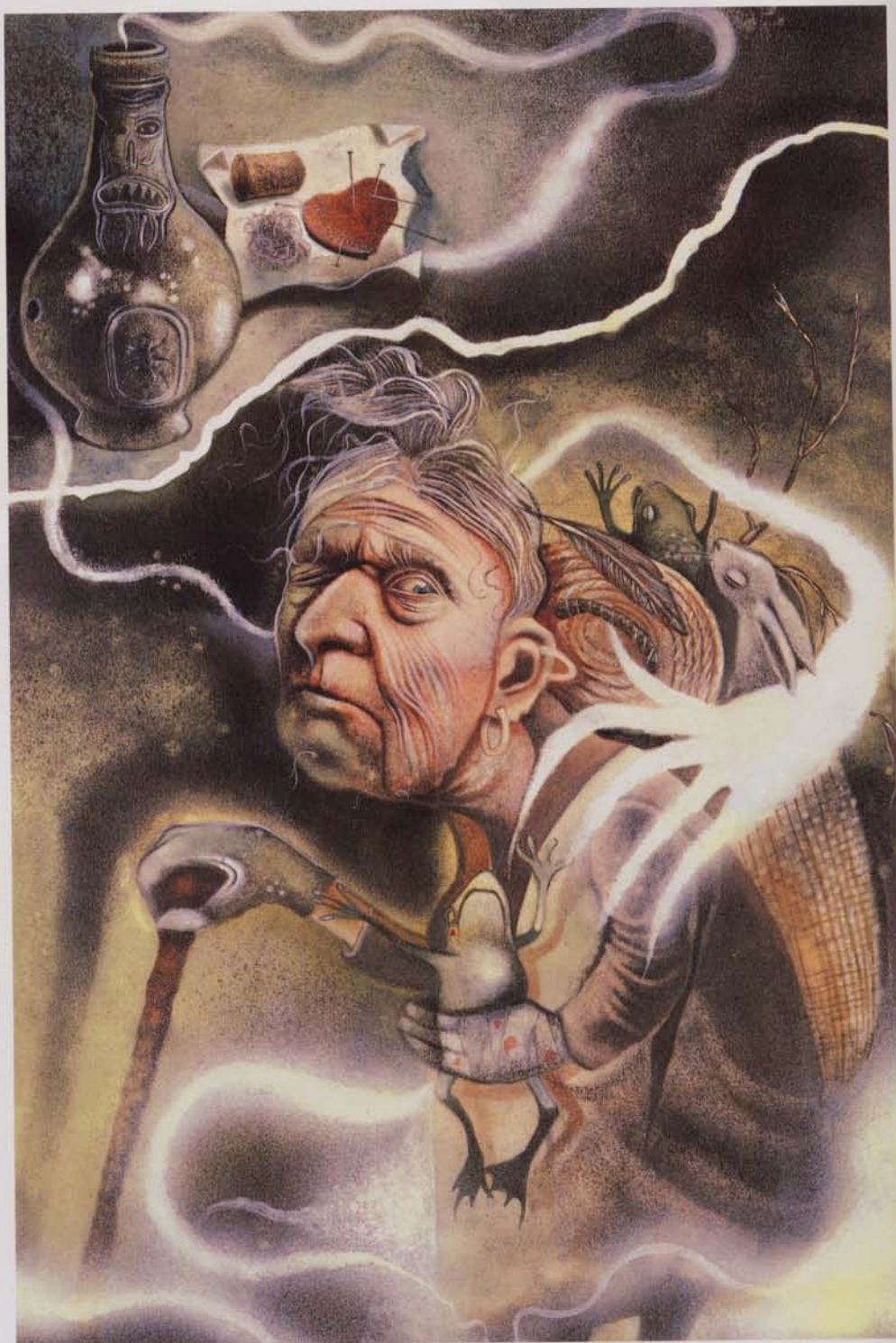

Коснувшись запретной мазью
своих глаз, юная девушка обна-
ружила скрытый мир эльфов.

Смертельное противоядие

Причины тяжких заболеваний и изнурительных болезней были неизвестны, и люди, ими страдавшие, обвиняли в этом колдовство недоброжелателей и обращались за советом к доброму чародею. Ворожба позволяла установить, что причина страданий пациента — заклинания коварной ведьмы, действовавшей либо просто по злобе, либо мстя за выказанное ей невнимание или пренебрежение.

Если причина была магической, то таким же должно было быть и лечение. Чародей наполнял кувшин для воды — сосуд с узким горлышком лучше всего подходил для этой цели — смесью из крови, волос, обрезков ногтей и мочи пациента. Иногда чародей добавлял булавки, спутанные в клубок нитки и сердце какого-нибудь маленького животного. Эта ужасная смесь где-то на исходе ночи медленно доводилась до кипения на огне кухонного очага, при этом чародей читал молитву «Отче наш» задом наперед, сначала медленно, а потом быстрее по мере того, как жидкость начинала булькать и испускать отвратительный запах. Предполагалось, что по мере того, как в вареве станут подниматься пузырьки, находящуюся на большом расстоянии ведьму или колдуна схватят ужасные судороги. И если чародей не смягчится, то враг наверняка умрет.

на, она опустила палец в мазь и коснулась им своих глаз. Жгучая боль пронзила ее, и она бросилась к ручью. Только много раз промыв глаза, она почувствовала, что сможет открыть их без боли. И тогда, помимо мягких пузырьков на поверхности ручья, она увидела крошечных человечков, эльфов-мужчин и женщин — величиною с наперсток. Черри наклонилась к воде и стала наблюдать, как эльфы танцуют и кружатся в глубине. Женщины столпились вокруг одного мужчины, целуя и лаская его. Черри всмотрелась в крохотную фигурку — и узнала своего хозяина.

Она отвернулась, глаза ее наполнились слезами ярости. Она жила вместе с эльфами, вредными и испорченными созданиями. Джентльмен, который казался ей таким значительным, чью доброту и поцелуи она принимала с такой радостью, был вовсе не человеком, а существом столь же неуловимым, как роса или лунный свет.

Черри бросилась к дому. Повсюду вокруг себя в траве, на цветах и в верхушках деревьев она видела прыгающих и проказничающих эльфов. Она захлопнула за собой кухонную дверь и бросилась к очагу. Наступил вечер, и, как всегда, появился ее хозяин в обычном человеческом облике. Когда он наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку, она ударила его и закричала, что он должен приберечь свои нежности для девушек-эльфов, которым они так нравятся.

Джентльмен-эльф тотчас понял, что она сделала, и отступил назад, печально покачив головой. Он не мог больше держать девушку-служанку, чье любопытство превысило ее послушание. На следующее утро он отвел ее на тот же перекресток, где с ней встретился, и там ее оставил. Черри благополучно вернулась домой. Однако, как все смертные,

кому довелось бросить взгляд на королевство эльфов, с тех пор она жила с постоянным желанием увидеть его еще раз.

Мазь, которой воспользовалась Черри, позволила ей взглянуть на королевство, обычно невидимое для смертных, но существовали и другие снадобья, которые обладали противоположным действием. Иногда они могли делать так, что их жертвы переставали видеть определенные сцены, разворачивавшиеся перед их глазами. И, что пугало еще больше, они позволяли человеку, ими пользующемуся, углублять свое зрение таким образом, что ему становилась видна истинная реальность, скрытая под неким внешним обликом. В выстроенном высоко в Карпатах замке пара смелых разбойников обнаружила, как опасна такая мазь.

В Карпатах жил предводитель разбойников по имени Добош. Он собрал отряд из людей, которые не боялись бросить вызов мадьярским помещикам. Скрывались они в горах. Именно там он однажды услышал стук в дверь и, открыв ее, увидел на пороге одетого во все черное человека с гладко прилизанными волосами, который заявил, что является посланцем самого влиятельного помещика в округе. Воевода выказал желание после многолетней вражды и кровопролития заключить мир с Добошем. Вечером он устраивал роскошный бал в своем замке и надеялся, что разбойник станет его почетным гостем.

Любой нормальный человек побоялся бы попасть в западню и отклонил приглашение, но Добош пренебрег осторожностью. Он согласился отправиться в замок вместе со своим преданным другом Иванчуком. Надев шляпы с перьями, оба взобрались в повоз-

Окна в таинственный мир

Дразня своей близостью, королевство эльфов располагалось где-то рядом с человеком. Его обитатели порхали на лесных полянах и среди луговых цветов, а смертные мужчины и женщины проходили мимо, не видя их. Но существовали люди, которые знали, как проникнуть в их королевство. Они тайно усиливали свое зрение, смазывая глаза волшебной мазью. Готовили ее из трав, выдержанных в масле.

Обычное масло превращалось в волшебное путем смешивания его с водой, настоянной на розах и ноготках, после этого оно теряло золотистый цвет и становилось белым. Смесь затем помещали в пузырек с почками штокроз, ноготков, орешника и чабреца и травой, собранной на тех склонах холмов, которые были известны как любимые места прогулок эльфов. Выдержанная три дня на солнце мазь использовалась для усиления зрения людей.

ку и вместе с посланцем тронулись в путь.

Несколько часов спустя они добрались до замка, расположенного на высокой скале. Когда Добош поднимался по ступеням, музыканты затрубили в трубы и ударили в барабаны. Распахнулись бесчисленные двери, и он вошел в зал, освещенный тысячами свечей. Лакеи, одетые точно так же, как посланец воеводы, в черные сюртуки, сгрудились возле разбойников, улыбаясь и кланяясь.

Добош отстранил их и присоединился к гостям. Хотя те и были разодеты в шелка и увешаны драгоценностями, тем не менее они показались ему весьма болезненными созданиями. Бледные и худые, господа чопорно стояли позади своих дам, причем ни один из мужчин не доставал Добошу до плеча. Когда он обращался к ним, они вежливо отвечали, но в зале не было ни улыбок, ни разговоров.

Добош уже отчаялся найти хоть какое-то развлечение, когда вдруг к нему устремился посланец, за которым возвышалась внушительная фигура самого воеводы. Когда тот подошел и поклонился разбойнику, гости и лакеи молча столпились вокруг. Иванчук ощутил, что сейчас-то, возможно, все и начнется, и действительно, когда знатный вельможа заговорил, не похоже было, что говорит он своими словами. Нервно поглядывая на своего посланца, он сказал, что надеется, что Добош будет чувствовать себя в его замке как дома. Когда разбойник в ответ на эту вежливую тираду кивнул, воевода добавил: «Не только сегодня, но и всегда». После этого он протянул Добошу кольцо с золотыми ключами.

Добош с Иванчуком изумленно уставились друг на друга. Заметив их удивление, воевода пояснил, что у него нет

наследников и что Добош известен своей репутацией достойного человека. Ему достаточно всего лишь принять ключи, и замок станет его собственностью.

Добош оглядел зал с высокими окнами, поднимавшимися к украшенному фресками потолку, и сверкающим полом, отражавшим свет многочисленных канделябров. Такой замок не мог быть ни твердыней воина, ни жилищем простого человека. Тут он снова повернулся к воеводе: «Это слишком высокая честь для меня. Если воевода хочет отдать свой замок, будет лучше, если он превратит его в собор и посвятит его славе Господней».

Когда в зале прозвучали последние слова Добоша, то, казалось, у толпы благородных гостей, слуг и музыкантов подкосились ноги. Воевода покачулся и рухнул на пол. Лакеи упали на четвереньки, языки их вывалились изо ртов. Добош наклонился, чтобы помочь хозяину подняться. Иванчук внимательно наблюдал за слугами. Те, с трудом передвигая ноги, потащились в дальний конец зала, где находился богато украшенный бассейн, и принялись зачерпывать из него маслянистую жидкость и смазывать ею глаза. После этого они тут же поднимались на ноги и возвращались к своим обязанностям. Посланец воеводы смазал глаза потрясенному хозяину, и тот вскочил на ноги.

Вскоре все стало как прежде. Пользуясь суматохой, Иванчук незамеченным проскользнул к бассейну и обмакнул палец в жидкость. Коснувшись снадобьем правого глаза, он тотчас почувствовал, что зал вокруг него исчезает. Его захлестнуло головокружительное море форм, цветов и звуков; а когда он дотронулся до второго глаза, все тут же замерло. Единственным звуком остался вой ночного ветра. Иванчук оказался среди развалин разрушенного замка, ос-

Храброго разбойника Дороша пригласили на бал.

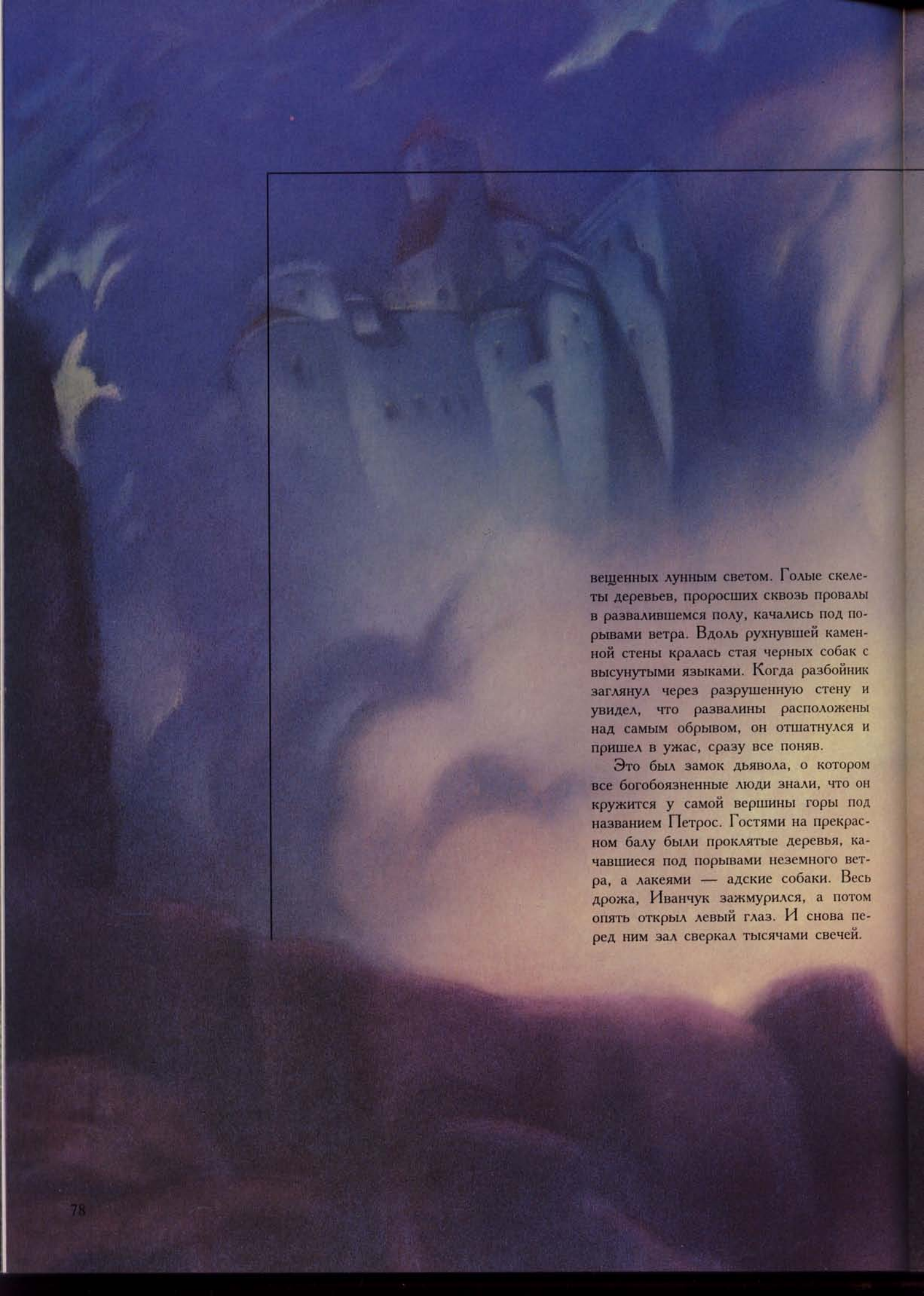
Когда он приехал, то был поражен тем, что ему предложили ключи от замка, в котором проходил бал.

Мавь открыла глаза соратнику Добоша, и
он понял, что гости на балу на самом деле
— голые деревья и рычащие собаки.

вещенных лунным светом. Голые скелеты деревьев, проросших сквозь провалы в развалившемся полу, качались под порывами ветра. Вдоль рухнувшей каменной стены кралась стая черных собак с высунутыми языками. Когда разбойник заглянул через разрушенную стену и увидел, что развалины расположены над самым обрывом, он отшатнулся и пришел в ужас, сразу все поняв.

Это был замок дьявола, о котором все богобоязненные люди знали, что он кружится у самой вершины горы под названием Петрос. Гостями на прекрасном балу были проклятые деревья, качавшиеся под порывами неземного ветра, а лакеями — адские собаки. Весь дрожа, Иванчук зажмурился, а потом опять открыл левый глаз. И снова перед ним зал сверкал тысячами свечей.

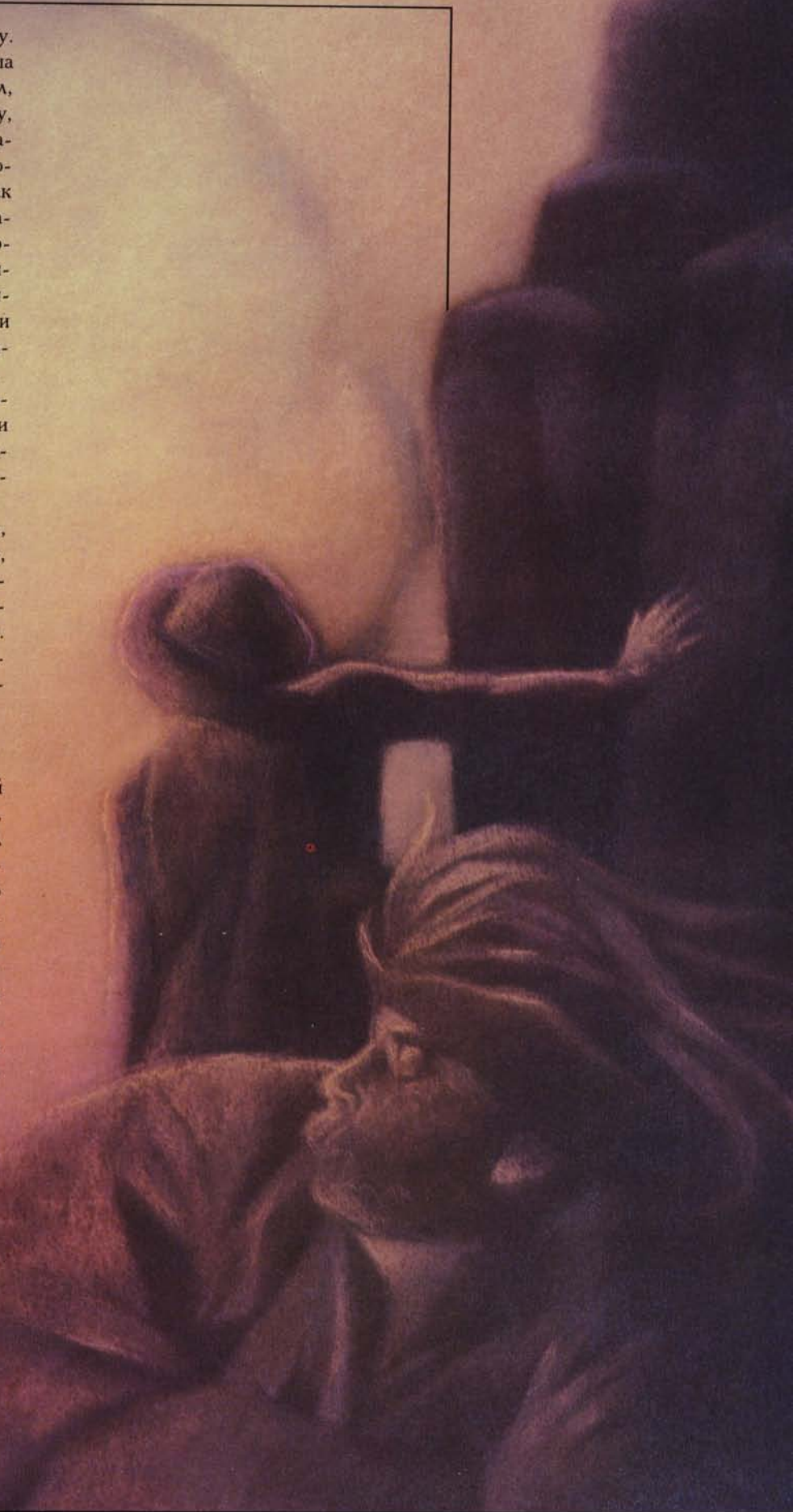
Избежав приготовленной для них западни, два разбойника увидели, оглянувшись, как замок кружится вокруг вершины горы.

Иванчук бросился к своему другу. Воевода по-прежнему убеждал Добоша изменить свое решение. Иванчук понял, что Добош продаст свою душу дьяволу, если примет ключи, которые ему предлагал сам Князь Тьмы. Он шепнул Добошу, что они в опасности и следует как можно скорее бежать отсюда. Хотя атаман разбойников и не видел особой угрозы от изнеженных аристократов, но прислушался к словам друга. Они направились к выходу. Лакеи с прилизанными черными волосами, чьи улыбки превратились в рычание, сгрудились вокруг них.

«Пусть Господь всех вас покарает!» — закричал на них Иванчук. При звуке этого священного имени все снова попадали на пол и поползли к бассейну.

Разбойники вырвались из замка и, прыгая по валунам, помчались к лесу, где могли чувствовать себя в безопасности. Переведя дыхание, Иванчук рассказал Добошу всю правду о замке. Атаман разбойников удивленно и недоверчиво покачал головой, так как не видел ни дьявола, ни собак.

Иванчук промыл свой правый глаз в первом же горном ручье, который им попался, и потом промывал его во всех ручьях, которые им встречались на долгом пути домой. Однако мазь не смывалась. И даже много позже достаточно ему было прищурить один глаз, как он тотчас замечал дьявола, пробирающегося через толпу или притаившегося в углу. Будучи осторожным с самого рождения, Иванчук стал еще осмотрительнее, опасаясь происков дьявола.

Глава пятая

Магическая сила камней

Камни, драгоценные или редкие самоцветы, энергию которых можно было использовать для колдовства, находили в тайных местах на земле или создавали с помощью демонов, богов и чародеев.

Чтобы обнаружить энергию, заключенную в скромном камне, и ее использовать, нужны были искусство и знание. Например, было известно, что магнитный железняк обладает сверхъестественной силой, притягивающей железо, и те, кто копался в остатках магических знаний, могли использовать сверхъестественную силу его притяжения, чтобы свести вместе влюбленных, разлученных каким-то несчастьем. Более искушенные люди полагали, что в камне заключена живая душа, и рассказывали, как ее эманации срывают подковы с копыт лошадей, вырывают гвозди и даже заставляют подняться статуи. Но еще более мудрые маги шли дальше и хранили в тайне свои секреты.

В опытных руках и с помощью надлежащих заклинаний магнитный железняк мог излечивать безумие, воскрешать души умерших, зажигать огонь в воде и даже облегчать боли при родах. Существовали способы, позволявшие вновь усилить его действие, если оно почему-то ослабевало. Иной раз было достаточно окунуть его в драгоценное льняное масло и закопать в землю. Но маг-

Прочнее железа, тверже гранита, драгоценный камень Шамир был скрыт от глаз человека, и лишь куропатка знала, где он находится. Но царь Соломон, величайший из всех магов и чародеев на свете, заключил ее птенцов в стеклянный ящик и держал там до тех пор, пока она не принесла ему Шамир, чтобы их освободить.

нитный железняк был живым созданием и должен был питаться либо железными опилками, либо, если это не помогало, кровью.

Некоторые талисманы находили не в земле, а в организме того или иного животного. В головах некоторых пресмыкающихся чародеи время от времени находили погруженные в их маленький мозг камни, обладавшие поразительной силой. У черепахи можно было обнаружить волшебный голыш, обладавший способностью гасить пламя. Европейские ведьмы охотились за лягушками и жабами, в чьих черепах часто обнаруживались обладающие чудодейственной силой жемчужины.

Другие в поисках оккультных сокровищ смотрели на небо. Безрассудно храбрый чародей мог надеяться найти в гнезде орла алый камень, который обещал своему владельцу богатство и защиту от козней дьявола. Обработанный соответствующим образом, этот камень мог даже указывать вора, но его потеря становилась тяжелым ударом для орлов, которые без его помощи не могли выводить птенцов.

Птицы сыграли важную роль в поисках самого замечательного камня — легендарного Шамира. Согласно легендам древних евреев, Шамир был одним из чудес Творения; будучи размером с ячменное зерно, он мог разрушать железо и, словно нож сквозь масло, проходить сквозь камень. Некоторые утверждали, что им пользовался Моисей, когда нужно было вырезать священные надписи на камне в тех местах, где Закон запрещал пользоваться металлом, но все соглашались, что он был безвозвратно утерян после смерти патриарха.

Это несчастье особенно тяжело переживали в те дни, когда Соломон сооружал свой храм, прославивший его правление. Священнослужители напоминали царю, что самые большие каменные плиты храма не могут быть на законных основани-

ях вырублены с помощью такого низменного материала, как железо. Они говорили о Шамире, но добавляли при этом, что тот исчез много веков назад и сейчас находится за пределами досягаемости для смертных. Однако царь Соломон мог совершить недоступное простым смертным, ведь он был не только царем Израиля, известным как мудрейший человек своего времени, но и слыл величайшим чародеем и волшебником. Собрав всю свою энергию, он заставил князя демонов, самого Асмодея, открыть ему тайну. Даже Соломону нелегко было подчинить Асмодея своей воле, но в конце концов дело было сделано.

— Что ты хочешь от меня, могущественный царь? — проворчал демон.

— От тебя ничего, — остроумно ответил Соломон. — Но для храма мне нужен Шамир.

— Тогда спроси у куропатки, — насмешливо ухмыльнулся демон. — Она им раскалывает голые скалы и создает в них расщелины, где могли бы расти трава и деревья.

Царь поймал демона на слове и послал слуг на поиск гнезда куропатки. Найдя гнездо, они обнаружили, что там полно птенцов. Здесь царь и воспользовался своей легендарной мудростью. Он накрыл гнездо стеклянным колпаком. Когда куропатка вернулась, она просто обезумела, ибо видела своих птенцов, но не могла до них добраться. Тогда она улетела и вернулась с Шамиром в клюве. Когда она коснулась камнем колпака, стекло рассыпалось. Слуга схватил камень, и желание Соломона осуществилось.

С помощью Шамира золотисто-розовый известняк, который был выбран для строительства храма, без всяких усилий смогли разрезать на идеально

ровные плиты. Но придание нужной формы плитам для строительства храма стало лишь одной из задач, выполненной с помощью камня. Шамир сыграл свою роль и в создании печати Соломона, о которой известно, что она была самым могущественным из всех драгоценных камней, обладавших магической силой. Эта печать представляла собой кольцо с печаткой и гарантировала Соломону власть над демонами, джиннами и другими духами и позволяла ему разговаривать с птицами и животными. Без нее он был бы не более могуществен, чем любой простой смертный, по крайней мере, некоторые так считали.

Из-за своего могущества царь стал слишком самонадеян и горд, и потому Бог, решив наказать его, забрал кольцо и выбросил в море. Три года Соломон бродил по своему царству, как последний нищий, потому что демон присвоил себе его образ и трон. Только когда Бог смилостивился и кольцо вернулось назад в животе рыбы, униженный монарх смог вернуть себе прежнюю славу и величие. Но вскоре после этого Шамир исчез вновь.

О нем никогда не забывали, но позднее, в менее благословенные годы, никто точно не мог вспомнить, каким на самом деле был этот камень. Это был алмаз, говорили некоторые, те, кто знал о чистоте и твердости этого драгоценного камня; нет, это был корунд, говорили другие, разыскивавшие его имя в инкунабулах (инкунабулы — первопечатные книги, изданные до 1500 года. — *Примеч. пер.*), пыльных выцветших пергаментов и хрупких от древности папирусах давно исчезнувшего мира. Некоторые мудрецы, изучившие все источники, утверждали, что Шамир был вовсе и не камень, а крошечный червь,

чьи маленькие несокрушимые челюсти разгрызали по желанию его хозяина кристаллы, скалы и сталь.

Что же касается печати Соломона, то существовали различные версии ее происхождения. Считалось, что кольцо с печатью было изготовлено из сплава серебра и меди или из железа. Говорили, что на нем были выгравированы пятиугольники и слова заклинаний на древнем финикийском языке, а также, что на печати были изображены звезды, а вокруг звезд были надписи на иврите. При таком множестве различных описаний восстановление внешнего вида кольца представляло совершенно невыполнимую задачу, хотя многие поколения магов и волшебников не отказывались от попыток это сделать.

Даже если печать Соломона навсегда исчезла, все равно многого можно было добиться с помощью «обычных» драгоценных и полудрагоценных камней, и гранильщики, которые шлифовали и продавали драгоценности, часто сопровождали камни подробными описаниями их свойств. Многие камни были тесно связаны с планетами и знаками зодиака, и ими следовало пользоваться и носить под руководством опытного астролога. Но даже если не вести речь о небесных связях, нужно сказать, что некоторые драгоценные камни оказывали влияние на здоровье и благосостояние своих владельцев.

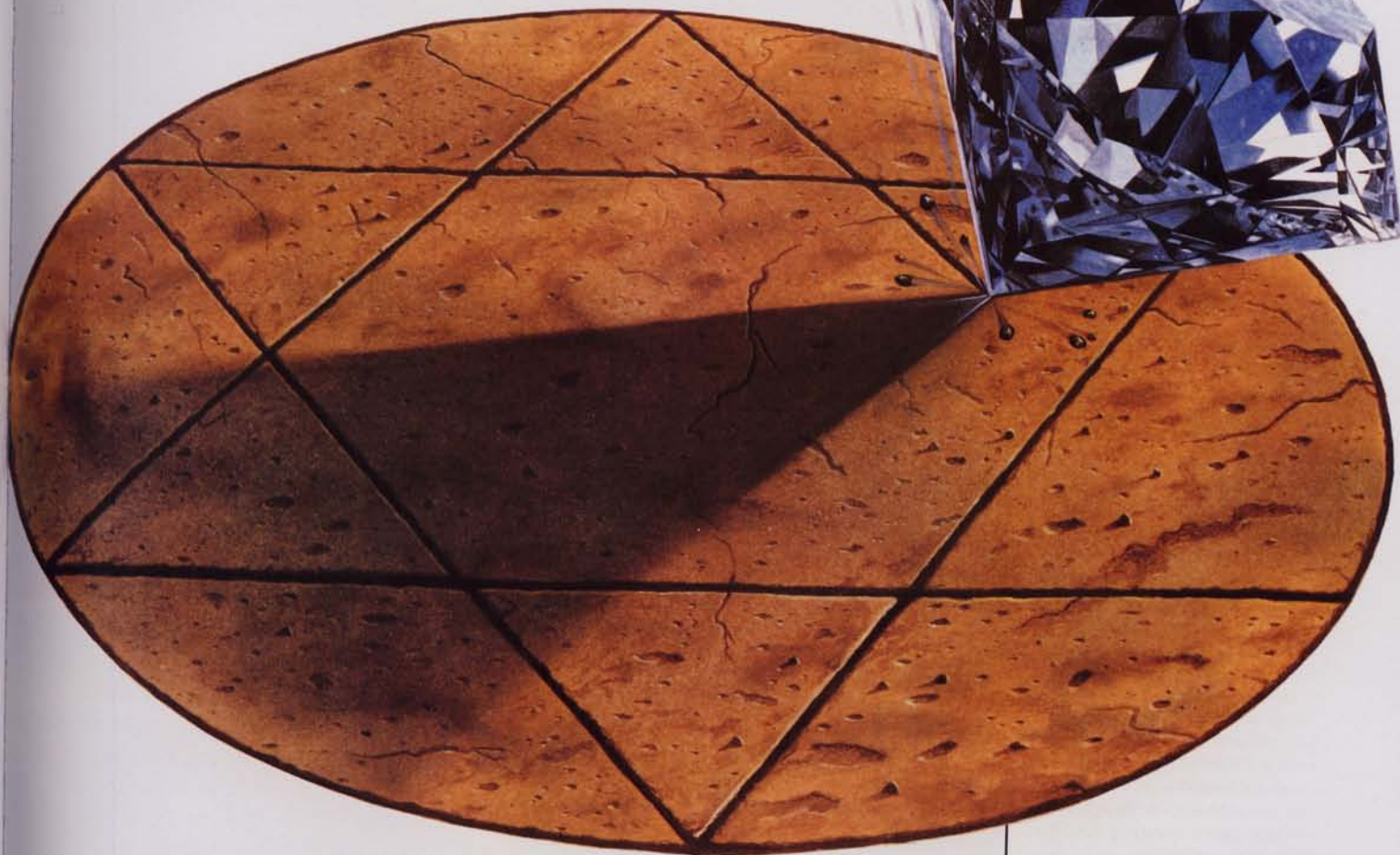
Королем среди них был, конечно, алмаз, сверкающий и излечивающий все болезни, особенно психические заболевания. Будучи символом божественного начала, он защищал своего владельца от чумы и невидимых недоброжелателей, темнел, чтобы предупредить о наличии яда в аппетитно выглядевшей пище. Трусливым и малодушным он помогал избавиться от ночных кошмаров, а смелым предвещал силу и победу.

Рубин, так же, как и алмаз, должен был предохранять от чумы, других эпидемий и яда и, хотя и не мог сравниться с алмазом по своей целебной силе, но обладал одним, присущим только ему важным свойством. Когда надвигалась опасность, рубин мог менять свой цвет, предупреждая тем самым владельца.

Другие драгоценные камни также меняли свой цвет, иной раз в силу весьма специфических причин. Опал, как правило, приносил владельцу счастье, а в некоторых случаях помогал предсказывать будущее. Но потеря им своего блеска была надежным предвестником болезни. Одна из разновидностей гра-

натов, известная под названием карбункула, особенно ценилась во время эпидемий чумы. Когда зараженный человек, ставший жертвой чумы, проходил мимо владельца карбункула, темно-красный драгоценный камень бледнел, предупреждая об опасности.

Сапфиры и лазуриты — даже самые древние авторитеты иногда их путали — никогда не меняли своего голубого цвета, но считалось, что они способны ослаблять боль. Вода, в которую погружались эти драгоценные камни, была полезна при болезнях глаз, браслет из ляпис-лазури защищал

Так как жрецы запретили царю Соломону использовать при обработке плит для храма низменный металл, он воспользовался магическим камнем Шамир.

Космические связи

Между небесными телами и земным миром протянулась паутина связей и взаимодействий, которую активно используют специалисты таинственных наук. Солнце, Луна, Юпитер, Марс, Меркурий, Сатурн и Венера были связаны со знаками Зодиака. Кроме того, каждая планета управляла определенным искусством и днем недели, так же, как определенным цветом, камнем и драгоценным металлом.

Солнце управляло воскресеньем, и его ослепительный свет в какой-то степени отражался в его талисманах — золоте, алмазе и топазах. Этот день был очень хорош для приумножения богатства и приобретения влиятельных друзей. Бледная Луна управляла понедельником и судьбами путешественников по морю; если они носили белые одежды и украшения из серебра и жемчуга, то могли надеяться на благополучный исход путешествия. Марс с его красным светом посылал воинов в битву по вторникам, и для него были свойственны признаки бога войны: железо и кроваво-красный рубин. Легконогий Меркурий, посланец богов, помогал торговле. Покровитель среды, он любил ртуть, мягкие серые тона и мерцающие опалы.

В четверг Юпитер, облаченный в королевские голубые одежды, покровительствовал здоровью смертных, его эмблемами были олово и аметист. Большая любительница удовольствий Венера одарила своей благосклонностью пятницу, способствуя счастью в любви тех, кто носил ее амулеты, зеленые тона молодой растительности, изумруды и сверкающую медь. Мрачный Сатурн передал свою власть свинцу и ониксу. Стабильность далекой и неколебимой планеты обеспечивала успех строительных работ, начатых в субботу, но темная сторона планеты увеличивала вероятность различных несправедливостей и обид.

Маги и волшебники использовали знание астрологических связей для усиления своих заклинаний. Так, например, они могли придать дополнительную силу любовному напитку, приготовив его в медном горшке на зеленой скатерти в пятницу. Тогда можно было гарантировать, что Венера окажет благосклонное внимание их работе.

Ветви розоватых известковых кораллов, собранных на морском дне, отгоняли демонов, снимали тошноту и недомогание, отвращали ночные кошмары и защищали от злого глаза.

ребенка от болезней, а сапфир оберегал девственность.

Изумруд также мог излечивать болезни глаз. Но когда его использовали для защиты от змей, его действие имело противоположный эффект: он ослеплял змей. Он, так же как и сапфир, влиял на целомудрие и в общем случае способствовал любви и пониманию. Изумруд также предотвращал эпилептические припадки.

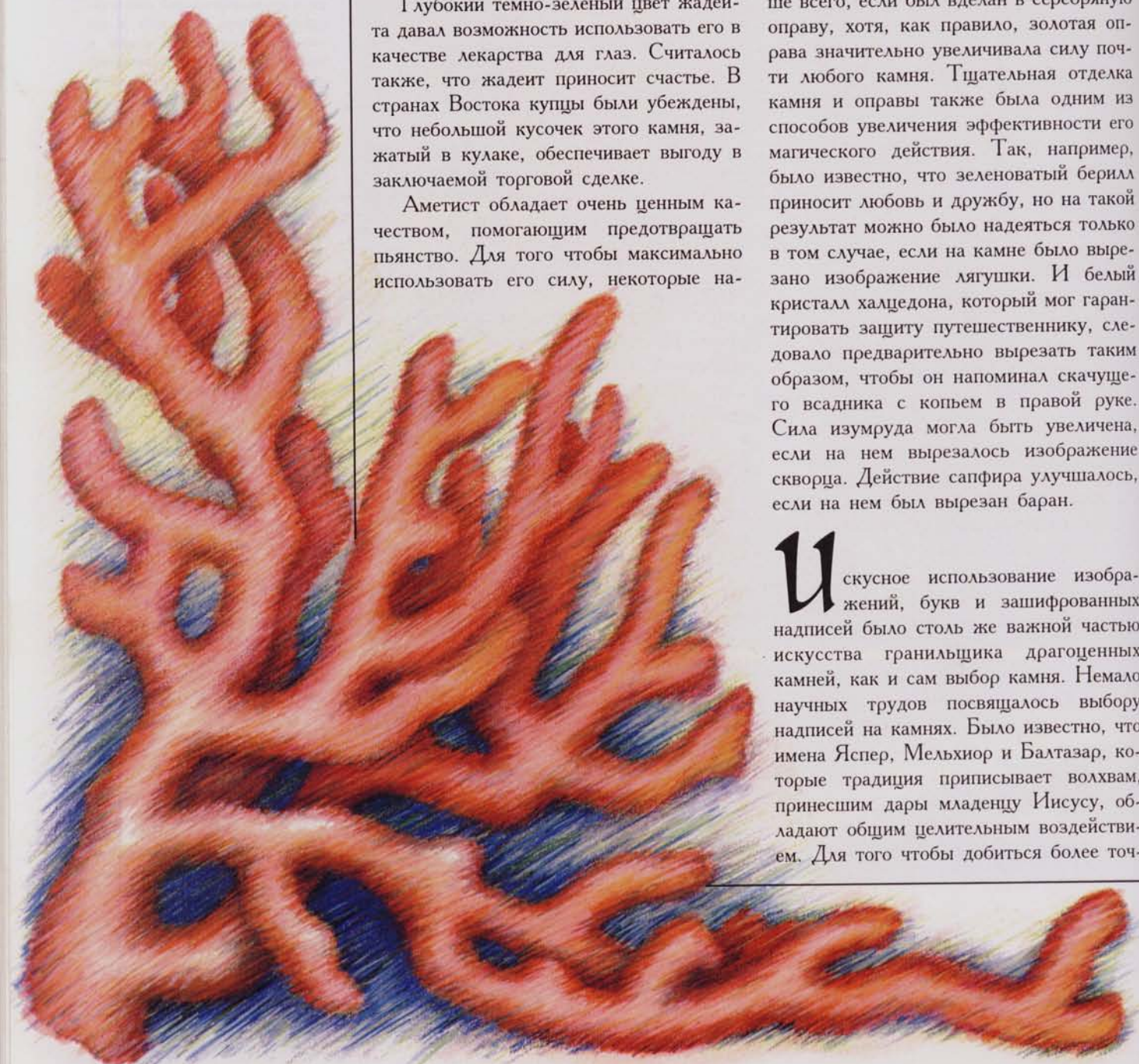
Глубокий темно-зеленый цвет жадеита давал возможность использовать его в качестве лекарства для глаз. Считалось также, что жадеит приносит счастье. В странах Востока купцы были убеждены, что небольшой кусочек этого камня, зажатый в кулаке, обеспечивает выгоду в заключаемой торговой сделке.

Аметист обладает очень ценным качеством, помогающим предотвращать пьянство. Для того чтобы максимально использовать его силу, некоторые на-

стаивали на том, что его следует носить в пупке, тогда как другие клялись, что его место под языком пьяницы. Епископы вставляли аметист в свои перстни — хотя делали это не столько из-за его отвлекающего действия, сколько из уважения к многолетней традиции, согласно которой этот камень считался камнем высших священнослужителей.

Большое значение имела оправа камня. Например, аметист действовал лучше всего, если был вделан в серебряную оправу, хотя, как правило, золотая оправа значительно увеличивала силу почти любого камня. Тщательная отделка камня и оправы также была одним из способов увеличения эффективности его магического действия. Так, например, было известно, что зеленоватый берилл приносит любовь и дружбу, но на такой результат можно было надеяться только в том случае, если на камне было вырезано изображение лягушки. И белый кристалл халцедона, который мог гарантировать защиту путешественнику, следовало предварительно вырезать таким образом, чтобы он напоминал скачущего всадника с копьем в правой руке. Сила изумруда могла быть увеличена, если на нем вырезалось изображение скворца. Действие сапфира улучшалось, если на нем был вырезан баран.

Искусное использование изображений, букв и зашифрованных надписей было столь же важной частью искусства гранильщика драгоценных камней, как и сам выбор камня. Немало научных трудов посвящалось выбору надписей на камнях. Было известно, что имена Яспер, Мельхиор и Балтазар, которые традиция приписывает волхвам, принесшим дары младенцу Иисусу, обладают общим целительным воздействием. Для того чтобы добиться более точ-

Эликсир жизни, превращенный в камень

Древние поэты утверждали, что когда деревья падают на землю, они плачут, и их слезы затвердевают и превращаются в янтарь. По мнению других, янтарь был чистым солнечным светом, превратившимся в камень. Полупрозрачные дымчатые глубины этого камня, казалось, поймали в ловушку свет давно минувших дней. Иногда в этом камне можно было обнаружить даже останки живых существ, растений и неизвестных насекомых. Потому не вызывает особого удивления то обстоятельство, что в течение многих веков янтарь надеялся мистической силой.

Иногда его использовали как лекарство. Измельченный и смешанный с медом, он укреплял зрение. Если добавлялось розовое масло, он улучшал слух и помогал против глухоты.

Другие медики предпочитали сохранять красоту камня и наслаждаться ею, используя его в качестве талисмана. Вделанные в ожерелья и браслеты, капли янтаря предохраняли их владельцев от множества болезней, от малярии до крупы. Говорили, что персидский царь носил ожерелье, изготовленное из янтаря, которое упало с неба во времена Пророка. Настолько велика была магическая сила этого украшения, что правитель не боялся никаких опасностей до тех пор, пока находился под его защитой.

ного действия — помочь в любви, защитить от происков ведьмы или просто для того, чтобы унять зубную боль, — следовало изучить древние тексты, посвященные пророчествам и магии.

Амулет мог иметь форму брошки, браслета или медальона. Хотя наибольшей популярностью пользовались кольца. Кольцо было компактным, его трудно было украсть — ведь оно становилось почти частью тела хозяина; по необходимости оно могло быть либо скромным, либо роскошным. Что лучше всего, надежно скрытое на внутренней поверхности кольца умело выбранное магическое заклинание могло делать свое дело втайне.

Увы, ни одно из более поздних колец не могло даже сравниться по силе и могуществу с утраченной великой печатью Соломона. Но, по крайней мере, про некоторые из них было известно, что они обладали чудодейственной силой. Конечно, они никогда не были обыкновенными кольцами и оставили след в легендах.

Таковым было кольцо принцессы Фрастрады. Она была прекрасной и хорошо образованной девушкой благородного происхождения, и при обычном ходе вещей у нее не возникло бы никакой надобности прибегать к помощи магии для поисков подходящего супруга. Но у нее были слишком высоко идущие устремления. Она решила стать супругой Карла Великого, короля Франции и императора Священной Римской империи Запада. В хрониках не сказано, каким образом она стала обладательницей магического кольца, может быть, оно досталось ей по наследству от кого-то из предков, занимавшихся тайными искусствами. Но с самого детства она знала свойства золотого кольца и пользовалась ими. Итак, Фрастрада добилась своего и стала женой Карла Великого. При обычных условиях все прошло бы

нормально, и, учитывая ее высокое происхождение и очарование, в этом не было ничего удивительного. Но Карл Великий был человеком уже не первой молодости, до нее у него уже было три жены. Приближенные предсказывали, что молодая жена ему скоро надоест.

Вместо этого страсть стареющего императора разгоралась все сильнее, как свет звезды. Ни ночью, ни днем он не чувствовал себя счастливым, если рядом не было его королевы. Ни он, ни его приближенные не подозревали, что дело в волшебстве, и некоторое время все шло нормально.

Но кольцо Фрастрады могло гарантировать ей только привязанность Карла, как это и задумывали его изготовители. Больше ни от чего оно ее не защищало, и когда еще во времена расцвета их любви она смертельно заболела, кольцо оказалось не в состоянии ее спасти. Она достигла намеченных в жизни целей и должна была бы умереть довольной, но одно больно ранило ее слабеющее сердце: мысль о том, что когда она уйдет, другая женщина сможет воспользоваться ее кольцом, чтобы завоевать любовь императора. Оставшись на какое-то время одна, она спрятала кольцо во рту, желая, чтобы его похоронили вместе с ней. Вскоре после этого Фрастрада умерла.

Карл Великий чуть было не сошел с ума от горя. Для умершей королевы была подготовлена величайшая погребальная церемония, но император не мог смириться с мыслью о том, что она будет лежать в темноте и одиночестве могилы. Обезумев от горя, он проводил время в комнате Фрастрады, не обращая никакого внимания на мольбы своих придворных и даже Турпена, который был его другом и ближайшим советником.

Наконец Турпен заподозрил, что дело в колдовстве. Он дождался момента, когда измученный Карл заснул, и осторожно приблизился к умершей королеве. Турпен внимательно осмотрел ее шею, руки и уши в поисках талисмана, так как был уверен, что такой талисман существует, но ничего не обнаружил. В тот момент, когда он уже был готов признать свое поражение, что-то блеснуло в свете его факела. Турпен раскрыл ледяные полуоткрытые губы Фрастрады и вытащил кольцо.

Эффект был мгновенным и совершенно невероятным. Карл Великий тотчас проснулся и увидел своего друга. «Турпен, самый верный из всех моих советников! — воскликнул он. — Ты всегда будешь рядом со мной». Затем он рассеянно заметил, что пора начинать похороны. Казалось, кризис миновал, и обеспокоенные придворные с облегчением вздохнули.

Однако для Турпена это было только началом кризиса. Карл Великий настаивал на том, чтобы советник никогда не покидал его. Теперь он больше не знал покоя. И, что было еще хуже, среди остальных придворных нарастало недовольство в связи с такой поразительной благосклонностью императора; атмосфера вокруг трона становилась все тяжелее и напряженнее. Турпен был многие годы предан-

Пережив четырех жен, Карл Великий не был потрясен смертью ни одной из них так, как смертью Фрастрады. Когда та умерла, его придворный обнаружил причину этого: это было магическое кольцо, спрятанное во рту.

ным другом монарха, и у него не было никакой необходимости использовать магическую силу кольца для сохранения своего высокого положения. Но магическая сила кольца устрасила его; будучи одним из умнейших советников Карла Великого, он понимал, какой ущерб может причинить это кольцо, если попадет в руки менее преданного слуги. Поэтому он держал секрет кольца в тайне и, как мог, справлялся с тяжестью своего положения, обрушившегося на него.

Постепенно напряжение становилось невыносимым. Оно достигло пика одним летним вечером во время королевской поездки по главным владениям императора. Кавалькада разбила лагерь в лесу, и все, кроме Турпена, спали, громко храпя. Не находя себе покоя от тревоги и усталости, он бродил среди деревьев, освещенных лунной. Каждый шаг, который отдалял его от властелина, уменьшал испытываемое им давление, и, наконец, оказавшись возле великого озера в лесу, он почувствовал что-то вроде облегчения.

Турпен достал кольцо и взглянул на него, как не раз уже проделывал это прежде. Знаки и символы, начертанные на нем, ничего ему не говорили, хотя он знал их могущество. Но на этот раз в лунном свете он увидел фигуру лебедя, которую никогда прежде не замечал. Почти не размышляя, он швырнул кольцо в озеро. И когда кольцо погрузилось в воду, лебедь, походивший в лунном свете на призрак, бесшумно проплыл над тем местом, куда оно упало.

На следующий день император приветствовал Турпена как старого друга, а не как предмет мрачной страсти. Но когда королевские слуги приготовились к отъезду, Карл Великий выказал нежелание покидать это место. Он приказал

прекратить укладывать вещи. «Сегодня мы проведем день здесь в лесу и займемся охотой», — приказал он.

Турпен почувствовал беспокойство, и он был прав. Случилось так, что во время охоты Карл Великий очутился на берегу озера, в котором покоилось кольцо Фрастрады. Это место показалось императору самым прекрасным на свете. Он напился воды из озера, и его глаза отдыхали на прекрасных лебедях, для которых оно было домом. Затем он громко затрубил в свой охотничий рог, собирая придворных.

Когда они собрались, возглавляемые встревоженным Турпеном, император заявил: «Я останусь здесь навсегда, так как никогда в жизни не видел большей красоты». И только когда опустился вечер, он, к большому облегчению главного советника, позволил уговорить себя покинуть это место. И даже тогда император не уходил до тех пор, пока не произнес обет. «У этого озера, — поклялся он, — я построю дворец. Из этого дворца я буду править, и здесь упокоятся мои кости».

И все, что он обещал в своем обете, сбылось. Дворец был построен, и со временем вокруг него разрослась огромная столица империи, Аахен. Там же вырос великолепный кафедральный собор, и под его сводами лежит император, покорный даже в смерти древнему волшебству, которое вложил в свое магическое кольцо великий мастер-ювелир.

Кольцо так и осталось на дне тихого озера, хотя прошло больше тысячи лет и его волшебная сила ослабела. Но совсем она так и не исчезла. Мудрые люди говорят, что иногда в лунную ночь оно вновь обретает свое могущество. Те, кто в такой час проходят мимо места, где оно покоится, ощущают его притяжение и навсегда сохраняют страстное желание вернуться.

Чтобы рассеять чары, овладевшие монархом, кольцо выбросили в озеро.

Однако, подчиняясь его магической силе, Карл Великий решил выстроить дворец на берегу озера и остаться там до конца своих дней.

ⲛⲉ.ⲡ. ⲙ, ⲉ. Ⲣ. ⲛ, ⲉ. ⲛ. ⲛ

Мудрецы в поисках золота

Из всех хранителей тайных знаний никто не относился более ревностно к своим секретам, чем алхимики, специалисты по превращению любых металлов в золото. Только посвященные знали формулу этого превращения, и, согласно традиции, каждый мастер мог передать свои знания только одному ученику. Само по себе знание тайны не гарантировало успеха, только человек, способный изгнать из своей души самовлюбленность и самомнение, мог достичь чистоты помыслов, необходимой для превращения обычных веществ в самый драгоценный металл на свете.

Одним из тех, кто владел этим искусством, был англичанин по имени Томас Чернок, родившийся в те времена, когда магия и наука еще не разошлись так далеко. Он начал свой поиск, будучи еще совсем юным студентом, вооруженным только учебником истории на латинском языке и обладая небольшим доходом, полученным по наследству. На эти деньги он путешествовал по стране в поисках учителя, который мог бы посвятить его в тайну. Спустя много месяцев он услышал раз-

ⲙⲉ. ⲛ. ⲉ, ⲛ. ⲛ, ⲛ. ⲛ, ⲛ. ⲛ

ΑΣ. W, T, Δ, Δ, Ο.

говор о священнике из города Бат, владеющем тайнами алхимии. Он нашел этого человека, но обнаружил, что его знание не принесло ему счастья. Мало того, что от своих занятий тот ослеп, маленький мальчик, которого он нанял в поводыри, сказал Черноку, что и разум покинул старика. Тем не менее он владел формулой, и из его невнятного бормотания молодой человек узнал все, что ему было нужно.

Детали полученной им формулы были утеряны, когда оборвалась цепочка знаний алхимиков. В летописях, однако, говорилось, что процесс состоял в том, что слабый раствор золота подвергался сложной обработке, включавшей двенадцать различных этапов. Если исследователь находился на правильном пути, то на первом этапе он мог ожидать получения твердых белых камешков. Позднее этот белый материал приобретал красный цвет. Получившийся в результате этого красновато-коричневый камень был известен под названием философского камня. Это мистическое вещество могло не только превращать обычные металлы в золото, но и улучшать все, что находилось поблизости. Так, для людей оно могло служить надежным средством для лечения болезней и даже эликсиром молодости.

Ω, Ω, M, Z, H, O, 4, 7, 3

Охваченный энтузиазмом, стремясь как можно скорее проверить только что полученные сведения, Чернок использовал свои скромные средства, чтобы оборудовать лабораторию в мрачной деревенской усадьбе. Покупая сложное оборудование у металлургов и стеклодувов, он скрывал настоящую цель своей работы, рассказывая неправдоподобные истории о том, что он собирается создать бронзовую говорящую голову, которая составит ему компанию в долгие зимние вечера. Он оберегал свое уединение от пытливых глаз соседей, завесив окна кабинета плотными шторами, редко открывавшимися, чтобы впустить свет.

Наконец все принадлежности были на месте, сверкали реторты и горел огонь. Сосуды с образцами золота, серебром, ртутью, аммиаком и концентрированной азотной кислотой выстроились на деревянных полках, соседствуя с переплетенными в кожу книгами и пыльными пергаменами, исписанными дрожащими руками древних писцов. Руководствуясь указаниями, содержащимися в этих манускриптах, Чернок бросил чешуйки золота в сосуд с кислотой, чтобы начать длительный процесс получения золота.

После каждого цикла вещество

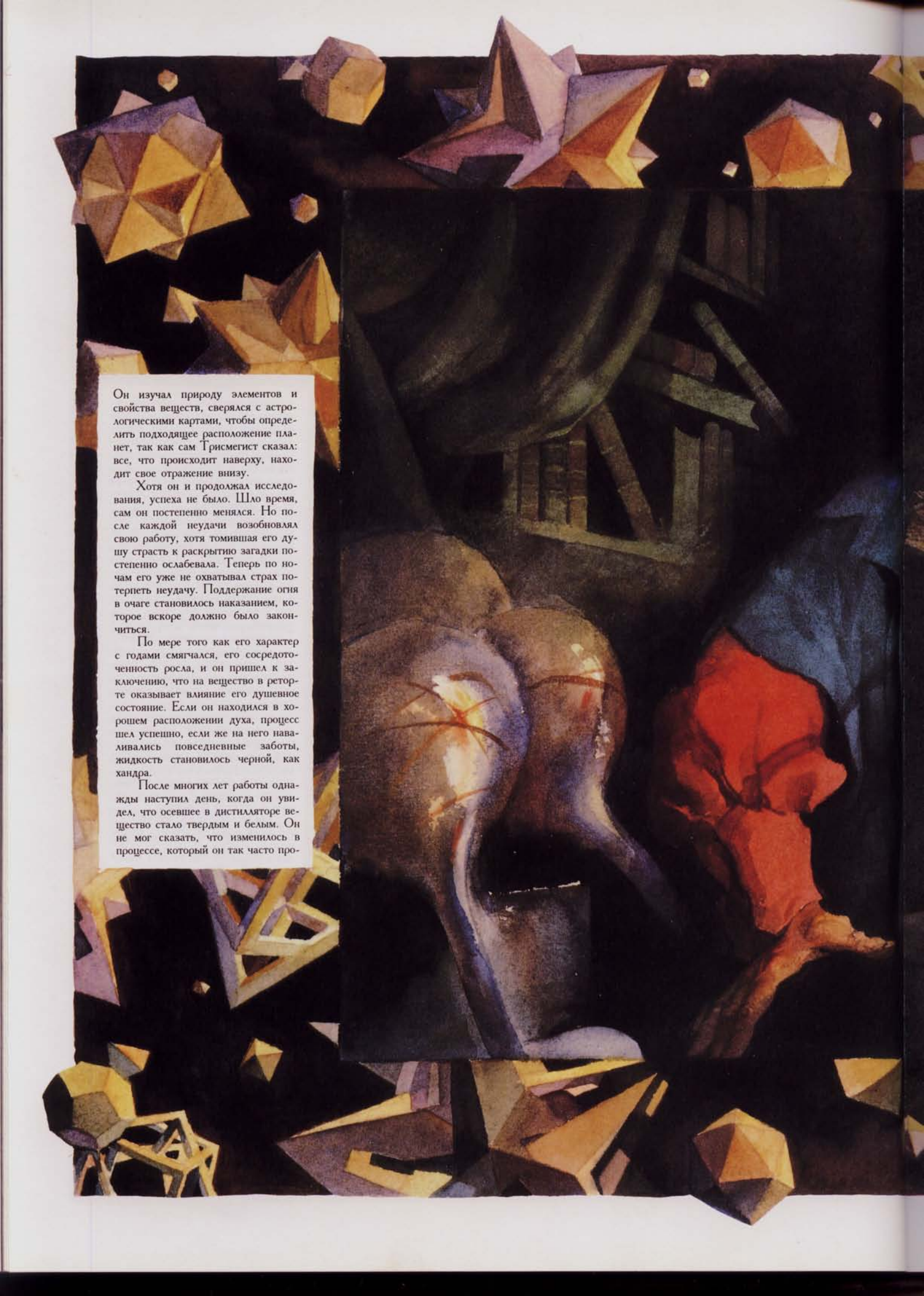

в реторте таинственным образом менялось. Иногда оно начинало яростно бурлить и распространять ядовитый запах. В других опытах возникало белое порошкообразное вещество, что вселяло в Черюка надежду. Наконец оно перестало меняться, стало черным и вязким и спокойно лежало на дне дистиллятора.

После очередной неудачи Черюк начинал все сначала, как будто только для того, чтобы еще раз потерпеть поражение. Но он не терял надежды, вновь и вновь возвращаясь к своим книгам, стремясь найти в них новые сведения. Вскоре он уже бормотал во сне имена своих учителей — Рамона Лулла, Гермеса Трисмегиста и египтянина Зосимы.

Днем он оставался в своей комнате, поддерживая слабый огонь, необходимый для поддержания процесса возгонки. Он редко покидал свой дом, кроме тех случаев, когда его выгонял неприятный запах кислоты и нашатырного спирта, распространяемый ретортами. По вечерам, при дымном свете дешевых салных свечей, он пытался расшифровать загадки старых манускриптов, отыскивая корни своих неудач в глубинах прошлого.

Он не сомневался, что где-то в его вычислениях скрывалась совсем простая ошибка, — кто бы осмелился допустить, что учителя лгали?

Он изучал природу элементов и свойства веществ, сверялся с астрологическими картами, чтобы определить подходящее расположение планет, так как сам Трисмегист сказал: все, что происходит наверху, находит свое отражение внизу.

Хотя он и продолжал исследования, успеха не было. Шло время, сам он постепенно менялся. Но после каждой неудачи возобновлял свою работу, хотя томившая его душу страсть к раскрытию загадки постепенно ослабевала. Теперь по ночам его уже не охватывал страх потерпеть неудачу. Поддержание огня в очаге становилось наказанием, которое вскоре должно было закончиться.

По мере того как его характер с годами смягчался, его сосредоточенность росла, и он пришел к заключению, что на вещество в реторте оказывает влияние его душевное состояние. Если он находился в хорошем расположении духа, процесс шел успешно, если же на него наваливались повседневные заботы, жидкость становилось черной, как хандра.

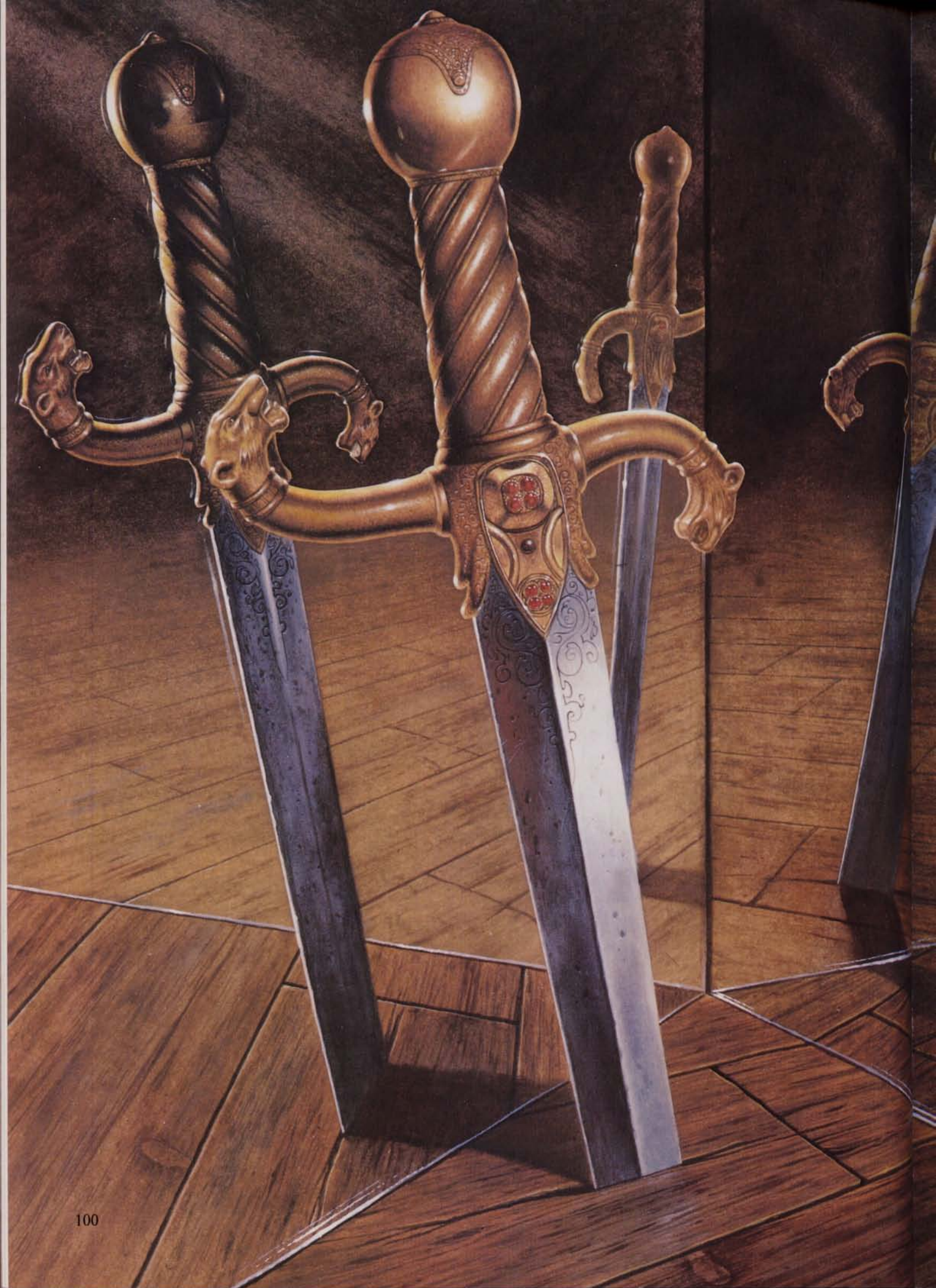
После многих лет работы однажды наступил день, когда он увидел, что осевшее в дистилляторе вещество стало твердым и белым. Он не мог сказать, что изменилось в процессе, который он так часто про-

водил в прошлом, скорее, как он полагал, решительный шаг вперед отражал изменения в нем самом. Спокойно, стараясь не выдать своего возбуждения, он продолжил возгонку. Чернок с трепетом и страхом наблюдал, как красная вспышка расходилась по белому, пока камень не изменил свой цвет, став кроваво-красным. С нарастающим чувством радости он вынул его из реторты, отщипнул чешуйку и бросил ее в сосуд с расплавленным свинцом. Булькающий металл зашипел и стал затвердевать, приобретая богатый золотистый цвет. После двадцати лет усилий Томас Чернок в конце концов достиг своей цели.

Будучи молодым человеком, он смог бы использовать свое искусство для того, чтобы стать богатым, но долголетний поиск отнял у него вкус к обычным радостям жизни. Вместо этого он спокойно и с комфортом прожил немногие оставшиеся ему годы, и его соседи отмечали в нем какой-то ореол спокойствия, характерного для святых. Урок, который он получил в итоге своего долгого пути, был достаточно банален: важен процесс, а не результат.

Он смог увидеть, что изменения, которые поставленная им задача произвела в нем самом, были куда важнее, чем любое из превращений во всех его булькающих ретортах.

Глава шестая

Зеркала и металлы

Зеркала открывают окна в другие миры, являющиеся идеальным повторением нашего собственного, но всегда остающиеся чужими. Мудрецы многих стран стремились использовать чудодейственные силы, заключенные в серебристом стекле. Зеркала, украшенные инкрустацией из драгоценных металлов, аметистами и бирюзой, еще со времен Трех Царств (Троецарствие — три враждующих китайских государства, ставших преемниками свергнутой династии Хань. — *Примеч. пер.*) защищали древних китайцев от угроз демонов. Сталкиваясь со своим подобием, злой дух выл от боли и уползал умирать. Существует легенда, что в Сиракузах Архимед, великий ученый древности, сконцентрировал лучи палящего солнца в зеркале и смог сжечь римский флот. Закрывая глаза от блеска лучей, старые греки напоминали своим изумленным молодым воинам, что Прометей добыл огонь с помощью зеркала, а не с помощью кремня.

В Смутные Века, когда проказа и чума впервые забрели в деревни Европы, люди научились поворачивать зеркала лицом к стене, если в доме кто-то умирал. Зеркало было окном из мира завистливого умершего: через него душа покойного могла наблюдать за теми, кто

остался в живых, и выбрать среди них партнера, который мог составить ей компанию во время путешествия во мрак вечности. Матери повсюду запрещают детям играть с зеркалами и даже прикасаться к ним. Широко известно, что разбитое зеркало приводит к тому, что виновника после этого семь лет преследуют несчастья. Шпионы посылают друг другу сообщения, написанные так, что их можно прочесть только в зеркале, эксцентричные короли устанавливают в своих дворцах кривые зеркала, чтобы пугать или развлекать друзей, а дети знойным летним полднем ловят хлопотливых пчел и направляют на них с помощью зеркала солнечные лучи до тех пор, пока несчастные создания не погибают.

Колдуны, волшебники и святые, служители как белой, так и черной магии посвящали долгие годы своей жизни искусству «смотреть в магический кристалл» — вглядываться в зеркала собственного изготовления, чтобы предсказывать будущее. Верховные жрецы Каббалы на годы уходили от людей, чтобы отшлифовать магические зеркала из полированного обсидиана, которые затем украшали ляпис-лазурью и бериллом; изможденные мудрецы индийских равнин сосредоточенно изучали лужи чернил, разлитых на песке, предсказывая по мрачным отражениям в них судьбу, ожидавшую путешественников.

Люди, которые работали с магическими зеркалами или «катоптромансеры», как их называли (*catoptric* (англ., устарел.) отражательный. — *Примеч. пер.*), пользовались немалым уважением за способность гадать по

зеркалам. Но предсказание будущего было не единственной их способностью. Некоторые могли использовать свои зеркала для того, чтобы раскрыть тайны настоящего, рассказать правду о скрытых секретах. Один из людей, обладавших таким зеркалом, жил некогда в Англии. Легенда не сохранила нам описания его внешности, но историю его схватки с лекарем-демоном из Фолкстоуна вспоминают по сегодняшний день.

Лекарь, обладавший определенной известностью в своей местности, одиноко жил в холодном каменном доме, стоявшем на высоком берегу, откуда открывался вид на гавань. О нем мало что было известно. Случайных посетителей редко приглашали переступить порог, несчастных пациентов обычно проводили в буфетную, безликую и мрачную комнату, отличавшуюся только большим количеством полок с бутылками, где в каких-то темных жидкостях неясно вырисовывались странные предметы. Ходили слухи, что лекарь проводит мало времени в своем доме, так как целые дни работает в погребке, где соорудил обширную подземную лабораторию. Тем не менее жители Фолкстоуна не боялись обращаться к нему за советом. Они втайне восхищались загадочным ореолом, окружавшим их доктора, и хвастались перед гостями методами его лечения.

Однако одному из пациентов после его лечения становилось все хуже и хуже. Это был некий Томас Марш, хозяин Марстон-Холла — поместья, земли которого окружали Фолкстоун. Томас многие месяцы страдал от мучительных болей в желудке, которые во время очередного приступа доводили его почти до

безумия. Застав однажды Томаса в такой ситуации, лекарь немедленно сделал ему сильное кровопускание, выписал груды лекарств от порошков до припарок из удивительно приятно пахнущих мазей, составленных им самим. Симпатичная жена Томаса Изабелла, родом из Андалузии, скрупулезно проводила весь курс лечения несколько следующих месяцев, но состояние мужа только ухудшилось.

В дни столь тяжкого испытания, выпавшего на долю Томаса, лекарь регулярно заходил в Марстон-Холл. Томас, несмотря на свои непрекращающиеся страдания, считал интерес доктора вполне оправданным и полностью доверял его проницательности и аналитическим суждениям.

Потому он легко позволил лекарю провести решительное наступление на болезнь. Подвергнув живот пациента яростной атаке ос, запертых в узком кувшине, врач внезапно поставил Томаса на ноги и заявил, что лечение закончено. Обрадованный Томас тем не менее вынужден был заметить, что по-прежнему испытывает острую боль. Ободрив его странной улыбкой, лекарь заверил, что боли, которые еще сохраняются, — это просто отголоски прежних мучений. Нужно проехаться верхом на лошади, и свежий ветер быстро унесет все боли прочь. С этими словами лекарь повернулся и ушел.

Сердце Томаса забилося от возбуждения. Он крикнул в окно конюху Ральфу, чтобы тот оседлал лошадей, — сегодня же они должны поехать в соседний поселок Остенхенгер на ярмарку гусей. Конюх так и сделал. Томас с не-

малым трудом взгромоздился на чалую лошадь и с искаженным от боли исхудавшим лицом поскакал в поле, Ральф ехал рядом. Жена некоторое время бежала за ними следом, на смеси испанского и ломаного английского умоляя мужа не ехать. Затем она остановилась и надолго замерла, словно ожидая чего-то. Их шестилетняя дочь Мариана наблюдала за этой сценой из расположенного неподалеку фруктового сада, где играла, никем не замеченная.

Видя, что мать стоит в задумчивости, она уже собралась было к ней подбежать, но тут заметила лекаря. Мариана спряталась за изгородью и непонимающе смотрела на то, как врач обнял женщину, долго ее целовал, а затем они оба вошли в дом. Смущенная и заинтересованная Мариана побежала следом. Они направились прямо в спальню ее матери. Заглянув в щелку, Мариана разглядела, что они стояли возле стола, держа в руках какую-то маленькую вещь. Мать рассмеялась и снова поцеловала лекаря. Потом они разделись и легли в постель.

Серый день постепенно перешел в вечер, и парочка наконец-то заснула. Осторожно, как кот на охоте, Мариана проскользнула в комнату, взяла предмет, лежавший на столе, и убежала в сад. Только там она осмелилась взглянуть на свою добычу. Это была кукла, представлявшая фигуру мужчины, маленькая, но изготовленная с большой тщательностью. И в животе у нее торчало множество металлических булавок. Недовольно сморщив носик, маленькая девочка изрядно потрудилась, выдергивая булавки из тела своей новой игрушки.

В то время, когда она была занята своим делом, Томас лежал у дороги за

много миль от дома. Его стоны, разносившиеся далеко вокруг, были слышны только Ральфу, крепко державшему за руку своего хозяина, который корчился и извивался в пыли. Но неожиданно Томас перестал стонать. Весь мокрый от пота, он неуверенно сел и сказал, что приступ кончился. Некоторое время спустя мужчины неторопливо продолжили путь в Остенхенгер.

К тому времени, когда они приехали, ярмарка была в полном разгаре: глотатели огня, карлики и факиры с Востока и из Аравии совершенно очаровали толпу. Томас был мужчиной рослым, и, взглянув поверх голов, он обратил внимание на пожилого человека в одежде колдуна, опиравшегося на посох перед входом в шатер. Чародей пристально смотрел на него. Движимый какой-то силой, явно большей, чем простое любопытство, Томас обнаружил, что уже проталкивается сквозь толпу к колдуну, который жестом пригласил его в колышущуюся палатку.

Внутри Томас увидел большую железную ванну, выкованную в форме гроба. Какая-то грязная на вид жидкость наполняла ее почти доверху. Старик молча показал, что Томас должен раздеться и залезть в ванну. К своему собственному удивлению, тот послушно все так и сделал.

*С помощью ванны и зеркала добрый волшебник вылечил
царя страдания, заболевшего таинственной болезнью.*

*Зеркало показало причину болезни. Неверная жена сговорила-
сь с порочным лекарем. Теперь они занимались смертельно опасной магией.*

Но когда он опустился в ванну, сильный шок от ледяной воды привел Томаса в чувство. Со сдавленным воплем, выпрямившись, он поспешно оглядел окружающие его странные вещи. Все вокруг было задрапировано богатыми шелками и толстыми гобеленами. В воздухе висели скелеты неизвестных животных, воздух полон был курящегося фимиама, а над всем господствовало огромное зеркало, в котором Томас увидел собственное отражение. В свете свечей он казался бледным и растерянным. Старик усмехнулся, казалось, ему доставляет удовольствие сложившаяся ситуация.

Дрожка от холода и буквально кипая от ярости, Томас захотел узнать, в какую еще неприятность он влип. Не попал ли он в руки некрофила или еще какого-нибудь колдуна, практикующего черную магию?

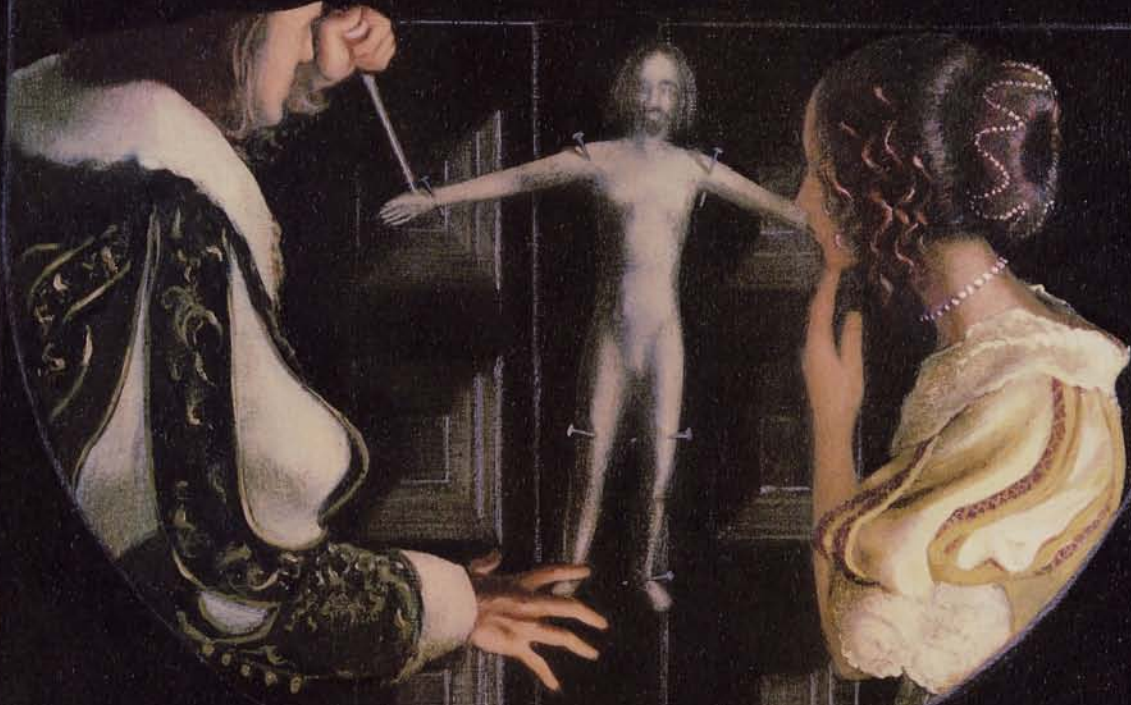
Плавным жестом, удивившим Томаса своей элегантностью, старик снял свою ермолку колдуна и низко поклонился. Он представился как Альдровандо, заявив, что, несмотря на такое имя, он англичанин, а искусство чтения в магическом зеркале — его профессия, хотя он и не вмешивается в дела умерших. Он извинился за то, что позволил себе загипнотизировать Томаса, но времени было слишком мало — слишком мало,

чтобы объяснять все ритуальные сложности, которые привели пациента в его нынешнее состояние.

Не удовлетворившись столь странным объяснением, Томас нервно ухватился за края ванны. Для чего времени было слишком мало? Альдровандо не ответил. Его внимание было приковано к зеркалу. Колдун что-то бормотал, покачивая головой, затем его пальцы прошли сквозь стекло. Тут, к удивлению Томаса, зеркало загудело, как веретено. На его испещренной пятнами поверхности одна за другой стали появляться различные картины. Пораженный Томас затаил дыхание. Он отчетливо увидел свою собственную дочь, скорчившуюся в углу темной комнаты. На лице ее были видны следы жестоких побоев, она громко плакала, в ужасе прижав руки ко рту.

Альдровандо пригнул голову и сосредоточился. Его заклинания стали громче. Изображение в зеркале потускнело, затем снова стало ярким, даже ярче, чем прежде, в этот раз на нем были видны Изабелла и лекарь, в нерешительности склонившиеся над потрепанной куклой. Внезапно старик повернулся. Его взгляд был предельно серьезен. Он отрывисто приказал Томасу немедленно полностью погрузиться в ванну. Томас молча кивнул, не в силах оторвать взгляда от странной сцены, раз-

ворачивавшейся в зеркале. Лекарь в этот момент изучал лезвие рапиры, а затем поднял ее на уровень груди куклы. Внезапно Альдровандо пронзительно закричал: «Срочно! Под воду!»

Задержав дыхание, Томас поспешно нырнул в жидкость. Зловоние гнили ударило ему в нос, и он почти тотчас же снова вынырнул, задыхаясь от кашля и ругаясь, как последний трактирный пьяница. Альдровандо стоял почти вплотную к зеркалу и сосредоточенно в него всматривался. Томас тоже протер глаза и наклонился вперед, чтобы лучше видеть. Лекарь жестикулировал и размахивал рукояткой рапиры перед Изабеллой. Сломанное лезвие рапиры лежало у их ног.

Альдровандо удовлетворенно что-то проворчал, а затем снова предостерегающе громко крикнул, так как лекарь неожиданно вытащил из кармана булавку, чтобы вонзить ее в куклу. Томас снова нырнул, но на этот раз недостаточно быстро. В тот момент, когда лекарь нанес первый удар, руки Томаса еще оставались над поверхностью омерзительной жидкости. Закричав от боли, он сел и тотчас увидел, что верхняя сторона его левой кисти рассечена, словно бритвой.

Альдровандо снова был поглощен изучением зеркала. Лекарь исчез из виду. Теперь Томас видел только плачущую Изабеллу. Она закрыла руками лицо, на котором тоже виден был след удара.

Потом в зеркале вновь появился лекарь, он тащил с собой старую аркебузу Томаса. Это чудовищное ружье, память о давно закончившейся войне, лекарь торопливо установил на подпорке, нацелив прямо в голову кук-

лы. Альдровандо повернулся и махнул рукой, указывая вниз. Набрав в легкие воздуха, Томас снова погрузился в зловонную жидкость и оставался там до тех пор, пока не почувствовал, что больше не выдержит. Вынырнув, он обнаружил, что остался совершенно один. Изображение в зеркале побледнело, но Томас смог различить тело лекаря, распростертое на полу, — лицо его превратилось в сплошную кровавую маску.

Прошло некоторое время, прежде чем Ральф, начавший уже беспокоиться о хозяине, обнаружил Томаса в палатке, сидящего на краю железного гроба, голого, покрытого отвратительной вонючей грязью и разглядывающего свое собственное отражение в старинном зеркале.

С этого вечера и до самого последнего дня Томас Марш отличался необычайно крепким здоровьем. Об Изабелле больше никто ничего не слышал. Некоторые говорили, что она сбежала в Андалузию, а другие утверждали, что муж принял суровые меры, чтобы излечить ее от неверности. Ходили разговоры о том, что лекаря видели в разных местах Англии, несмотря на то, что его тело было публично погребено в Марстоне. Однако Альдровандо еще долгие годы после спасения души и тела Томаса Марша продолжал заниматься белой магией, появляясь в разных обликах перед людьми, ставшими пленниками силы, и освобождая их с помощью магической силы зеркал.

Многие волшебники странствовали, стремясь попасть туда, где возникала необходимость в их услугах и представлялись новые возможности проявить свои таланты. Может быть, их вела какая-то внутренняя сила, не позволявшая им постоянно жить на одном месте, как

Жертва паутины волшебника

В старинных книгах встречалось множество историй о зеркалах, являвшихся окнами в иные миры. Но лишь из Англии времен короля Артура пришел рассказ о зеркале, которое выполняло противоположную роль и служило барьером, установленным между девушкой, родившейся под несчастливой звездой, и реальным миром, на который ей было запрещено смотреть.

В летописях не сказано, кто наложил проклятие на леди Шеллот и почему это было сделано, и даже сама девушка не могла сказать, какое наказание ее ожидает, если она нарушит запрет. Она знала только, что приговорена жить в замке с серыми стенами, расположенном на острове чуть выше Камелота по течению, что не может выходить из своей комнаты и даже не может смотреть из окна на реку и поля внизу.

Единственной ее связью с внешним миром было большое зеркало, висевшее на стене против окна. Перед зеркалом стоял ткацкий станок. Все дни она проводила за этим станком и ткала бесконечный ковер, перенося на ткань неясные картины, которые отражались в зеркале.

Шеллот почти привыкла находить удовольствие в медленном течении дней в ее убежище, когда однажды утром в зеркале появилось изображение, беспощадно разрушившее заклятие. Это был храбрейший рыцарь короля Артура, сэр Ланселот, направлявшийся ко двору своего повелителя. Она скользнула взглядом по его породистому коню, солнечным бликам, отражавшимся от рыцарских доспехов, по черным кудрям, водопадом спадавшим из-под украшенного перьями шлема. Это было самое чудесное зрелище, которое ей когда-либо приходилось видеть.

Забыв про висевшее над ней проклятие, она шагнула к окну и в каком-то неожиданном порыве взглянула на солнечный свет. Тотчас же зеркало треснуло, а ковер распался на кусочки. С отчаянным криком она бросилась назад, но было слишком поздно. Она навлекла на себя беду.

Ее убежище рухнуло, она покинула башню и растерянно побрела вдоль реки. Позднее, в тот же день, придворные заметили, как по реке под балконами замка в Камелоте проплыла небольшая лодка. В ней лежало одетое в белое тело леди Шеллот, которая предпочла бледному миру зеркальных отражений ледяные объятия смерти.

Цыганский способ поймки вора

У цыган, которые были столь же искусными кузнецами, как и специалистами по части магии, наковальня служила инструментом для обнаружения вора. Жертва грабежа превращала наковальню в алтарь, укрепив на ней зажженную свечу, солонку и кусок хлеба. Вокруг наковальни раскладывали вещи, взятые у каждого, кто мог совершить преступление. Затем собирали подозреваемых и призывали виновного сознаться.

Если никто не выходил вперед и не признавался, каждому по очереди предлагали поцеловать наковальню и ударить по ней. Затем все вместе приносили клятву покарать виновного. Дрожа от страха перед неопикуемой сверхъестественной мстостью, виновный помимо своей воли вынужден был возвращать похищенное и просить прощения.

это делали обычные люди, чей образ жизни они презирали, но которым покровительствовали.

Среди странствовавших по свету народов встречались такие, которые научились использовать магические свойства не только зеркал, но и металлов. Это были цыгане, бродившие по дорогам всех стран европейского континента. Цыган боялись и мужчины, и женщины, считая их потомками Каина, навеки изгнанными из христианского мира и обреченными вечно бродить по земле в поисках дома. Всюду, где проходили цыгане, их обгоняли легенды об их тайных ритуалах и сверхъестественных способностях.

Говорили, что цыгане понимают язык лошадей и могут советами и посулами успокоить жеребящую кобылу. В тех местах, где к ним плохо относились, цыгане зарывали в землю свои тени, чтобы потом являться в снах своим недоброжелателям; когда у цыган умирали мужчины, цыганки с расте-

панными волосами бросались в могилу, лаская гроб, и отказывались выходить, даже когда могилу засыпали землей. Церковь в средние века прокляла предков цыган за то, что они выковали гвозди, которыми был прибит к кресту Христос, но цыгане смеялись и говорили: если бы эти гвозди делали цыгане, они были бы выкованы с таким мастерством и были бы такими тонкими, что Христос даже не почувствовал бы, как они прошли сквозь его руки.

Люди утверждали, что цыгане владели тайным искусством обращения с металлами, что позволяло им делать фантастические вещи. В частности, они использовали силу железа для того, чтобы лечить больных и отгонять силы зла. Символом этого служила лошадиная подкова, прибитая на каждом цыганском фургоне и не дающая злу проникнуть внутрь и причинить вред живущей там семье. Историю о том, почему простая «счастливая подкова» обладает такой сверхъестественной силой, знал любой цыганский ребенок от Неаполя до Владивостока. Эта история звучала примерно так.

Много лет назад в горах жили четыре ужасных демона, которые были известны как Несчастье, Нездоровье, Нищета и Смерть. Их обязанностью, доставлявшей им немало радости, было заманивать невинных путников в ловушку и разрывать на части. Однажды ночью после буйной вечерней гулянки с песнями и плясками молодой вожак цыган поехал в горы, чтобы немного прийти в себя на свежем воздухе. Только он отъехал, как демон, которого звали Несчастье, оставлен-

ный поджидать жертву, пока его товарищи сладко похрапывали, спрыгнул с дерева на дорогу, почуяв поживу. Конь жоака в ужасе отпрянул, повернул и понесся вниз, всадник крепко вцепился ему в гриву. Несчастье немедленно пустился в погоню. Но когда конь мчался по каменистой дороге, одна подкова слетела и ударила демона точно между глаз. С тяжелым грохотом, потрясшим окружающие горы, демон рухнул и превратился в камень.

Нездоровье, Ниццета и Смерть продолжали спать. Этот безумный грохот был для них слаще колыбельной. Когда жоак обнаружил, что позади все стихло, он успокоил лошадь и вернулся к окаменевшему телу. Шипы подковы глубоко врезались в лоб демона. Подивившись счастливому случаю, спасшему ему жизнь, жоак вырвал подкову и привез ее в табор, где и рассказал у костра о своем счастливом спасении.

Незадолго до рассвета от голода проснулись остальные три демона. Несчастье не принес им добычи. Обшарив все склоны гор в поисках брата, они вскоре нашли на дороге бесформенную окаменевшую фигуру. Схватив птиц с деревьев и вытащив лис из нор, они стали терзать их, требуя, чтобы те называли имя человека, убившего Несчастье, и объяснили, как он это сделал.

Разъяренные и жаждущие мести демоны добрались до цыганского табора и потребовали, чтобы жоак вышел к ним. Без малейшего колебания молодой человек распахнул дверь своего фургона, встал в освещенном проеме и смело назвал себя. Едва он заговорил, Нездоровье, Ниццета и Смерть бросились вперед, собираясь разорвать его на части, но, увидев, что над дверью прибит

та самая подкова, что убила Несчастье, дрогнули и остановились.

Вспомнив, что у лошади остались еще три подковы, демоны растворились в ночи. С тех пор они постоянно прячутся у дорог, по которым катятся фургоны цыган, поджидая возможности отомстить и пытаясь найти хотя бы одну дверь, не защищенную оружием, которое убило Несчастье.

Иногда говорят, что цыгане были первыми, кто научился обрабатывать железо, но, по правде говоря, кузнечное искусство уходит корнями в такую глубь веков, когда цыган еще не существовало. У всех народов, от самых просвещенных до самых варварских, кузнец пользовался большим уважением. В Африке у племени вахада кузнец с величайшей осторожностью обращался со своими самыми простыми инструментами, так как если он указывал одним из них на кого-либо, для того это означало смерть. В долинах Южной Азии родители приглашали кузнецов защитить их новорожденных детей от сил зла. Кузнец должен был выковать тонкое железное кольцо, которое надевалось на лодыжку ребенка. Когда миновал первый, самый опасный месяц жизни ребенка, следовало вернуться к кузнецу, чтобы тот снял кольцо.

Кузнецы владели также и искусством врачевания, в их руках огонь мог прижигать, очищать и укреплять. Удивительно, но они могли врачевать раны точно так же, как и изготавливать оружие. В пылающем огне своих горнов кузнецы ковали непробиваемые кольчуги из тонких проволок, булавы с шипами, железные шлемы, медные доспехи и

двуручные мечи, настолько мощные, что ими можно было снести голову слону. Они понимали язык расплавленного железа и знали, как использовать и сконцентрировать его силу.

Н и в чем их искусство не проявлялось с такой силой, как в ковке мечей. Если сталь была некачественной или изготовленной слишком поспешно, лезвие меча могло разлететься от удара другим мечом, выкованным надлежащим образом. Любовь воина к хорошему мечу в чем-то была сродни ревнивой страсти.

Некоторые утверждали, что самые хорошие мечи изготавливались сказочными кузнецами, тогда как другие думали, что лучшие мечи вышли из рук древних гномов, трудившихся в подземных кузницах. Магическое искусство этих существ было так велико, что выкованные ими мечи могли предупреждать своих владельцев о надвигающейся опасности или отказывались наносить несправедливый удар. Полированные лезвия некоторых мечей, точно так же как и зеркала, можно было использовать для гадания. Артур стал королем Англии, без усилий выдернув из скалы меч, который другие даже не могли пошевелить. Именно Артур отправился на битву с замечательным Экскалибуром, самым знаменитым мечом на свете, который по просьбе Мерлина вручила ему Хозяйка Озера.

Другие мечи тоже участвовали в бесконечной битве между смертными и силами мрака. Когда Беовульф проник в пещеру, чтобы сразиться с вызывающей ужас матерью чудовища Гренделя, он взял с собой Грунтинг, могучий меч герольда Унферта. Во время схватки

Беовульф вонзил Грунтинг в тело матери Гренделя. Но кровь дьявольского создания обладала такой разрушительной силой, что превратила клинок в лужицу темной жидкости. Неустрашимый Беовульф схватил другой меч со стены пещеры и снова атаковал чудовище. Это оружие было изготовлено много лет назад великанами — самыми прилежными и талантливыми кузнецами — и против такого мощного меча у чудовища не нашлось защиты. В ураганной атаке Беовульф убил вурдалака и с победой вернулся к своему народу. О Грунтинге он не сказал ни единого плохого слова: меч наилучшим образом сражался с врагом, вызывавшим невообразимый ужас.

Из всех мечей, которые воспевали поэты викингов, ни один не вызывал такого восторга, как Скофнунг, оружие короля-воина Хрольфа Краки. Скофнунг обладал такой кровожадностью, что буквально кричал в ножнах при виде ран, требуя, чтобы его вынули для участия в резне. Когда Краки умер, то его подданные и наследники настолько боялись объявить Скофнунг своей собственностью, что похоронили ужасный меч вместе с его хозяином.

Так Скофнунг и лежал, и никто к нему не прикасался в течение двух столетий, пока бесстрашный воин по имени Скегги голыми руками не раскопал могилу и не вынул оружие. Сторонники Скегги с тревогой наблюдали за таким осквернением могилы, будучи убеждены, что Скофнунг убьет их вождя. Но, как оказалось, Скофнунг остался даже доволен тем, что его воскресили подобным образом. В мирной тишине могилы не хватало битв, в которых он мог бы участвовать.

Более того, Скегги оказался не ду-

Мечи были самым благородным оружием и часто обладали собственной волей.

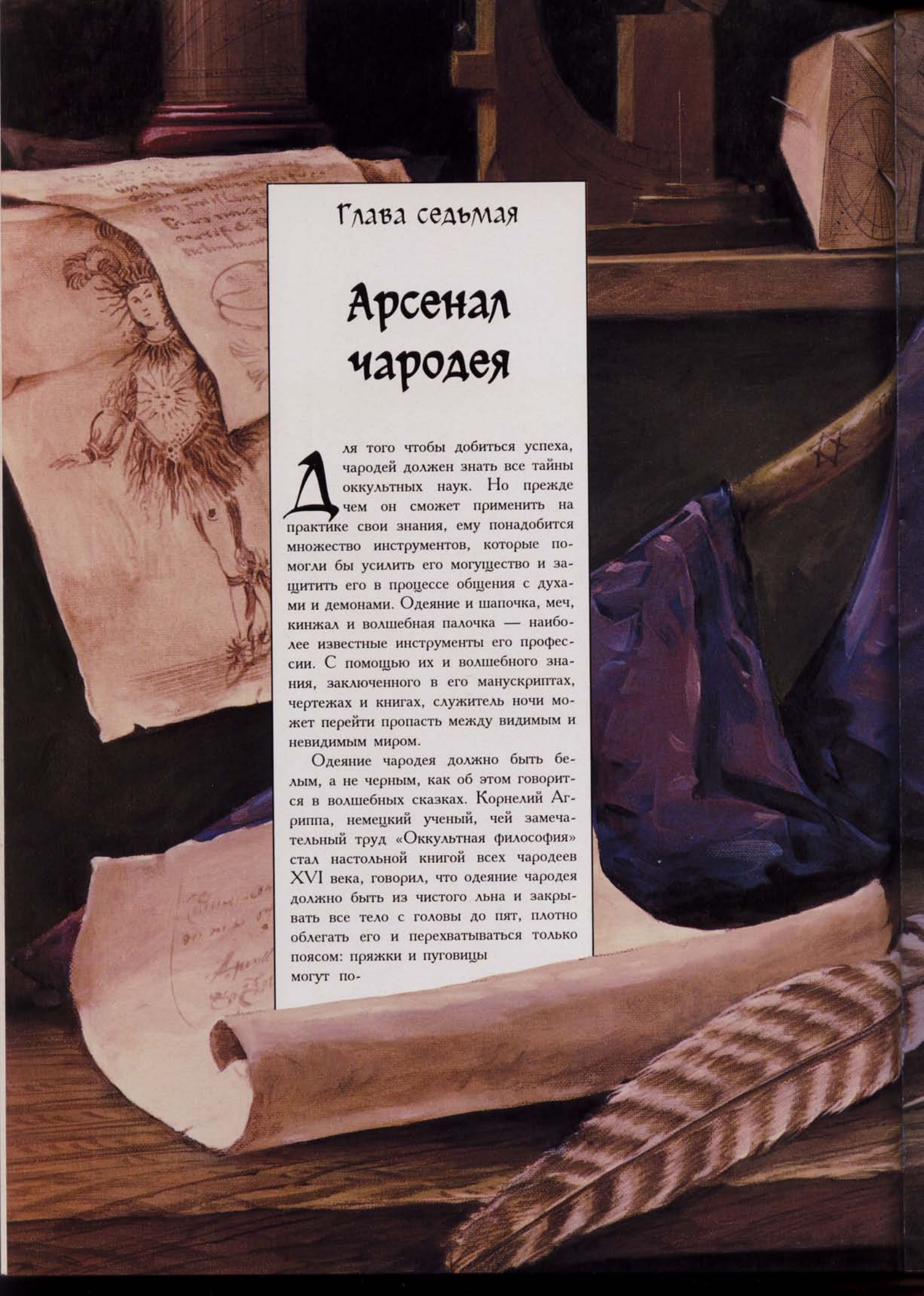
Об этом узнал, заплатив собственной жизнью, один глупый викинг, когда отнесся к несравненному клинку без должного уважения.

рак: он внимательно изучил все предания, чтобы стать достойным партнером своего меча. Он знал, что никогда не следует вынимать Скофнунг без желания пролить кровь. Если рубить было некого, то Скегги приходилось проливать собственную кровь, чтобы удовлетворить жажду, овладевшую мечом. Солнцу никогда не позволялось отражаться в рукоятке Скофнунга, взгляд женщины не должен был касаться его обнаженного клинка. Скегги с религиозной почтительностью выполнял все эти и целый ряд других правил, и взамен Скофнунг обеспечивал ему небывалый успех и непобедимость в битвах.

Но в один роковой день Кормак, товарищ Скегги, поставил его перед трудным выбором: Кормак попросил у него меч в займы, чтобы сразиться в поединке. После долгих размышлений и проволочек Скегги все-таки поддался на уговоры и согласился отдать свое сокровище, но только после того, как провел много часов, объясняя другу, как надлежит обращаться со Скофнунгом. Обрадованный Кормак поспешил домой со своей добычей — и сразу же нарушил правила, обнажив Скофнунг и размахивая им при ярком солнечном свете, а потом он еще позвал свою мать, чтобы та разделила его восторг перед столь прекрасным оружием, которое ему дал Скегги.

От такой ужасной глупости Скофнунг пришел в ярость. Могучий меч зашвистел в воздухе и рассек хвастливого воина и его несчастную мать на мелкие части. Затем он ударил по могучей скале и сам разлетелся на тысячи мелких кусочков. И если викинги нуждались в каком-то напоминании, то самоубийство Скофнунга научило их, что великие мечи — не игрушки.

Глава седьмая

Арсенал чародея

Для того чтобы добиться успеха, чародей должен знать все тайны оккультных наук. Но прежде чем он сможет применить на практике свои знания, ему понадобится множество инструментов, которые помогли бы усилить его могущество и защитить его в процессе общения с духами и демонами. Одевание и шапочка, меч, кинжал и волшебная палочка — наиболее известные инструменты его профессии. С помощью их и волшебного знания, заключенного в его манускриптах, чертежах и книгах, служитель ночи может перейти пропасть между видимым и невидимым миром.

Одевание чародея должно быть белым, а не черным, как об этом говорится в волшебных сказках. Корнелий Агриппа, немецкий ученый, чей замечательный труд «Оккультная философия» стал настольной книгой всех чародеев XVI века, говорил, что одевание чародея должно быть из чистого льна и закрывать все тело с головы до пят, плотно облегать его и перехватываться только поясом: пряжки и пуговицы могут по-

мешать свободному движению сверхъестественной энергии. Шапочка на голове, не имеет значения, будет она высокой или плоской, остроконечной или круглой, также должна быть белой и спереди на ней должно быть вышито слово YHVH, имя Бога на иврите. Одевание и шапочка должны быть украшены священными эмблемами — звездами, пятиугольниками и кругами.

После того как чародей обзаведется соответствующим одеянием и шапочкой, его самой важной задачей станет выковать меч и кинжал. Эту лучше всего сделать в тот момент, когда Луна будет всходить вблизи Юпитера, планеты благосостояния и успеха. После этого чародей должен воскурить фимиам из серой амбры и перьев павлина, шафрана, алоэ, кедра и ляпис-лазури — все эти запахи ассоциируются с Юпитером — и петь, обращаясь к Богу, небесам и звездам, чтобы те вселили в его оружие мистическую силу.

Только после этого чародей может приступить к изготовлению волшебной палочки — его самого мощного оружия. В идеальном случае тонкая деревянная палочка длиной примерно пятьдесят сантиметров вырезается из одиноко стоящего куста, который никогда не плодоносил. В первую ночь новолуния перед рассветом чародей должен обогреть свой

кинжал кровью. Затем, встав лицом к востоку, нужно одним взмахом клинка срезать ветку и с первыми лучами солнца счистить ее мягкую зеленую кору. После этого три священных инструмента — меч, кинжал и палочка — должны быть завернуты в шелковую ткань и храниться в ней, пока не понадобятся.

Хрупкая на вид, тонкая палочка была самым мощным оружием в арсенале чародея. С ее помощью он мог подчинять себе духов, вызывать разрушения, заставлял исчезать предметы или обнаруживать то, что было невидимым. Если чародей стоял на стороне добра, с помощью палочки он мог освобождать жертвы темных сил от наложенных на них заклятий, как это делал один безымянный маг в Уэльсе. Вот что там произошло.

Барды Уэльса рассказывали, что в давние времена крестьянин, которого звали Эйнион, собирал однажды вишни для своей жены Ангарад неподалеку от их дома в Тревейре и встретил прекрасную женщину, которая вела в поводу черную кобылу. Он никогда прежде не видел такой прекрасной женщины. Ее черные волосы были заплетены в сверкающие косы, каждая из которых была закреплена жемчужной заколкой, крас-

Чародей вырезает свою волшебную палочку из ветки дерева, которое еще не плодоносило. Для того чтобы увеличить магическую силу палочки, лезвие кинжала, которым срезают ветку, должно быть смочено кровью.

ное платье украшала золотая брошь, рубины и изумруды сверкали на ее тонких пальцах. Эйнион был ошеломлен. Он рухнул на колени и поклялся последовать за ней куда угодно.

Но когда Эйнион помог ей сесть на лошадь, то обнаружил, что у женщины копыта вместо ног. Он тотчас понял, что попал во власть гоблина, и начал умолять, чтобы она освободила его от обещания. Но хозяйка леса была непреклонна. «Ты должен следовать за мной, куда я ни направлюсь, — приказала она, — до тех пор, пока сохранится моя красота».

Она отвела Эйниона домой проститься с Ангарад и долго смеялась, видя, как он расстроился, найдя вместо молодой жены древнюю старуху со скрюченным телом и морщинистым лицом.

Внезапно Эйнион обнаружил, что оказался в месте, которого никогда прежде не видел, где никого не знал. Ему

казалось, что многие годы он прислуживал хозяйке лесов и следовал за нею, куда бы та ни направлялась. Ее красота все еще очаровывала его, но он знал, что находится под воздействием заклятия, и каждый день старался освободиться от него. Постепенно в его памяти стиралось воспоминание о прощании с Ангарад, и перед мысленным взором вновь возникало ее юное лицо. Но он по-прежнему не имел представления о том, где находится и как ему вернуться домой.

Однажды, когда Эйнион выгуливал черную кобылу, он встретил человека в белой мантии из чистого льна, который ехал на чистокровном белом жеребце, держа в руках тонкую белую палочку. Оба они спешили, и Эйнион спросил у чужестранца, не проезжал ли он мимо Тревейира и не слышал ли каких новостей об Ангарад. Чужестранец покачал головой, но выслушал его с симпа-

тией. Тут Эйнион рассказал ему историю своей встречи с хозяйкой леса и о своем обете служить ей до тех пор, пока будет сохраняться ее красота. Тогда всадник сказал: «Если ты действительно хочешь снова увидеть свою жену, то должен прежде всего взглянуть в лицо действительности. Возьми в руки эту палочку и посмотри на красоту хозяйки лесов». Эйнион взял палочку. И тотчас же перед ним появился ужасный гoblin, изрыгающий угрозы и проклятия и грозящий мстью. Но чужестранец завернул Эйниона в свою мантию, защи-

С помощью чужестранца в белых одеждах уэльский крестьянин увидел истинное лицо своей хозяйки, державшей его в рабстве. Волшебная палочка его благодетеля позволила увидеть отвратительного гоблина, скрывающегося за внешностью прекрасной женщины.

David Sayer

тив его, и разъяренный гоблин вскочил на черную кобылу и умчался прочь.

Чужестранец вновь взял у него палочку и указал ею на землю. Неожиданно они оказались в Тревейире неподалеку от того, что показалось Эйниону его домом. Однако дом сильно изменился — он стал больше, прекрасно выглядел и был окружен фруктовым садом. Они здесь оказались далеко не единственными гостями. Небольшая, обычно пустынная поляна заполнилась людьми, заглядываю-

щими через стену, из открытых окон доносился смех и мягкие звуки арфы, в саду за домом одетые в ливреи пажы держали под уздцы дюжину великолепных лошадей — среди них была и прекрасная черная кобыла.

Гоблин оказался очень деловитым. Он прискакал прямо к Ангарад. И, приняв облик галантного рыцаря, завоевал ее сердце. Убедив Ангарад, что муж ее умер, рыцарь-гоблин предложил ей выйти за него замуж. И Ангарад была настолько им очарована, что полностью погрузилась в мир иллюзий. Началась свадебная церемония. Но, в отличие от Эйниона, Ангарад не видела ног гоблина.

В старину леса хранили множество сокровищ, оставленных давно умершими чародеями, ворами или королями. Эти клады, неизвестные или забытые, долгое время оставались нетронутыми, но дрожь ореховой палочки в руках человека, умевшего ею пользоваться, выдавала их местонахождение.

Мужчины пробрались сквозь толпу, веселившуюся на лужайке, и вошли в дом. На кухне целая дюжина поваров жарила молочных поросят на гигантском вертеле, кипятила соусы в чугунных горшках и раскладывала на подносы горы овощей и экзотических фруктов. Буфетчики с серебряными кувшинами торопливо пробегали через залы, наполняя бокалы гостей. Эйнион и чужестранец в белом пошли на звуки музыки и оказались в лучшей комнате дома, где Ангарад с рыцарем-гоблином сидели на кушетке, крытой бархатом, рядом придворная дама играла на золотой арфе.

Тогда Эйнион выступил вперед и предложил сыграть любимую мелодию Ангарад. Та взглянула на него, но увидела только сгорбленного и усталого старика с водянистыми глазами и отвисшей челюстью. Ангарад с любопытством смотрела, как Эйнион сел за арфу, настроил ее, а затем коснулся струн дрожащими пальцами. Какое-то неясное воспоминание промелькнуло в ее сознании, но тут же исчезло. К тому времени, когда Эйнион доиграл последние ноты мелодии, он понял, что Ангарад для него потеряна.

Рыцарь-гоблин держал ее в своих объятиях и целовал. Она же влюбленно заглядывала ему в глаза. Тогда чужестранец в белом шагнул вперед и вложил белую палочку в руку Ангарад. Та тотчас же увидела, как прекрасный рыцарь превратился в самого отвратительного демона, и в ужасе вскрикнула и, потеряв сознание, рухнула на пол. Когда Ангарад пришла в себя, то увидела свою старую комнату с деревянной арфой, стоявшей у окна, огонь в очаге, и Эйниона, похрапывавшего рядом. От гоблина-рыцаря и

чужестранца в белом не осталось и следа...

Многие авторы книг по магии отмечали, что лучшим материалом для изготовления волшебной палочки является обыкновенный орешник. Согласно еврейским сказаниям, посох Моисея был вырезан из орешника из сада Эдема, с его помощью вождь израильтян смог раздвинуть воды Красного моря и добыть воду из скал пустыни.

Некоторые особенности орешника способствовали тому, что это дерево играло такую важную роль в магии. Поскольку оно цветет в конце зимы, немцы считали его символом бессмертия, а английские фермеры использовали ветки орешника с сережками — известными под названием «хвостов ягненка», — чтобы подбодрить овец во время окота. Плоды орешника широко использовались как символы любви и счастья в браке.

Но ботаника не могла объяснить существовавшего с давних пор убеждения, записанного, например, еще в XVI веке ученым Агриколой, что раздвоенная волшебная палочка, изготовленная из ветви орешника, помогает найти подземные родники, уголь и драгоценные металлы, а также спрятанные сокровища. На протяжении многих веков люди, обладавшие даром предсказания, с помощью орехового прута могли обнаруживать колебания, излучаемые этими скрытыми в глубинах элементами. Когда палочка оказывалась над водой или металлом, в руках такого человека она начинала подрагивать.

Орешник был не единственным деревом, обладавшим такими магическими свойствами. Веточки ольхи, дуба или

яблони обладали такими же свойствами. В Ирландии особыми свойствами наделяли колючий терновник, если палочка срезалась с отдельно стоящего куста, прячущегося в заросших вереском лощинах, излюбленном месте встреч эльфов. Некоторые лозоходцы из Уэльса предпочитали вместо ореховых палочек пользоваться палочками из тиса. Тут они следовали обычаям чародеев своей страны, пользовавшимся тисом для изготовления волшебных палочек. Сила этого дерева была так велика, что даже палочка, изготовленная непосвященным человеком, в некоторых случаях могла обладать магическими свойствами.

Согласно знаменитой легенде, один из уэльских скотоводов, которого звали Давид Мейриг, однажды на рассвете срезал веточку тиса, чтобы погонять животных. Неделью спустя, продав скот, он брел через лондонский мост, помахивая палочкой и любуясь окрестностями. Давид был так захвачен зрелищем большого города, что не заметил, как палочка у него в руках изогнулась. Однако это заметил проходивший мимо

В подземной пещере тысяча спящих героев охраняла груды золота. С помощью чародея скотовод проник в святилище и обогатился.

английский чародей и спросил у Давида, где тот нашел палочку.

Когда чародей услышал, что скотовод сам ее срезал, он сказал Давиду, что дерево получило особые свойства от сил, находящихся под землей. Он заявил, что такой энергией могут обладать только золото и серебро. И пообещал, что сделает Давида чрезвычайно богатым, если тот покажет ему тисовое дерево, с которого срезал палочку.

Давид Мейриг согласился. Они вместе вернулись в Уэльс и добрались наконец до большого холма возле Крейги-Динас, Крепостной Скалы, около которой, как говорилось в преданиях, король Артур со своими рыцарями ждали начала битвы.

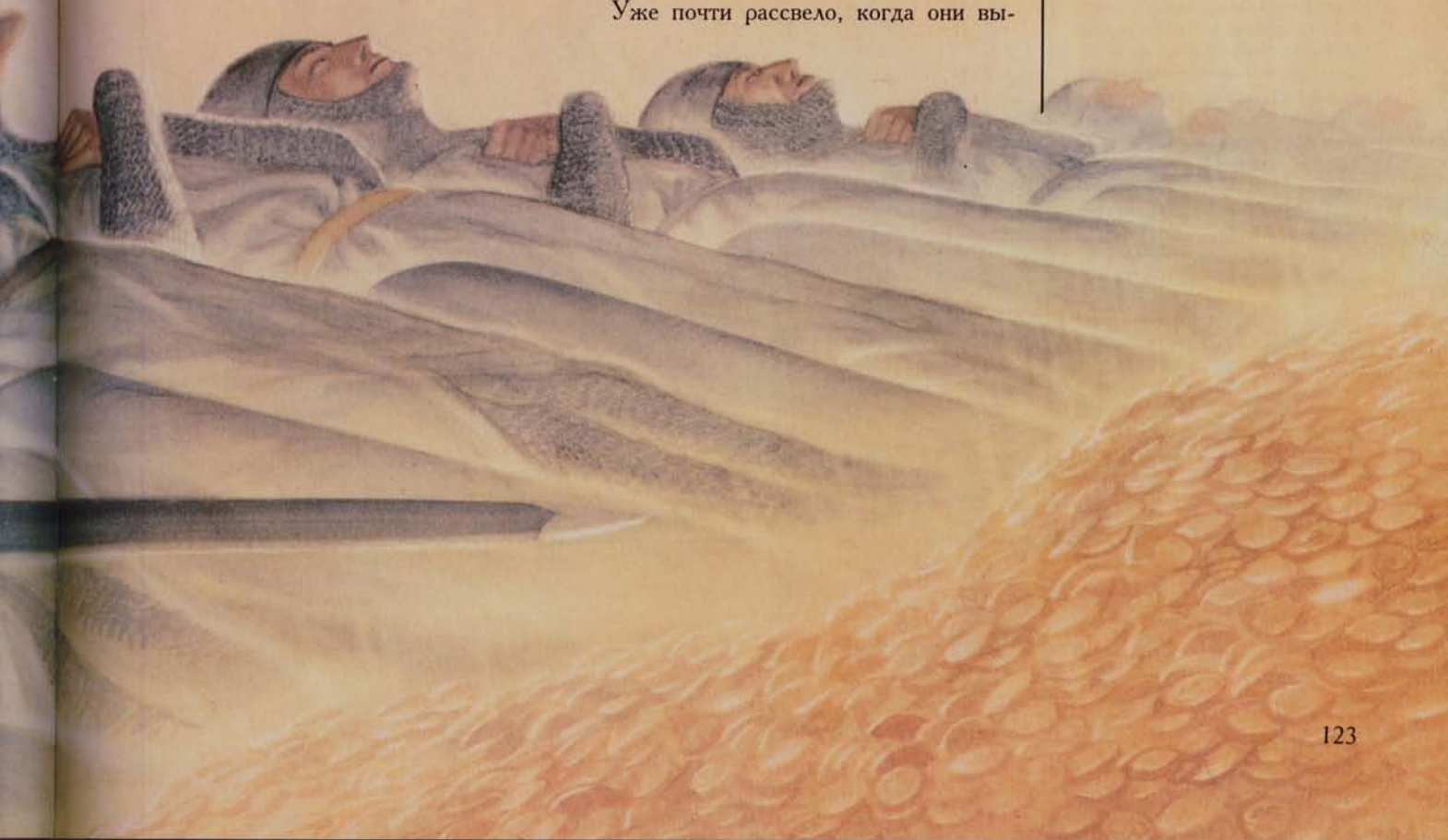
Там на склоне холма недалеко от развилки дорог Давид с чародеем нашли тот тис. Старое дерево, чуть крупнее куста, согнулось под натиском бурь, цепляясь узловатыми корнями за каменистую почву.

Ночь был благоприятна для их поисков, так как луна восходила вблизи

Юпитера. Перед рассветом мужчины, раскапывая землю вокруг дерева, обнаружили тяжелую продолговатую плиту. Под ней оказалась узкая лестница, а начинавшийся у ее подножия извилистый проход уводил еще глубже. Мужчины прошли по нему несколько сотен метров, и вдруг чародей тронул Давида за рукав и показал ему на тяжелый золотой колокол, висевший в конце прохода. Они проползли под ним и очутились в пещере, освещенной странным светом.

Перед ними плечом к плечу с мечами в руках, образуя гигантский круг, спала тысяча воинов. В центре сидел король — должно быть, король Артур — с тяжелым мечом в руках. Давид медленно обвел взглядом всю сцену и понял, что странный свет, который, казалось, исходил от костра позади короля, на самом деле излучали две громадные груды золота. Чародей шепнул Давиду, что тот может забрать столько золота, сколько унесет, и Давид торопливо набил рубашку и куртку. После этого они ушли тем же путем, что и пришли, стараясь не задеть колокол.

Уже почти рассвело, когда они вы-

Способы защиты от злых духов

В древние времена, когда днем демоны скрывались в тени, а по ночам пытались проникнуть в жилища смертных, люди использовали все доступные средства, чтобы защитить себя и своих близких. Тщательное изучение записей о чудесах говорит о том, что существовали надежные защитные средства от злых духов.

В случае нападения сверхъестественных сил самыми слабыми местами в любом доме были имеющиеся в нем отверстия — двери, окна и особенно широкие каминные проемы, как бы сами приглашавшие войти, нуждались в постоянной защите. Простая палка, связанная веревками в виде креста, могла служить защитой очага от вторжения ведьм. Красный цвет также был весьма эффективен при защите от зла, пучки веток огненно-красной от ягод рябины связывали в виде креста красной ниткой, чтобы защитить дверь или окно.

Природа предложила многочисленные средства защиты от зла. Так, например, камень с отверстием приносил счастье, особенно если привязать его к ключу или другому железному предмету. Отыскивали также блестящие перья зимородка, затем их заворачивали в чистую льняную ткань, после этого они предохраняли одежду от порчи точно так же, как хозяйна — от черной магии.

Существовали предметы, которые обеспечивали защиту от злого глаза. Поскольку лучшим средством для этого была раскрытая ладонь, в канун праздника середины лета крестьяне разыскивали корни дикой орхидеи, формой напоминавшие ладонь человека. Отправляясь в путешествие, всадники украшали уздечки своих лошадей отполированными до блеска бронзовыми подвесками, которые отражали злую волю. Особым вниманием пользовались украшения в форме полукруга. Так как они напоминали растущую или убывающую луну, то влияние их считалось особенно благоприятным.

брались на поверхность и вновь опустили плиту над узким лазом. Англичанин сказал Давиду, что тот может возвращаться в пещеру за золотом так часто, как захочет, но предупредил, чтобы он никогда не задевал колокол. После этого чародей срезал тонкую прямую палочку с тиса и очистил ее темно-зеленую кору небольшим кинжалом. Когда над горизонтом появились первые лучи восходящего солнца, спутники расстались.

Из-за добытого той ночью богатства Давид Мейриг стал толст и ленив, и прошли годы, прежде чем у него появились нужда и смелость, чтобы в одиночку отправиться в пещеру. Но в конце концов жадность и любопытство возобладали. Прихватив большой мешок, он в темноте отправился через холмы к тисовому дереву и отвалил камень в сторону. Немного погодя, наполнив мешок золотом и взвалив его на плечи, мель-

ком глянув на короля Артура и спящих воинов, Давид начал пробираться под тяжелым колоколом. Но согнулся он недостаточно низко. Мешок с золотом зацепился за колокол, и его звон немедленно поднял на ноги всех воинов.

Воины схватили скотовода и безжалостно избили перед тем, как вышвырнуть во тьму ночи. После этого Давид никогда больше не отваживался отправляться в Крейг-и-Динас. Однако он довольно часто рассказывал эту историю, и многие искали плиту под тисовым деревом, но поиски всегда кончались ничем.

Для людей, посвященных в оккультные науки, эта история служила еще одним подтверждением того факта, что магические инструменты могут получать свою силу от мертвых. Вследствие того же принципа большая сила может сохраняться в костях. Их носили в качестве талисманов, толкли, чтобы использовать в целебных напитках, применяли при заклинаниях и колдовстве. И никогда лаборатория чародея не могла бы достигнуть совершенства, если в ней не было полированного черепа, ухмылявшегося среди магических зеркал, медицинских склянок, волшебных палочек и инкунабул. Для чародеев со склонностью к морализаторству эти реликвии служили напоминани-

ем о неизбежной судьбе человечества, тогда как маги с более практическим складом ума использовали черепа в качестве ступок, сосудов для приготовления смесей или котелков. Но каждый маг знал, что черепа обладают силой, позволяющей побороть зло и задерживать демонов.

В арсенале чародеев они играли столь же важную роль, как волшебные палочки или книги, содержащие заклинания. От них могла зависеть физическая безопасность и даже жизнь. Вызов духов всегда был опасным мероприятием, так как жители королевства демонов слыли не слишком покладистыми слугами и партнерами, не заслуживающими особого доверия. Однако ни один чародей, достаточно овладевший своим искусством, не был так наивен, чтобы доверять им. Перед тем как вызвать из мрака эти весьма непостоянные силы, посвященный в тайны магии должен был принять меры предосторожности. Следуя указаниям, изложенным в старых справочниках по чародейству, он чертил магический круг на полу своей комнаты или прямо на земле, если находился снаружи. Цель заключалась в том, чтобы образовать границу, которую ни один дух не осмелится пересечь.

Правила в таких руководствах часто различались. Некоторые рекомендовали чародею проводить круг на земле с помощью магического меча или кинжала, другие призывали пользоваться для этого кинжалом, краской, к которой, как считалось, демоны испытывают отвращение. Круг должен был состоять из двух концентрических окружностей, пространство между которыми следовало плотно заполнить магическими словами и горшками с травами, вызывающими отвращение у демонов.

Находясь в безопасности внутри этого круга, чародей мог подчинять себе даже самых злых духов и повелевать ими, не подвергая себя опасности. Но если он выходил за пределы круга или даже случайно протягивал над линией руку или ногу, то уже никакое заклятие не могло его спасти. Смерть его в этом случае была ужасной, а муки продолжались и на том свете.

Лишь один человек за всю историю магии мог общаться с демонами без таких мер предосторожности. Это был могущественный царь Соломон, чьи владения простирались далеко за пределы земли иудеев и, по слухам, охватывали и сам мир духов.

Тайные знания этого величайшего из чародеев были безграничны. Арабские саги и еврейские мифы сохранили рассказы о его могуществе, не отмеченные в обычных летописях. Один из них относится к необычному суду, состоявшемуся во дворце царя Соломона в Иерусалиме. Истцей была бедная вдова, дело было о воровстве, а ответчиками были четыре ветра.

Царю доставляло удовольствие проводить во дворце ежедневные встречи с народом. Однажды весной приемная дворца была заполнена людьми, явившимися с прошениями, среди них были крестьяне, ссорившиеся по поводу границ своих оливковых рощ, наследники, оспаривающие условия завещаний, законоведы, которых интересовало мнение царя по некоторым вопросам права. Дворцовые слуги распахнули широкие окна, надеясь, что свежий ветер выдует удушливое облако затхлых запахов мочи, пота и лука.

Толпа становилась все нетерпеливее,

Череп мертвецов, круги, заполненные оккультными символами, формулы, предназначенные для вызывания злых духов, были обычными орудиями чародеев. Но даже самые опытные и посвященные в дела магии чародеи использовали их с большой осторожностью, так как знали, что играют с космическим огнем.

Царь Соломон был настолько могуществен, что не боялся призывать на свой суд даже силы природы. Когда вдова пожаловалась ему на обиду, он призвал четыре ветра, чтобы те ответили на обвинение и оправдались.

все плотнее протискиваясь к трону, где сидел великий Соломон, окруженный верховными священнослужителями храма, имевшими весьма устрашающий вид в своих рогатых головных уборах. Царь наклонился вперед, чтобы разобрать бессвязную речь заикавшегося от благоговейного страха просителя. Но внезапная суматоха в дальнем конце большого зала ему помешала. Маленькая фигурка проскользнула сквозь толпу, как ветер по пшеничному полю.

Лицо Соломона потемнело, когда он увидел, что человеком, ему помешавшим, оказался его двенадцатилетний сын, которого звали Авессалом. Мальчик сказал, что обнаружил ужасное преступление. Царь приказал Авессалому помолчать, пока человек, стоящий перед ним, не закончит свою речь. Мальчик нервничал и плакал, размазывая слезы обиды. Наконец, когда Соломон кивнул, Авессалом приблизился к трону и рассказал свою историю. Он провел сегодняшнее утро, изучая ту часть законов, которая касалась справедливости для сирых и убогих. По дороге домой он услышал плач и пошел на его звук по грязной аллее. Женщина в потрепанных траурных одеждах припала к земле, рыдая над пустой чашей. Ее юбка, обутые в сандалии ноги и грязь, в которой она сидела, были припорошены мукой. Авессалом поднял женщину и предложил, несмотря на ее протесты, поспешить во дворец отца, обещая, что там она сможет найти справедливость. И сейчас она ожидала у дверей большого зала.

Царь сделал ей знак рукой и повернулся к сыну. Если мальчик так активно выступает за торжество справедливости, сейчас самое время ему самому убедиться, как это делается.

Поднявшись с трона, Соломон набросил на плечи Авессалома свою мантию, надел ему на голову корону Израиля и вложил в руки свой скипетр; единственным признаком власти у него осталось кольцо, дававшее власть над миром духов. Авессалом предложил женщине изложить свое дело.

Сквозь слезы она рассказала, как истратила свой последний медный шекель на то, чтобы купить муки и испечь маленькую лепешку. Но когда она несла покупку домой, налетел сильный ветер и разметал муку. «Что же, — спросила она печально, — его юное высочество предложит теперь делать?» Мальчик взглянул на отца, молчаливо прося у него помощи. Казалось, царь не обращает на него никакого внимания. Он отвернулся, играя кольцом на пальце, а затем поднес его к губам и поцеловал камень.

Когда он это сделал, через открытые окна влетели четыре ветра: златовласый Западный ветер с соленой морской пылью, прилипшей к его оперению, его брат с Востока, чьи перья были покрыты пылью песков пустыни, Северный ветер, белоснежный гигант, разбросавший тающий снег по мраморному полу, Южный ветер, каждый взмах крыльев которого приносил опьяняющий запах жасмина и апельсина. Авессалом сидел на троне, украшенный всеми царственными регалиями, но ветры поклонились Соломону, хозяину кольца.

«Скажите нам правду! — восклик-

нул юный принц, стараясь походить голосом на военачальников отца во время парадов. — Кто из вас украл муку?»

Каждый ветер, прежде чем ответить, смотрел на Соломона. Западный, Восточный и Северный ветры выразили свои соболезнования вдове и представили царю доказательства их невиновности. Западный ветер находился в то время в Медных горах, где следил за добычей руды, предназначенной для выплавки металла для крыши нового храма Соломона. Восточный ветер, прилетев из пустыни, задержался в Ливане на поросших лесом склонах, где дровосеки рубили тысячелетние кедры для колонн нового храма. Их северный брат только что вернулся из Лидии, где каменотесы рубили мрамор для пола храма. Но никто из них не был на рынке Иерусалима, не видел вдовы и не трогал ее муку.

Тогда заговорил Южный ветер. Он признал свою вину, его порывы рассеяли муку из чаши. Но у этого поступка были смягчающие обстоятельства. Захочет ли суд их выслушать? Авессалом покачал головой и яростно напустился на него, но Соломон жестом приказал Южному ветру говорить.

В это самое утро, сказал дух, он летел над Аравийским морем, надувая паруса египетской галеры. На ней было триста крестьян, спасавшихся от голода. Но корабль, с которым они связали все свои надежды, оказался старым и неповоротливым корытом, прогнившим и непригодным для плавания по морю. При неожиданном порыве ветра он накренился и стал тонуть. Волны захлестывали палубу, и крики перепуганных детей поднимались к небу.

Южный ветер их услышал и пожалел. Он спустился к самой поверхности моря, собрал все силы и погнал судно к

берегу. Когда оно достигло суши, то развалилось до такой степени, что уже не подлежало ремонту, но ни один человек из находившихся на его борту не погиб. Тот порыв, который спас три сотни жизней, и разметал муку вдовы.

Слицом, залитым румянцем стыда, принц соскользнул с трона и вернул Соломону царские регалии. Царь приказал своему казначею выдать вдове в качестве компенсации сотню золотых шекелей. Сделав это, он повернулся к Южному ветру и протянул ему руку, на которой было кольцо власти. Ветер опустился перед ним на колени, чтобы получить благословение царя. Затем он вылетел через открытое окно и исчез в небе. Но после этого много дней в зале ощущалось благоухание южных цветов и фруктов.

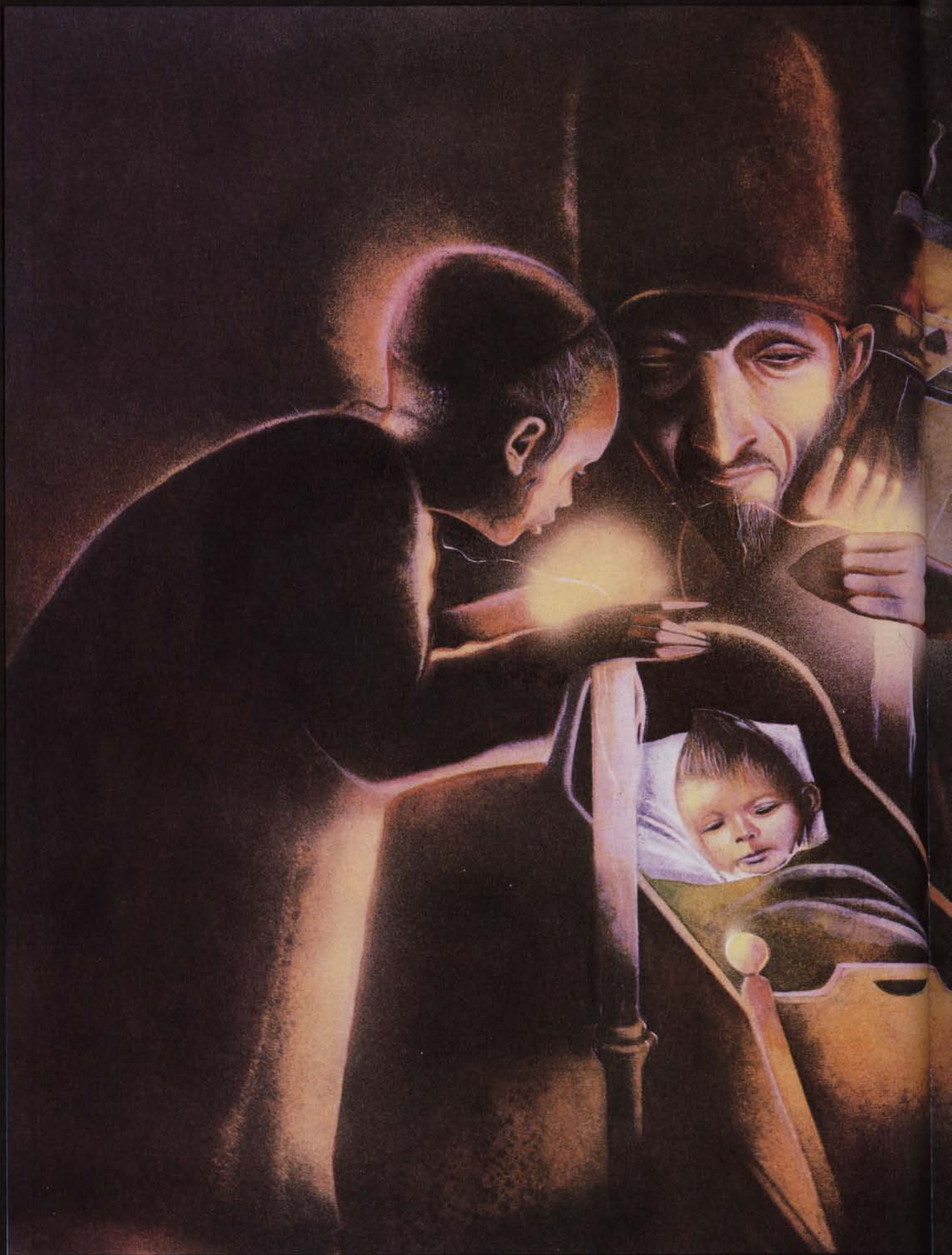
Соломон, величайший чародей всех времен, мог командовать ветрами, абсолютно уверенный в безусловном послушании. Но другие чародеи, обладавшие меньшей властью, тоже стремились повелевать стихиями. Ведьмы, которые обитали в странах Северной Европы, пользовались дурной репутацией и вызывали у людей страх из-за их умения влиять на погоду. Моряки с Шотландских островов карабкались по мокрым каменным ступеням лестницы в порту Лервик, чтобы купить у старух хороших ветров, связанных в пучок. Эстонские крестьяне злобно поглядывали на своих финских соседей, так как считалось, что их колдуны умеют отправлять плохую погоду за границу. Эти чародеи удерживали ветер с помощью трех разных узлов: если развязать первый узел, то возникал

бриз, второй узел освобождал бурю, а третий давал ураган.

Многие моряки, удивленные внезапным ухудшением погоды, задумывались над тем, что за враг на берегу желает им зла. Они знали, что шотландские колдуны за толстый кошелек с большим удовольствием подчинят себе шторм. Если ветры случайно не подчинятся им в их дьявольских развлечениях, эти мудрецы не остановятся перед тем, чтобы перевернуть само море. Блюдо, плавающее в бадье с водой, можно было перевернуть и утопить, произнеся соответствующие заклинания. И в тот самый момент, когда блюдо перевернется, где-то в море погибнет корабль.

В умелых руках эти простые средства могут быть такими же эффективными, как и божественный аппарат Агриппы и его братьев по ремеслу. Человек, по-настоящему посвященный в тайные искусства, понимал, что весь мир является лабораторией, полной неиспользованных возможностей и неиспытанных инструментов. Волшебные палочки и круги, черепа и кольца, узлы и заклинания были всего лишь наиболее известными ключами, призванными открыть дверь в другую и весьма опасную вселенную.

Война света и мрака

С толь же старая, как само время, и совершенно непримиримая война между доброй и злой магией никогда не прекращалась.

В прежние времена поклонники соперничающих культов призывали своих призрачных богов одолеть друг друга; с тех пор сторонники зла постоянно совершенствовали свое мастерство в борьбе с теми, кто использовал чудеса на благо человечества.

Еврейские сказочники в Восточной Европе рассказывали про мудреца по имени рэббе Израэль, который стал участником схватки с посланцем ада.

В длительном путешествии рэббе с учениками остановились на ночь в гостинице. Войдя, они обнаружили, что гостиница пуста, хотя столы накрыты вышитыми скатертями и заставлены кубками и серебряными тарелками, словно для праздника. Затем из кухни они услышали рыдания. Там хозяин гостиницы с семьей рыдал возле маленького пустого гроба.

Хозяин объяснил, что все было готово к празднику, чтобы отметить рождение его сына. Но жена его раньше уже родила двух сыновей, и каждый из них умирал в канун торжества. И в этот раз он приготовился к самому худшему: маленький гроб ждал своего владельца.

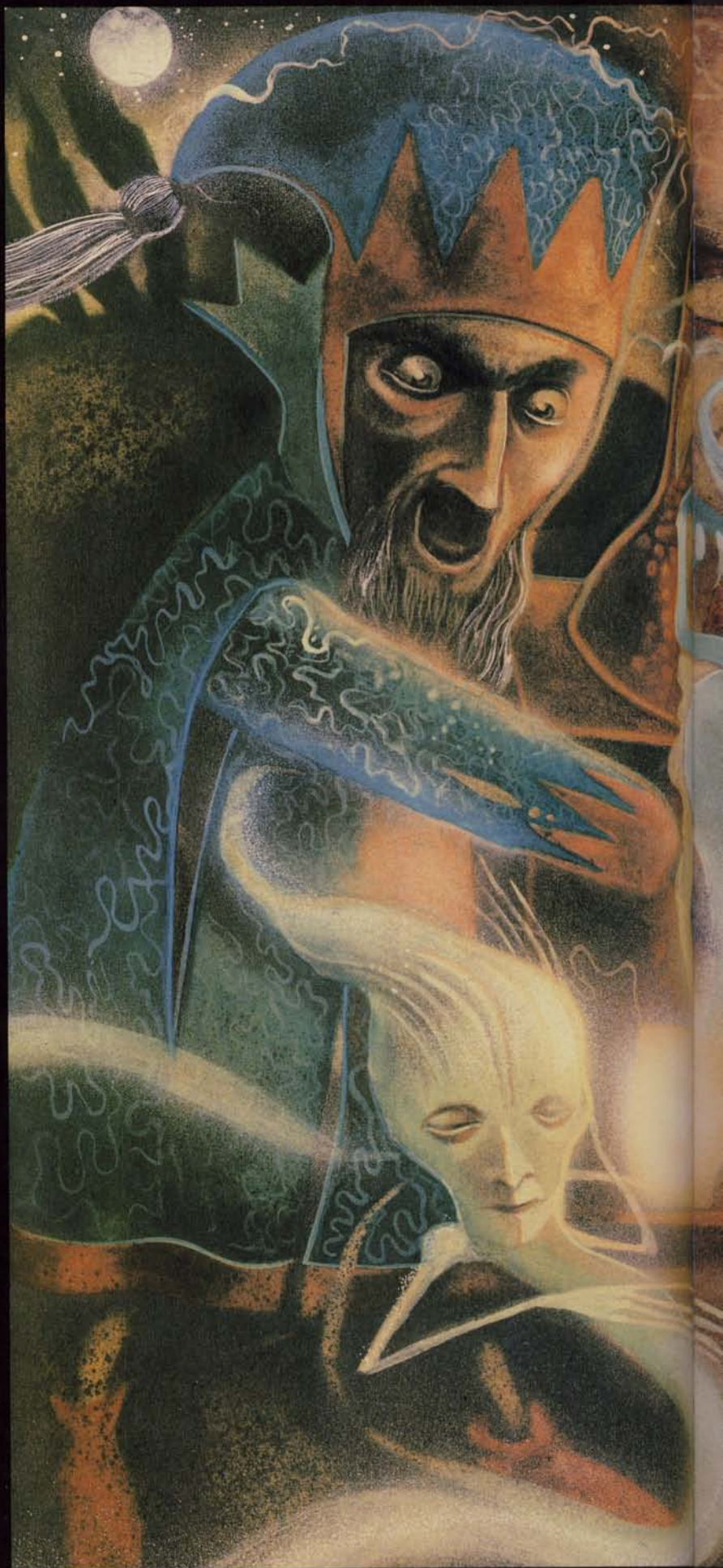
Тем временем рэббе задумался; потом он приказал зажечь свечи вокруг колыбели ребенка и положить мешок за его головой. Сам он с двумя учениками сел рядом и стал наблюдать.

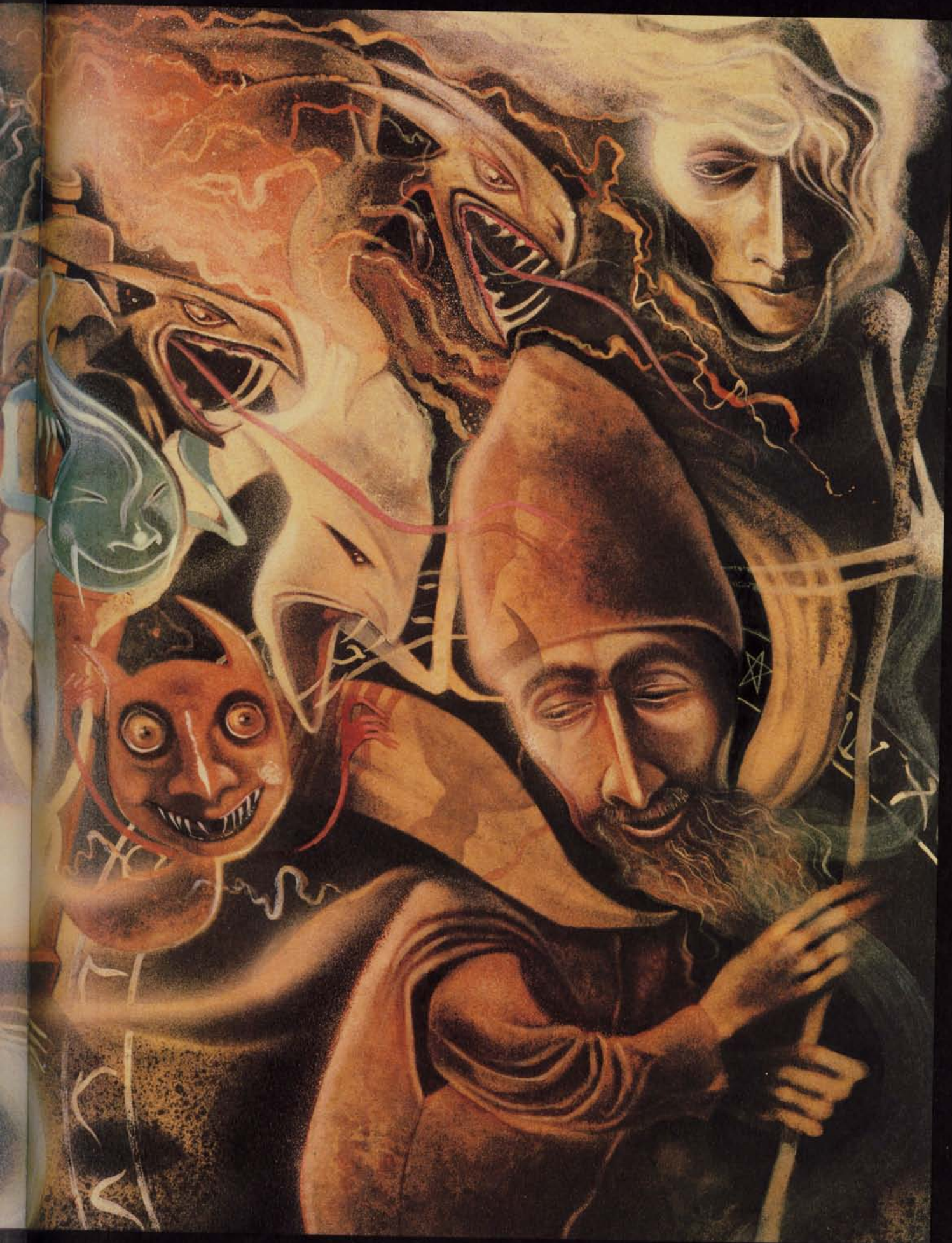
Через час после полуночи пламя свечей заколебалось. К колыбели бесшумно проскользнул кот, его присутствие выдавали только два зеленых глаза, сверкавших во мраке. Кот неожиданно зашипел, подобрал лапы и прыгнул. Но в этот самый момент он встретил взгляд рэббе. Кот замер на полпути в воздухе, а потом упал в раскрытый мешок. Ученики быстро завязали мешок, пленив животное. Рэббе засмеялся, вытащил палку и принялся изо всей силы лупить кота. Наконец, когда рука у него устала, он открыл окно и вытряхнул визжащее содержимое мешка в ночную тьму.

На следующий день весело прошел праздник. Однако странным показалось то, что местный помещик, приглашенный как почетный гость, не явился на праздник. Взяв в качестве подарка кусочек праздничного торта, рэббе отправился в поместье, где нашел хозяина лежащим в постели, всего избитого. Оба мгновенно узнали друг друга. Глаза хозяина засветились зеленым светом, яростно шипя, он предложил рэббе помериться силой.

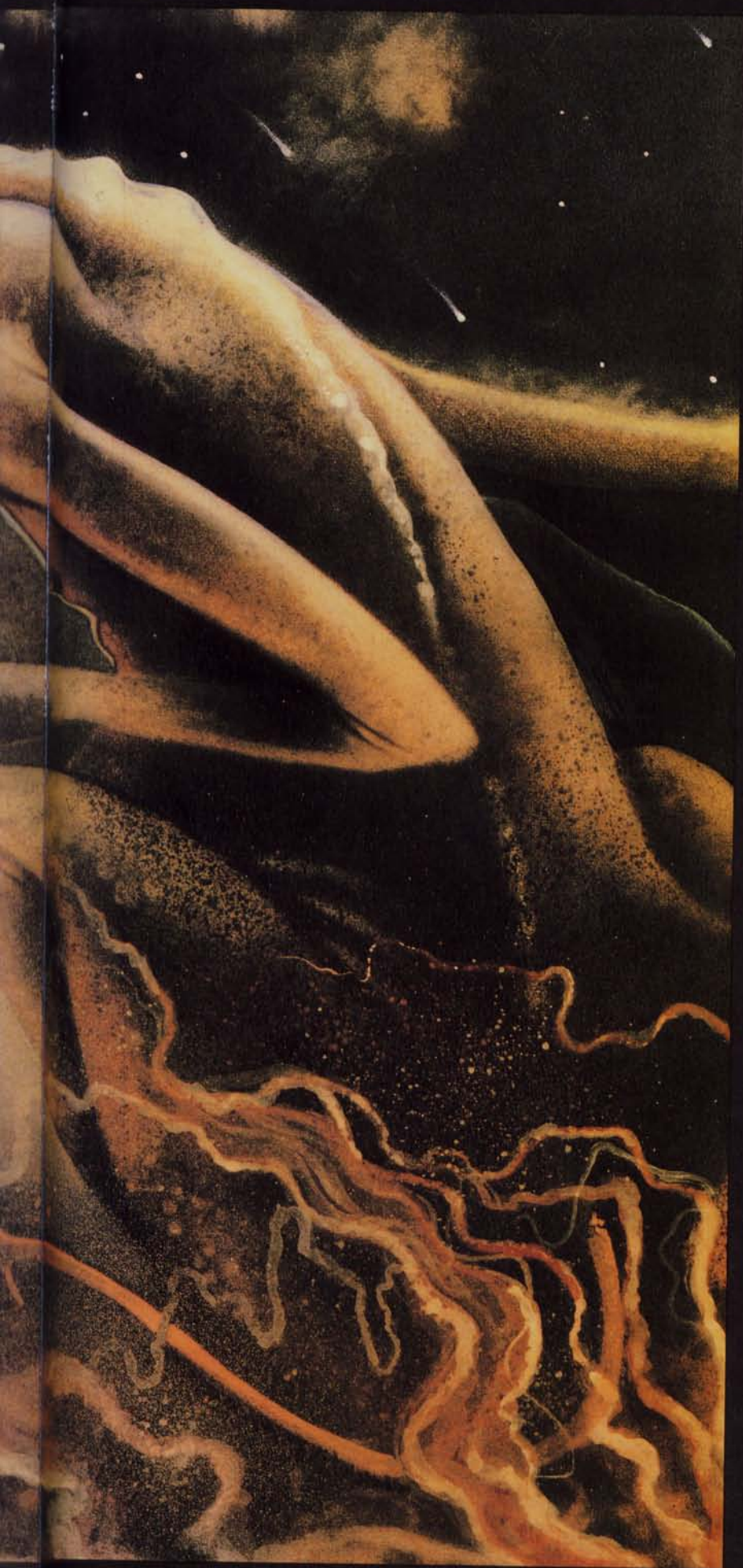
На следующее утро во дворе усадьбы был сооружен помост и сложена большая печь. Увидев это, рэббе подзвал к себе учеников и начертил на земле два круга.

Его противник разжег печь и распахнул дверцы. Множество диких зверей выскочили оттуда и прыгнули на рэббе, но не смогли преодолеть круги. Снова хозяин открыл дверцы. На этот раз солнце померкло, в воздухе потемнело и печь выплюнула создания ночи. У некоторых из них торчали когти, и они были одеты в лохмо-

тя, другие были слепыми, как большие личинки, они надвигались на круги, и те качались так, словно земля под ними сотрясалась. Но рэббе поднял руку и прочитал молитвы, в результате все атаки закончились неудачей.

Два дня и две ночи продолжалась битва. Вновь и вновь чародей открывал дверцы своей печи; каждая новая атака была ужаснее, чем предыдущая. Даже мертвые были вызваны из своих могил, но, хотя круги дрожали так, что могли вот-вот разрушиться, рэббе и его ученики оставались в безопасности.

На третий день помещик начал ослабевать и решил призвать себе на помощь самого могущественного союзника. Он приказал слугам загрузить печь до предела. Потом, когда огонь взвился ввысь, бросился в пламя и призвал дьявола. Эта пара обнялась, и настолько велик был жар их злобы, что даже трава у ног рэббе обугливалась. Получив такую поддержку, чародей выскочил из печи, схватил поросенка у одного из жителей деревни и швырнул его на землю. Под действием его дьявольского взгляда живот поросенка лопнул, и когда кишки его вывалились наружу, земля содрогнулась и раскрылась.

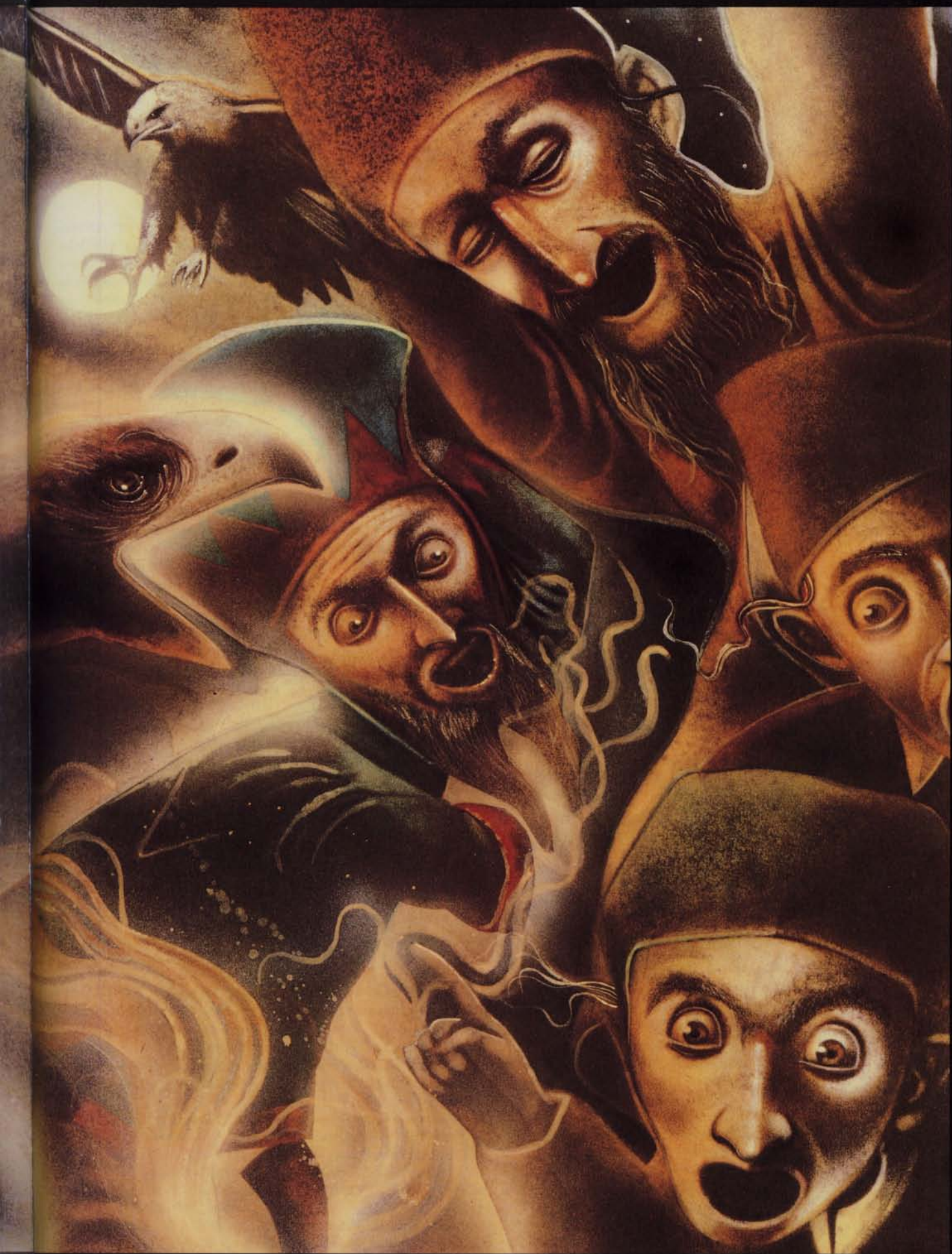
Из возникшей трещины появилась армия ужасных существ, они бросились на рэббе и прорвались через внешнее

кольцо. Выжженная земля треснула, и внутреннее кольцо стало сжиматься. Но рэббе подозвал учеников поближе и, воздев руки, начал произносить молитву. С каждым произнесенным словом адские создания уменьшались и скрывались в грязи, из которой появились. Земля сомкнулась, и наступила тишина.

Измученный помещик рухнул возле бесполезной печи и принялся просить, чтобы его убили, признавая поражение. Рэббе с презрением посмотрел сверху вниз на противника и сказал: «Я не буду тебя убивать». Затем он приказал побежденному встать на колени и поднять глаза к небу. Помещик сделал так, как ему было приказано, и тихий стон сорвался с его губ, когда он увидел на небе два черных пятнышка. Они становились все больше и больше, пока наконец все не увидели, что это два орла.

Устремившись вниз, они вцепились когтями в лицо стоявшего на коленях чародея. Когда тот в ужасе закричал, они погрузили свои кривые клювы глубоко в его глазницы, вырвали глаза и исчезли в небе. Удовлетворенный этим наказанием, рэббе призвал к себе учеников, и они продолжили свой путь. Позади остался помещик-чародей, ослепленный, униженный, лишенный своего могущества, побежденный силой веры.

ББК 84(0)
Т14

Перевод
О. КУБАТЬКО

Тайные искусства

Редактор И. ШУРЫГИНА

Художественный редактор И. ЛОПАТИНА

Технический редактор Г. ШИТОЕВА

Корректоры Н. КУЗНЕЦОВА, И. САХАРУК

Компьютерная верстка И. ПОНЯТЫХ

ЛР № 030129 от 02.10.91 г. Подписано в печать
09.08.96 г. Уч.-изд. л. 22,93. Цена 74 000 р.
Клубная цена 33 000 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Т14 **Тайные искусства.** — М.: ТЕРРА, 1996. — 144 с.: ил.—(Зачарованный мир).

ISBN 5-300-00674-2

В книге собраны предания о таинственном мире колдовства, о том, как люди в стародавние времена искали эликсир жизни и пытались противостоять чарам и заклинаниям.

Т 4703000000-451 Без объявл.
А30(03)-96

ББК 84(0)

ISBN 5-300-00674-2

"Authorized Russian language edition © 1996,
Publishing Center "TERRA". Original edition
© 1987, Time-Life Books BV. All rights reserved.

No part of this book may be reproduced in any form,
by any electronic or mechanical means, including
information storage and retrieval devices or systems,
without prior written permission from the publisher,
except that brief passages may be quoted for review."

Time-Life Books is a trademark of Time Warner
Inc."

Перевод на русский язык. © 1996, Издательский
центр «ТЕРРА». Оригинальное издание © 1987,
Time-Life Books BV. Все права защищены.

Не допускается воспроизведение текста и/или ил-
люстраций любым механическим или электронным
способом, включая информационные базы данных
и системы, без письменного разрешения издателя.

Time-Life Books является торговой маркой Time
Warner Inc.